

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

2 • 2021

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S.Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сеин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

А.Ю. Бахтурина

Национальная польская школа и российская бюрократия:
1905–1907 гг. 12

А.Г. Колдина

Аграрное образование в Нижнем Поволжье:
организация, трудности, успехи (1920-е гг.) 22

В.И. Бакулин, П.А. Чемоданов

Состояние социальной сферы и жизненный уровень населения
Кировской области в годы второй пятилетки (1933–1937) 32

Всеобщая история

Д.М. Абрамов

Западноевропейские и византийские источники
эпохи Средневековья об отношениях между западными
и восточными христианами и о взятии
Константинополя крестоносцами в 1204 г. 58

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

З.П. Иноземцева

Учебные научно-исследовательские работы современных школьников
как источник изучения исторической памяти народа
о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 72

История культуры в документальном освещении

А.А. Слепцова

Документы архивов Москвы об истории создания
архитектурного комплекса Марфо-Мариинской обители
милосердия 84

Персональная история

В.И. Завич

Бежавший от войны:

О российском ученом-эмигранте Б.М. Сапире 98

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

О.Г. Леонтьева

Организация работы Тверского губернского архивного бюро
с документами военных организаций, эвакуированными

в Тверь в 1914–1917 гг. 105

В фондах отечественных и зарубежных архивов

О.С. Суржик

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой 114

М. Пискова

По архивным следам французского художественного фильма
про армян и Первую мировую войну «Андраник» (1928)

126

С.С. Войтиков

Материалы коллекции Героев Советского Союза в ЦГА Москвы:

участник Великой Отечественной войны Л.А. Бутков 141

CONTENTS

Russian History

<i>A. Bakhturina</i>	
National Polish school and Russian bureaucracy, 1905–1907	12
<i>A. Coldina</i>	
Agrarian education in the Lower Volga Region. Issues, achievements (the 1920s)	22
<i>V. Bakulin, P. Chemodanov</i>	
The social sphere and the living standards of the Kirov region population during the time of the second five-year plan (1933–1937)	32

World History

<i>D. Abramov</i>	
Western European and Byzantine sources of the Middle Ages about the relations between Western and Eastern Christians and the capture of Constantinople by the Crusaders in 1204	58

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

<i>Z. Inozemtseva</i>	
Educational research works of contemporary schoolchildren as a source of study of the historical memory of the people about the Great Patriotic War of 1941–1945	72

History of culture in documentary heritage

<i>A. Sleptsova</i>	
Documents of the Archives of Moscow on the history of the creation of the architectural complex of the Saints Martha and Mary Convent of Mercy	84

Personal histories

V. Zvavich

Fleeing from the war.

About the Russian emigrant-scientist B.M. Sapir 98

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

O. Leontieva

Organization of work of the Tver Provincial Archive Bureau
with the documents of military organizations evacuated
to Tver in 1914–1917 105

In the funds of Russian and foreign archives

O. Surzhik

The Russian-Turkish war of 1877–1878 in the letters
of K.P. Pobedonostsev to E.F. Tyutcheva 114

M. Piskova

Tracing the archival sources of the French feature film “Andranik”
about the Armenians in the First World War (1928) 126

S. Voytikov

Materials of the Collection of Soviet Union Heroes
(the Central State Archives of Moscow):

L.A. Butkov, the participant of the Great Patriotic War 141

Отечественная история

УДК 94(47+438)

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

Национальная польская школа и российская бюрократия: 1905–1907 гг.

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. История движения за национальную польскую школу в 1905–1907 гг. долгое время являлась частью исследований по истории Первой русской революции, отдельно изучалась «школьная забастовка» в Царстве Польском, но позиция верхов российской бюрократии в этом вопросе детально не рассматривалась. В статье рассматривается эволюция позиций верхов российской бюрократии по вопросу о преподавании на польском языке в учебных заведениях Царства Польского в годы Первой русской революции. Впервые показаны различия в позиции официального Петербурга и губернской администрации Царства Польского. Губернская администрация была более заинтересована в достижении стабильности в крае либеральными методами и была готова к уступкам, когда члены Совета министров и император сначала занимали неопределенную позицию. На основе анализа межведомственной переписки, часть которой впервые вводится в научный оборот, делается вывод о том, что колебания царского правительства в решении вопроса о национальной польской школе не способствовали стабилизации ситуации в регионе в годы революции, а победивший в итоге либеральный курс не дал ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., Царство Польское, национальная польская школа, школьная забастовка, Г.А. Скалон, И.И. Толстой

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Национальная польская школа и российская бюрократия: 1905–1907 гг. // История и архивы. 2021. № 2. С. 12–21. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

National Polish school and Russian bureaucracy, 1905–1907

Alexandra Yu. Bakhturina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru*

Abstract. The history of the movement for a national Polish school in 1905–1907 was for a long time a part of research on the history of the first Russian revolution; the “school strike” in the Kingdom of Poland was studied separately, but the position of the top Russian bureaucracy on that issue was not considered in detail. The article considers an evolution in the positions of the top Russian bureaucracy on the issue of teaching in Polish in the schools of the Kingdom of Poland during the first Russian revolution. For the first time, the differences between the positions of official Petersburg and the provincial administration of the Kingdom of Poland are shown. The provincial administration was more interested in achieving stability in the province by liberal methods and was ready to make concessions when the members of the Council of Ministers and Nicholas II initially held an ambiguous stance. Based on the analysis of the interdepartmental correspondence, part of which is introduced in the scientific circulation for the first time, it is concluded that hesitation of the tsarist government in resolving the issue of the national Polish school did not contribute to the stabilization of the situation in the region during the revolution, and the winning liberal course did not have the anticipated effect.

Keywords: revolution of 1905–1907, Kingdom of Poland, national Polish school, school strike, G.A. Skalon, I.I. Tolstoy

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2021), “National Polish school and Russian bureaucracy, 1905–1907”, *History and Archives*, no. 2, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

Введение

Создание национальной школы в Российской империи в начале XX в. стало одним из существенных элементов политической агитации и политических устремлений общественно-политических деятелей. Расширения преподавания на национальных языках требовали различные общественно-политические группы. В этом смысле стремление к преподаванию на национальных языках было вызвано самыми разными целями: от задачи укрепления отдельных национальных диаспор до борьбы за национальную автономию. В Царстве Польском движение за национальную школу в годы

Первой русской революции приняло массовый характер, став частью движения за польскую автономию и в конечном счете восставления национальной государственности.

Движение за национальную школу в течение длительного времени рассматривалось в контексте истории Первой русской революции в губерниях Царства Польского [Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004], где непременно указывается на «школьную забастовку» 1905 г., ставшую важной фазой движения за национальную школу и преподавание на польском языке во всех учебных заведениях Царства Польского. Также «школьная забастовка» являлась объектом самостоятельного исследования, но при этом эволюция позиции царского правительства и верхов российской бюрократии в вопросе о национальной польской школе не рассматривалась. Авторы подводят итог исследованиям, указывая, что под влиянием забастовочного движения правящие верхи пошли на уступки, что безусловно, верно, но не отражает всего спектра полемики в среде высшей бюрократии по вопросу о национальной польской школе.

«Школьная забастовка», царское правительство и администрация Царства Польского

В Царстве Польском после восстания 1863 г. проводилась последовательная политика распространения русского языка в образовании и делопроизводстве, в результате которой к началу XX в. сфера применения польского языка ограничивалась рядом правительственных распоряжений. Ответной реакцией стало институциональное оформление движения за национальную школу: был создан «Союз национализации школы» – молодежная организация в Варшаве. И именно он в 1905 г. призвал к бойкоту русской правительственной школы вплоть до введения в ней преподавания на польском языке. В феврале 1905 г. в Царстве Польском началась так называемая школьная забастовка. Ее начало и развитие по-разному интерпретировалось в российской периодической печати. «Новое время» 16 февраля 1905 г. сообщало, что 6 февраля на собрании родителей в Варшаве была составлена и передана попечителю Варшавского учебного округа А.Н. Шварцу резолюция о закрытии всех учебных заведений впредь до восстановления польской школы. Эту информацию опровергала газета «Русь». Газета обращала внимание читателей на то, что никаких антиправительственных акций в Варшаве нет, а «Новое время» нагнетает ситуацию. По версии «Руси», представители «уважаемых людей Варшавы» обратились к Шварцу с просьбой созвать собрание и обсудить вопрос о польской школе. На собрание пришло около 2 тыс. участников. Попечитель

Варшавского учебного округа поддержал идею введения преподавания в школах на польском языке «для столь самостоятельного в своей культуре и всесторонних успехах народа, как поляки». Но никаких административных возможностей для немедленного введения польской школы у Шварца не было и он предложил родителям учащихся дожидаться официальных решений и прекратить бойкот школы. Но собрание с предложением Шварца и по версии «Руси», и по версии «Нового времени» не согласилось, и «школьная забастовка» продолжилась¹, распространилась на другие губернии и города и стала общепольской уже в феврале 1905 г.

Народно-демократическая партия, партия реальной политики, Польская прогрессивная партия, Лига независимости Польши призывали население бороться за польскую школу и продолжать бойкот русских учебных заведений².

Студенты и гимназисты требовали преподавания на польском языке и демократизации школы³. Среди населения распространялась прокламация «Прогрессивной молодежи средних школ Царства Польского», где, с одной стороны, говорилось, что польская школа должна иметь национальный характер, но, с другой, не исключалось право других национальностей иметь свою национальную школу⁴. Характерным моментом движения за национальную польскую школу в 1905–1907 гг. стало присоединение к движению крестьянства, когда «стали очевидными результаты процесса формирования национального сознания деревни на протяжении 30 лет после Январского восстания» [Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004, с. 377].

Представители умеренной общественности требования польской школы связывали с идеей государственной пользы, проводя мысль о том, что русский язык не должен навязываться школе принудительно, а «народная, т. е. польская школа будет звеном, связующим польское и русское общество, и воспитает граждан, стоящих на страже общегосударственных и национальных интересов»⁵.

Представители консервативных монархических кругов высказывались против польской школы, отмечая, что это движение не должно получить никакой общественной и правительственной под-

¹ Русь. 1905. № 41. 17 февр.

² ГАРФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 72. Л. 5.

³ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. М., 1976. С. 376.

⁴ Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. М., 1956. С. 196–197.

⁵ К вопросу о реформе общеобразовательной школы в Царстве Польском. М., 1905. С. 8.

держки, поскольку наличие любых национальных школ ведет к разрушению государственного единства, основой которого является государственный язык⁶.

Различие во взглядах на развитие польской школы имело место и в среде высшей российской бюрократии. Первоначально требование национальной школы в Царстве Польском рассматривалось как отражение «чрезмерных притязаний» «некоторых кругов польского общества». Именно так высказался в рескрипте от 14 марта 1905 г. на имя варшавского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.К. Максимовича Николай II. В документе говорилось, что не должно быть «несправедливого стеснения языков местных», но указывалось, что Царство Польское должно находиться «в неразрывном единении» с «остальными частями Российской державы»⁷. Рескрипт отражал на тот момент позицию правящих верхов и весьма четкое понимание того, что движение за национальную школу означает движение за национальную государственность. Русский язык рассматривался как важнейший связующий компонент государственности, обеспечивавший единство империи. Хотя из рескрипта следовало, что в марте 1905 г. правительство не было готово к немедленным уступкам, но вопрос обсуждался. Итог этих работ был обнародован 6 июня 1905 г. в Положении Комитета министров «О порядке выполнения пункта 7 Именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г. в отношении губерний Царства Польского».

Постановление затрагивало вопросы употребления польского языка в преподавании и делопроизводстве. В нем говорилось, что на польском языке возможно преподавание римско-католического закона Божия и польского языка⁸.

*Варшавский генерал-губернатор Г.А. Скалон,
министр народного просвещения В.Г. Глазов
и польская школа*

В августе 1905 г. варшавским генерал-губернатором был назначен помощник командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Г.А. Скалон [Бахтурина 2013, с. 280]. Он вступил на этот пост в сложное время, когда революционное движение в Царстве Польском развивалось, К.К. Максимович был

⁶ Истомин В.А. Современное положение «польского вопроса» в Привисленском крае. М., 1905. С. 12–13.

⁷ Правительственный вестник. 1905. 16 марта.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. Отд. 1. № 26368. С. 437–438.

отправлен в отставку, поскольку не сумел овладеть ситуацией. Приступив к исполнению своих обязанностей, Скалон сразу обратил внимание на продолжавшуюся борьбу за национальную школу и попытался урегулировать ситуацию частичными полумерами. В письме министру народного просвещения В.Г. Глазову от 31 августа 1905 г. Скалон предложил предоставить частным учебным заведениям Царства Польского права преподавания на польском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии. При этом он ссылаясь на мнение императора. Сразу заметим, что эти права, по предложению Скалона, могли получить только частные школы, не пользующиеся правами казенных учебных заведений. Относительно казенных школ Скалон писал, что в младших классах преподавание всех предметов, кроме русского языка и географии, могло бы идти на польском языке, в средних на русском языке могла бы преподаваться половина предметов, в старших – все без исключения. По сути, Скалон таким образом проектировал постепенный переход с польского на русский, сохраняя позиции государственного языка.

Для русского населения генерал-губернатор предлагал оставить несколько средних учебных заведений с преподаванием только на русском языке, а в прочих гимназиях для русских детей открывать параллельные отделения низших классов. Несмотря на ограниченный характер предложений Скалона, В.Г. Глазов их отверг⁹. Но, видимо, Скалон действительно опирался на мнение Николая II, готового в октябре 1905 г. к уступкам. Его предложения о преподавании в частной школе были реализованы в высочайшем указе Сенату 1 октября 1905 г., где разрешалось преподавать ряд предметов на польском и литовском языках в частных школах Царства Польского. Министры народного просвещения и финансов могли разрешать преподавать в частных школах на польском и литовском все предметы, кроме русского языка, истории и географии России. Последние включались в число обязательных предметов и могли преподаваться исключительно на русском языке¹⁰. Также говорилось, что указ является временной мерой и что он будет действовать до появления законодательства, обеспечивающего выполнение Положения Комитета министров от 6 июня 1905 г.

⁹ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17 октября 1905 г. Варшава, 1905. С. 30.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. Отд. 1. № 26756. С. 710–711.

*Манифест 17 октября 1905 г.
и развитие движения за национальную школу*

Публикация манифеста 17 октября 1905 г. подтолкнула антиправительственное движение в польских губерниях, где наряду с требованиями политической автономии с новой силой зазвучали призывы к немедленному переходу школ к обучению на польском языке.

В различных городах Польши началось движение за переход к делопроизводству и обучению на польском языке. В Варшавской губернии в первой половине ноября были прекращены занятия в 66 школах¹¹. 21 октября учителя начальных школ г. Варшавы на общем собрании постановили, что во исполнение данных манифестом 17 октября 1905 г. конституционных свобод необходимо начать преподавание всех предметов на польском языке. 14 ноября в Варшаве состоялся съезд польских учителей народных школ, принявший резолюцию об обязательном обучении на польском языке в начальной школе. В документе говорилось, что «все распоряжения Учебного округа, противоречащие вышеприведенным принципам, должны игнорироваться учителями»¹².

В этой ситуации правительство идет одновременно по пути репрессий и уступок. На пост министра народного просвещения в октябре 1905 г. назначается И.И. Толстой, заявлявший о себе как стороннике равноправия всех народов Российской империи, с одной стороны, а с другой – 28 октября 1905 г. император вводит военное положение в десяти губерниях Привисленского края. На посту министра И.И. Толстой начал продвигать свой проект по изменению системы преподавания в Царстве Польском, касавшийся не только начальной и средней, но и высшей школы.

24 декабря 1905 г. он обратился к Витте со своими предложениями. Как и Г.А. Скалон, Толстой считал, что ограничения в преподавании на польском – источник всех антиправительственных выступлений в крае: «Здесь школа, начиная с 60-х годов, преследует побочные цели – политические, выражающиеся в стремлении обрести польское юношество. Не достигнув и этой цели, она лишь озлобила польское население, которое в 1905 г. в порыве сильного негодования перестало посылать своих детей в школу» [Дякин 1998, с. 368]. Относительно средней школы проект Толстого сводился к тому, чтобы разделить правительственные школы на две группы: первую с русским, вторую с польским и литовским языками

¹¹ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17 октября 1905 г. С. 10–11.

¹² Там же. С. 11.

преподавания. В польских и литовских школах русский использовать только для изучения русского языка и словесности, географии и истории России. В школах с русским языком преподавания также преподавать польский язык и католический Закон Божий по-польски, а также ввести польский язык в большинстве низших учебных заведений, сохранив русский или введя литовский в зависимости от состава населения конкретных местностей [Дякин 1998, с. 371]. Толстой считал, что такая реформа образования удовлетворила бы умеренные круги польского общества. В основе его проекта лежала записка о реформе польской школы, составленная профессором Петербургского университета Л.И. Петражицким. Записка Петражицкого была по распоряжению Толстого переписана целиком, им подписана и представлена в качестве проекта в Совет министров. Витте одобрил проект, но считал, что немедленно начать реформу нельзя, а также требуется заключение варшавского генерал-губернатора¹³.

Витте направил записку Толстого Г.А. Скалону. Скалон расценил предложения Толстого как шаг к польской автономии, ответив, что создание польской школы возможно только в случае предоставления Польше автономии, иначе это будет непродуманным и поспешным решением.

Скалон считал принцип полной национализации школы неприемлемым. Обучение на родном языке, по его мнению, возможно только в начальной школе, но и там должен преподаваться и русский язык. В средней школе должно было постепенно увеличиваться число предметов, преподаваемых на русском, чтобы к двум последним классам практически полностью исключить использование польского языка. Исключением должны были стать католический Закон Божий и польская словесность, где польский сохранялся [Дякин 1998, с. 369].

Заключение

Деятельность МНП и варшавского генерал-губернатора по введению польского языка в преподавание была направлена на сохранение правительственной школы, бойкотировавшейся населением. Предложения варшавского генерал-губернатора, высочайшие рескрипты за подписью императора, циркуляры Министерства народного просвещения иллюстрировали неустойчивость позиции правительства в вопросе о национальной польской школе. Колебания от провозглашения незыблемости позиций государственного

¹³ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 165.

языка до предложений о распространении польского языка во всех типах учебных заведений не добавляли правительству авторитета и не стабилизировали ситуацию уже потому, что всегда были свидетельством уступок под влиянием требований масс. Кроме того, идеи равноправия национальностей, которые предполагал реализовать И.И. Толстой в Царстве Польском, предлагая создать как польскую, так и литовскую национальную школу, не учитывали всей сложности межнационального взаимодействия в регионе.

Позднее И.И. Толстой писал, что уступки, сделанные правительством, в других условиях были бы встречены с энтузиазмом как направленные на восстановление польского языка в школе. Но они «запоздали, по крайней мере года на три-четыре, а нервозность эпохи сделала то, что они не только не принесли никакой пользы, но стали источником новых бед... Русская администрация в Польше, так и сами поляки увидали в новшествах те крайние уступки, на которые согласно идти правительство; поэтому администрация считала себя вправе... ограничить данные права <...>, поляки, со своей стороны, стали толковать меры в смысле расширительном, надеясь этим способом... перескочить через поставленный... барьер»¹⁴. Население по-прежнему бойкотировало правительственную школу, особенно начальную, в частных учебных заведениях доминировал польский язык вопреки действовавшему законодательству. Управление Варшавского учебного округа и администрация генерал-губернатора пошли по пути давления, закрывая школы, отказывавшиеся полностью от русского языка. В итоге, по замечанию Толстого, «вся школьная жизнь края замерла, польские дети перестали ходить в учебные заведения и продолжали функционировать с грехом пополам только казенные русские учебные заведения, которые под охраною полиции, а иногда и войск, стали посещать только немногочисленные дети русских и еврейских семей, находясь под ежечасным страхом разгрома со стороны патриотов»¹⁵. В 1907 г. в Варшавском генерал-губернаторстве констатировали ее «полный развал за три года смуты»¹⁶.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00426 А.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number № 20-09-00426 А.

¹⁴ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. С. 162.

¹⁵ Там же. С. 163.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

Литература

- Бахтурина 2013 – *Бахтурина А.Ю.* Государственная власть и общественно-политическая элита на западных окраинах Российской империи (1905–1907 гг.) // *Российская государственность: опыт 1150-летней истории*. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. С. 272–286.
- Дякин 1998 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (материалы к исследованию). СПб., 1998. 1000 с.
- Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004 – *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., Весь мир, 2004. 544 с.

References

- Bahturina, A.Yu. (2013), “*Gosudarstvennaya vlast’ i obshchestvenno-politicheskaya elita na Zapadnyh okrainah Rossijskoj imperii (1905–1907 gg.)*” [State power and socio-political elite in the Western borderlands of the Russian Empire (1905–1907)] // *Rossijskaya gosudarstvennost’: opyt 1150-letnej istorii* [Russian statehood. An experience of the 1150-year history], Institut Rossijskoj istorii RAN, Moskva, Russia, pp. 272–286.
- Dyakin, V.S. (1998), *Natsional’nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (materialy k issledovaniyu)* [The nationalities question in the internal policy of tsarism (research papers)], Sankt-Petersburg, Russia.
- Tymovskij, M., Kenevich, Ya. and Hol’tser, E. (2004), *Istoriya Pol’shi* [History of Poland], Ves’ mir, Moskva, Russia.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Alexandra Yu. Bakhturina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; b-a-t13@mail.ru

Аграрное образование в Нижнем Поволжье: организация, трудности, успехи (1920-е гг.)

Анастасия Г. Колдина

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, a.coldina@yandex.ru*

Аннотация. Проблемы в образовательной сфере актуальны не только на сегодняшний день. Так исторически сложилось, что любые социальные потрясения в стране откладывали свой отпечаток на народное образование. Не стали исключением и события почти столетней давности.

Система аграрного образования в Советской России в условиях свертывания нэпа и курса на модернизацию деревни испытывала большие сложности. Немногочисленная сеть учебных заведений, их диспропорция, низкая пропускная способность, бедное материальное положение и слабый уровень выпускников не могли удовлетворить потребности Наркомата земледелия в связи с новыми задачами, стоящими перед сельским хозяйством. Отсутствие надлежащей помощи и контроля со стороны вышестоящих организаций по отношению ко многим учебным заведениям, особенно среднего и низшего звена, пагубно сказалось на их деятельности. Государство делало упор на крестьянскую молодежь, стараясь увеличить долю этого социального слоя среди всех поступающих. Но тяжелое материальное положение самих крестьян, их занятость, слабый уровень подготовки, наряду с отсутствием стипендий и общежитий во многих учебных заведениях, делали эту задачу малоперспективной.

Для преодоления сложившегося положения требовалась перестройка всей системы подготовки аграрных кадров, существовавшей на тот момент совместно со всеми заинтересованными организациями.

Ключевые слова: Народный комиссариат земледелия, Народный комиссариат просвещения, Нижнее Поволжье, Саратовская губерния, сельское хозяйство, аграрное образование, сельскохозяйственное образование, агро-сель, сельскохозяйственные кадры, аграрные кадры, крестьянство

Для цитирования: Колдина А.Г. Аграрное образование в Нижнем Поволжье: организация, трудности, успехи (1920-е гг.) // История и архивы. 2021. № 2. С. 22–31. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-22-31

Agrarian education in the Lower Volga Region. Issues, achievements (the 1920s)

Anastasia G. Coldina

*Saratov Region State Archives,
Saratov, Russia, a.coldina@yandex.ru*

Abstract. Issues in the sphere of education are the pressing ones not only today. For historical reasons, any social upheaval in the country has an impact on the public education. The century-old events are not an exception.

The system of agrarian education in Soviet Russia encountered great difficulties at the time of the dismantlement of NEP and during the village modernization. In connection with the new tasks facing agriculture, the small network of educational establishments, their disparity, low student take-in capacity, poor financial position and low professional level of graduates could not meet the needs of the People's Commissariat of Agriculture.

Absence of necessary assistance and control from the superior authorities over many educational establishments, particularly over many mid-ranking and low-ranking institutions, adversely affected their activity. The State paid special attention to young peasants and tried to increase the proportion of that social group among the applicants. But the peasants' financial hardship, shortage of time for studies, weak education proficiency, lack of the scholarship allowances and of accommodation in many educational institutions hampered the implementation of the task.

To overcome the situation, it was required to restructure – in cooperation with all those involved – the existing system of agrarian staff training.

Keywords: People's Commissariat of Agriculture, People's Commissariat of Education, Lower Volga Region, Saratov guberniya (province), agriculture, agrarian education, agricultural education, agricultural network, agricultural staff, agrarian staff, peasantry

For citation: Coldina, A.G. (2021), "Agrarian education in the Lower Volga Region. Issues, achievements (the 1920s)", *History and Archives*, no. 2, pp. 22–31, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-22-31

Долгое время огромное количество земработников как в центре, так и на местах считало, что для сельского хозяйства совершенно не нужны специалисты со средним с.-х. образованием, как равно не нужна и сама низшая с.-х. школа. «Давай специалистов с высшим образованием, и в крайнем случае можно мириться со специалистами со средним с.-х. образованием».

Неужели мы можем обойтись без узкого специалиста – хорошего мастера по разным отраслям сельского хозяйства? Неужели мы даже сыровара, свиновода, заведующего скотным двором обязательно будем иметь с высшим или средним с.-х. образованием?

Об этом мы имеем полное право мечтать в отношении лучшего будущего, но теперь мы слишком еще бедны, чтобы позволить себе эту роскошь...¹

Р.И. Березин

В середине 20-х гг. прошлого столетия все более актуальной становится проблема не только укомплектования квалифицированными кадрами самых отстающих отраслей сельского хозяйства, но и привлечения научных кадров в аграрные вузы².

Задача подготовки сельхозкадров в Нижнем Поволжье, как и по стране в целом, была одной из самых злободневных. Катастрофическое положение с учебными заведениями – острая их нехватка как с сельскохозяйственным уклоном, так и в особенности с ветеринарным (по стране насчитывалось всего 25 сельскохозяйственных вузов, лишь 5 из них ветеринарных) – создавало кадровый голод на местах.

Саратовская губерния в плане подготовки кадров высшей квалификации на территории Нижнего Поволжья занимала центральное место, так как единственная имела Сельскохозяйственный и Ветеринарный институты³.

¹ *Березин Р.И.* Очередные вопросы строительства низшей с.-х. школы // Сельскохозяйственная жизнь. 1927. № 42. С. 7. Автором обозначаются основные проблемы и задачи в деятельности низшей сельскохозяйственной профтехнической школы и приводится обоснование необходимости ее существования как кузницы кадров низшей квалификации, в которых сельское хозяйство нуждалось не менее, чем в специалистах с высшим образованием.

² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 359. Л. 15, 16.

³ Народное образование в СССР в 1926/27 учебном году: Труды центрального статистического управления. М., 1929. С. 167.

В 1925–1927 гг. в губернии функционировали следующие учебные сельскохозяйственные заведения высшего и среднего звена: Саратовский ветеринарный институт (к 1927 г. обучался 471 чел.), Саратовский институт сельского хозяйства и мелиорации (698 чел.); Тимирязевский сельскохозяйственный (141 чел.) и Саратовский землеустроительный (130 чел.) техникумы (сроки обучения составляли 3 года, стипендиями обеспечивалось лишь 30% наиболее материально нуждающихся)⁴.

Низшее звено было представлено рядом сельхозшкол: Вольская инструкторская, Кузнецкая сельхозшколы полеводства и животноводства, Тепловская сельхозшкола садоводства и огородничества (со сроками обучения до 4 лет, с частичной выплатой стипендии); Аппенковская, Балашовская, Вольская, Камышинская, Кузнецкая, Сердобская, Саратовская, Хвалынская сельхозшколы (со сроками обучения 4 года без стипендий)⁵.

Всего за 1925–1930 гг. по перспективному плану развития агро-сети в РСФСР необходимо было наличие 31,6 тыс. специалистов, из которых 15,3 тыс. чел. с высшим образованием и 16,3 – со средним образованием. Количество специалистов низшей квалификации не было определено, хотя и предполагалось, что их понадобится достаточно внушительное количество.

На 1925–1926 гг. планировалось расширить штат участковых агрономов:

- в Саратовской губернии – до 106 (в 1925 г. насчитывалось 106)⁶;
- в Царицынской губернии – до 76 (в 1925 г. насчитывалось 46);
- в Астраханской губернии – до 15 (в 1925 г. насчитывалось 9);
- в Калмыкии – до 15 (в 1925 г. насчитывалось 9).

И всего по Нижнему Поволжью в 1925–1930 гг. число участковых агрономов планировалось увеличить до 250⁷.

Причем в области подготовки кадров ветврачей вопрос стоял особо остро. Средняя нагрузка на 1 врача составляла 45 тыс. голов, а на окраинах – до 250 тыс. голов при радиусе обслуживания 43 км. По РСФСР из-за нехватки персонала ветеринарным надзором охватывалось менее 40% животноводства и 45% товарного мяса. Потребность в ветперсонале на пятилетку составляла 11 222 ветврача и 13 570 ветфельдшеров, образовательные учреждения могли за этот период выпустить лишь 3400 ветврачей (30,3% плана) и около 2000 ветфельдшеров (14,7%). Пропускную способность ветвузов планировалось увеличить в семь раз!

⁴ Статистический ежегодник на 1927 г. Год издания четвертый / Губернский статистический отдел. Саратов, 1927. С. 104–105.

⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 30. Л. 1.

⁶ Число агрономов по штату осталось неизменным.

⁷ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 3791. Л. 22.

Из-за дефицита местных бюджетов значительно расширить агросеть не удалось, но все же отмечалось увеличение количества специалистов высшей квалификации и повышение уровня теоретической подготовки благодаря курсам переподготовки агрономов при Саратовском губернском земельном управлении⁸.

По выпуску специалистов со средним образованием дефицита кадров по РСФСР не должно было наблюдаться, так как за пятилетие при потребности в 16,3 тыс. чел. техникумы выпустили бы в плановом режиме 19,7 тыс. чел. Поэтому возникала необходимость регулирования избытка и недостатка специалистов той или иной квалификации. Исходя из этой потребности и происходила перестройка системы сельскохозяйственных учебных заведений с учетом рациональной расстановки кадров различной направленности.

По многолетней традиции в вузы зачислялось большое количество крестьянства по происхождению, а не по роду деятельности. В связи с этим власти стали предпринимать меры к исправлению данного положения, и крестьян зачисляли в учебные заведения только по представлению местных исполкомов с учетом их трудовой деятельности, действительно связанной с сельским хозяйством⁹.

При командировании в центральные сельхозвузы давалось указание отобрать наиболее способных крестьян от сохи из батраков, бедняков и середняков по представлениям и рекомендациям губисполкомов¹⁰.

По разверстке в Саратовский сельхозинститут, обслуживающий Саратовскую, Царицынскую губернии, АССРНП и Автономную Калмыцкую область командировались в основном крестьяне¹¹.

В 1926 г. для удовлетворения нужд по подготовке технических кадров по тем или иным направлениям был составлен Государственный перспективный план по расширению профтехобразования. Из средств центральных аппаратов укреплялись по плану техникумы им. Тимирязева и землеустроительный, реорганизации подверглась Вольская сельскохозяйственная инструкторская школа. Были проведены работы по обновлению оборудования, частичному ремонту общежитий, оснащены лаборатории, пополнены библиотеки¹².

⁸ Там же. Д. 4150. Л. 46, 50.

⁹ Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1496. Л. 26.

¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² ГАСО. Ф. 848. Д. 48. Л. 8–12.

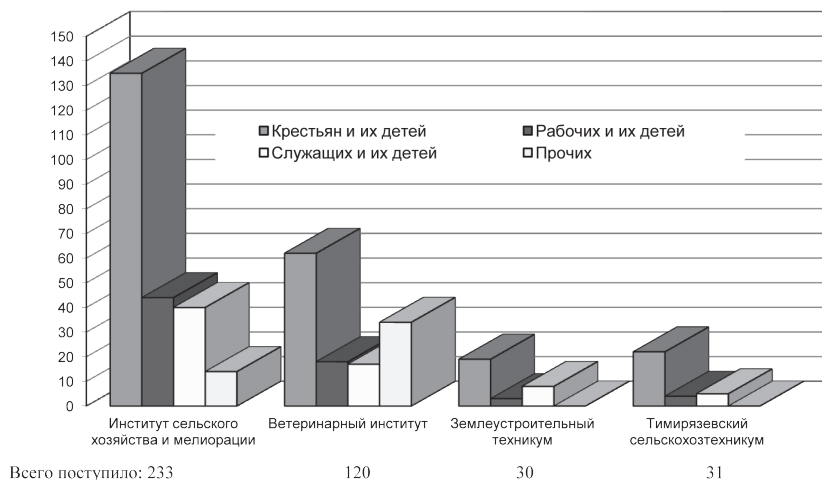

Диаграмма социального состава студентов, поступивших на 1-е курсы сельскохозяйственных учебных заведений в Саратовской губернии, на 1925 г.¹³

В Царицынской губернии к этому моменту функционировал лишь Быковский животноводческий техникум, созданный еще в 1921 г., а в Астраханской губернии – Астраханский садово-огородный техникум¹⁴.

В АССРНП по этому плану за 1925–1927 гг. были открыты 2 среднеспециальных учебных заведения: Красно-Кутский сельхозтехникум (к 1927 г. – 60 учащихся) и сельскохозяйственная школа низшего типа (к 1927 г. – 70 учащихся). За 3 года рост числа учащихся составил около 30%¹⁵.

Еще одним отрицательным моментом в деле подготовки кадров для земорганов стала низкая оплата труда специалистов средней квалификации. Это заставляло выпускников техникумов и сельхозшкол переходить в вузы, однако при поступлении на ту же специальность никаких льгот им не предоставлялось. Они так же, как и все остальные, сдавали экзамены и поступали на первые курсы на общих основаниях.

Помимо тяжелого материального положения, в связи с чем среднее и низшее профобразование пришло в упадок, отмечалось невнимание к этой проблеме органов Профобра, который был не в состоянии защитить интересы сельхозобразования.

¹³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1292. Л. 2, 3, 26, 35.

¹⁴ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 37. Л. 58.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1354. Л. 19 об.

В итоге после проведенных мероприятий по поддержке профтехобразования к 1927 г. происходит укрепление сельхозтехникумов и сельхозшкол, которые стали приобретать статус культурных центров (на 1 января 1927 г. в Нижнем Поволжье функционировал 41 техникум, 9 из которых – сельскохозяйственные с 904 учащимися)¹⁶.

Однако при наборе в учебные заведения различных ступеней существовали определенные трудности. Из-за спешности командирования, неграмотного отбора посылаемых, их низкого уровня подготовки многим приходилось возвращаться назад и самостоятельно оплачивать дорогу, если они не были посланы от сельских организаций. Ввиду того, что в большинстве учебных заведений средств на общежития и питание не предусматривалось, многие зачисленные крестьяне также вынуждены были возвращаться домой¹⁷. По Саратовской губернии имелось всего 7 общежитий на 1114 человек обучающихся в различных вузах и практически отсутствовало жилье для студентов средних учебных заведений.

Ситуация усугублялась и тяжелым материальным положением самих обучающихся, плохим питанием и в связи с этим высокой степенью заболеваемости (до 78%).

Чтобы хоть как-то повлиять на столь плачевное положение дел, была создана Комиссия по улучшению быта учащихся, деятельность которой заключалась в изыскании средств для улучшения материального быта студентов, снабжении их необходимыми учебными пособиями, помощи в трудоустройстве из средств добровольных пожертвований, доходов от сборов организуемых Комиссией вечеров, концертов, субсидий государственных, кооперативных и хозяйственных организаций и т. д.¹⁸

По обследованиям органов народного образования в 1926 г. отмечалось уменьшение крестьянской и рабочей прослойки вновь принятых студентов во все вузы Саратовской губернии, и обратная картина наблюдалась с приемом в среднеспециальные учебные заведения, что видно из приведенных данных.

	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
% соотношения чел.	по вузам		по техникумам	
Крестьян и их детей	46,6	36,4	30	38
Рабочих и их детей	21,2	16,7	25	28
Служащих и их детей	18,9	30,7	35	22,3
Прочих	13,3	16,2	10	11,7

¹⁶ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

¹⁷ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1496. Л. 78–78 об.

¹⁸ Там же. Д. 2028. Л. 2, 7, 15.

Это объяснялось тем, что происходил большой отсев крестьянства из-за сложности вступительных испытаний в вузах. Особенно слабая подготовка отмечалась у национальных меньшинств¹⁹. Подготовительные курсы были платными, и лишь немногие могли позволить себе обучаться на них.

Резкое снижение числа крестьянства было отмечено в Институте сельского хозяйства и мелиорации (на 16%) и Ветеринарном институте (на 11%)²⁰. В связи со сложившейся ситуацией местными органами были даны распоряжения о срочном увеличении числа крестьянства в сельскохозяйственных учебных заведениях.

Неблагоприятно обстояли дела и с преподавательскими кадрами. Не хватало грамотных агрономов-педагогов из-за того, что высшие сельскохозяйственные педагогические курсы, функционировавшие в Ленинграде и Москве, могли выпустить лишь незначительное число подготовленных работников. В большинстве случаев в учебных заведениях на периферии в качестве преподавателей работали местные сельхозспециалисты, преподававшие по старинке, что не лучшим образом отражалось на качестве обучения. Возникла необходимость создания педагогических кафедр при сельхозвузах для подготовки агрономов-педагогов.

Но все же вопрос подготовки специалистов для сельского хозяйства по всем отраслям и различным квалификациям продолжал быть открытым. В первую очередь речь шла о подготовке специалистов с высшим образованием. Число специалистов высшей квалификации, занятых в органах Наркомзема, по РСФСР на 1 апреля 1926 г. составляло лишь 8083 чел. На ближайшее пятилетие требовалось, по самым скромным подсчетам, еще более 15 тыс. специалистов при пропускной способности вузов за этот же период в 11,84 тыс. чел. Таким образом, потребность в специалистах не покрывалась существующей сетью вузов.

Ввиду того, что средств на открытие новых учебных заведений практически не имелось, было найдено альтернативное решение – переподготовка и повышение квалификации существующих работников со средним специальным сельхозобразованием и общим высшим образованием, которых насчитывалось около 11 тыс. чел. Для этого при сельскохозяйственных вузах стали открываться специальные краткосрочные теоретические курсы с различным уклоном.

К 1927 г. было уделено внимание организации подготовительных курсов, но все же централизованного руководства ими не было, каждая организация, готовящая курсы, действовала самостоятельно. Подготовительная сеть стала расширяться за счет деятельности

¹⁹ ГАНИСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 308. Л. 11.

²⁰ Там же. Ф. 27. Оп. 4. Д. 328. Л. 7–8.

профсоюзов и Политпросвета, но из-за платности курсов возникла необходимость брони для бесплатных посещений самыми малообеспеченными слоями и льготного обеспечения учебным материалом и книгами²¹.

В это время происходит переход от системы разверсток в учебные заведения к свободным конкурсным испытаниям всех желающих.

Но, несмотря на все предпринятые меры, число выпускников в качественном и количественном отношении не могло удовлетворить запросы земорганов. Сказывалось отсутствие постоянной взаимосвязи между земорганами и учебными заведениями. Поэтому было решено максимально вовлечь студенчество в сельскохозяйственную работу путем организации летних практик, направленных на отбор лучших готовящихся кадров.

Уже к 1928 г. по РСФСР по образовательному уровню участково-волостная агросеть состояла из специалистов с высшим образованием на 25,1%, со средним – 47,4, с низшим – 27,5%.

К концу 1929 г. по Нижне-Волжскому земельному управлению насчитывалось 390 сотрудников, включая губернские и уездные организации, где количество специалистов с высшим образованием составило 33%, т. е. агросеть земорганов была укомплектована соответствующими специалистами всего на треть от запланированных показателей.

По результатам обследований Наркомзема лишь губернские и краевые земорганы были укомплектованы агроперсоналом соответствующей квалификации. В уездных и окружных земорганах ситуация обстояла хуже, а на агроучастках подготовленность работников отмечалась как вовсе неудовлетворительная.

Проанализировав вышеизложенные сведения и подводя итог, можно сказать, что решить основные наболевшие проблемы в сфере сельхозобразования к концу 20-х гг. прошлого столетия так и не удалось. Причем такая картина была характерна не только для Нижнего Поволжья. В других регионах, таких как Приуралье, а именно в Башкирской АССР [Зиязетдинов 2017, с. 36], Оренбуржье [Моисеева 2004, с. 27], насущными были все те же проблемы, так как они являлись общесистемными.

Остались нерешенными такие вопросы, как расширение сети учебных заведений высшей и средней ступени, привлечение в них большего числа крестьянства, обеспечение студентов учебными пособиями, стипендиями, предоставление им общежитий, качественное улучшение преподавательского состава и т. д.

Новые задачи, ставившиеся перед сельским хозяйством, такие как объединение крестьянства в колхозы и совхозы, механизация,

²¹ Там же. Д. 768. Л. 68, 70.

тракторные компании и многое другое, требовали дальнейшего расширения агросети на местах с привлечением большого числа специалистов самой разной специализации.

Разрешить сложившееся положение было возможно лишь при полном взаимодействии всех соответствующих ведомств как на местном, так и на общесоюзном уровне, со значительным финансированием из бюджетных средств страны и пересмотром принципов работы агрономического образования.

Литература

- Зиязетдинов 2017 – *Зиязетдинов Р.М.* Аграрные техникумы Башкирской АССР в 30-е годы XX века // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2017. № 2. С. 36–43.
- Моисеева 2004 – *Моисеева Е.В.* Становление аграрного образования Оренбуржья в системе общего образования в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбургский государственный университет, 2004. 30 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-agrarnogo-obrazovaniya-orenburzhya-v-sisteme-obshchego-obrazovaniya-v-pervoi-pol> (дата обращения 12.11.2020).

References

- Ziyazetdinov, R.M. (2017), “Agricultural technical schools of the Bashkir AESSR in the 30s of the twentieth century”, *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, no. 2, pp. 39–40.
- Moiseeva, E.V. (2004), “Formation of agrarian education in the Orenburg region in the system of general education in the first half of the twentieth century”, Abstract of Ph.D. dissertation, Orenburg State University, 2004, pp. 21–30 [Online], available at: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-agrarnogo-obrazovaniya-orenburzhya-v-sisteme-obshchego-obrazovaniya-v-pervoi-pol> (Accessed 12 Nov. 2020).

Информация об авторе

Анастасия Г. Колдина, Государственный архив Саратовской области. Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; a.coldina@yandex.ru

Information about the author

Anastasia G. Coldina, State Archive of the Saratov Region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; a.coldina@yandex.ru

Состояние социальной сферы и жизненный уровень населения Кировской области в годы второй пятилетки (1933–1937)

Владимир И. Бакулин

*Независимый исследователь,
Сочи, Россия, vla20190220@yandex.ru*

Павел А. Чемоданов

*Кировский областной краеведческий музей,
Киров, Россия, pavelche1492@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена развитию социальной сферы Кировского края/области в годы второй пятилетки (1933–1937). В ней обоснована прямая связь между динамичным развитием промышленного сектора региональной экономики и изменениями в социальной сфере. Авторы прослеживают, как менялись доходы и покупательская способность населения региона, приводят соотношение средних зарплат в разных отраслях и цен на основные потребительские товары на фоне отмены в Советском Союзе карточной системы распределения. Кроме того, в статье приводятся данные по расходам регионального бюджета на развитие инфраструктуры, образование, здравоохранение и «точечную» социальную поддержку незащищенных слоев населения, а также прослеживается положительная динамика количества школьников, лечебных заведений, учреждений культуры. Авторы констатируют координирующую роль и методы управления региональных партийных органов, применяемых в процессе решения задач социального развития края, в защите интересов рядовых работников промышленности и сельского хозяйства.

Вместе с тем, отмечая положительную тенденцию развития социальной сферы в обозначенных географических рамках, авторы обращают внимание на целый комплекс ее системных проблем. Они относят к таковым нарастающую в течение всего периода жилищную проблему, диспропорции в развитии крупных городов и сельской местности, недостаточный уровень медицинской помощи, оказываемой населению, серьезные недоработки в вопросе образования молодежи. Несмотря на это, авторы приходят к выводу, что Кировский регион в годы второй пятилетки был динамично развивающейся территорией, имевшей хорошие перспективы.

Ключевые слова: Кировская область, сталинизм, вторая пятилетка, плановая экономика, социальная сфера, уровень жизни

Для цитирования: Бакулин В.И., Чемоданов П.А. Состояние социальной сферы и жизненный уровень населения Кировской области в годы второй пятилетки (1933–1937) // История и архивы. 2021. № 2. С. 32–57. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-32-57

The social sphere and the living standards of the Kirov region population during the time of the second five-year plan (1933–1937)

Vladimir I. Bakulin

*Independent researcher, Krasnodar region,
Russia; vla20190220@yandex.ru*

Pavel A. Chemodanov

*Head of Research and Public Relations Sector
of the Kirov Regional Museum of Local Lore, Kirov Region, Russia;
pavelche1492@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the social sphere development of the Kirov region in the years of the second five-year plan (1933–1937). It substantiates a direct link between the dynamic development of the industrial sector of the regional economy and the changes in the social sphere. The authors trace the changes in the incomes and purchasing power of the population of the region. They give the ratio of average wages in different industries and the prices for basic consumer goods along with the abolition of the rationing distribution system in the Soviet Union. In addition, the article provides the data pertaining to the regional budget expenditures on the education, health care and social support for the vulnerable groups of the population; the paper also traces the positive growth trend in the number of schools, hospitals, and cultural institutions. The authors state the special role and managing methods of the regional party bodies in resolving the social development tasks for the region and in protecting the interests of ordinary industrial and agricultural workers.

At the same time, noting the positive trend in the development of the social sphere in the designated geographical framework, the authors draw attention to the whole range of its systemic issues. They classify as such the housing shortage, growing over the entire period, the disparity in the development of big cities and rural areas, the insufficient level of medical care provided to the population, and the serious shortcomings in the education of young people.

However the authors come to the conclusion that the Kirov region during the years of the second five-year plan was a dynamically developing territory with good prospects.

Keywords: Kirov region, Stalinism, second five-year plan, planned economy, social sphere, living standards

For citation: Bakulin, V. and Chemodanov, P. (2021), "The social sphere and the living standards of the Kirov region population during the time of the second five-year plan (1933–1937)", *History and Archives*, no. 2, pp. 32–57, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-32-57

Введение

Советская историография отличалась повышенным вниманием к экономической проблематике развития и страны в целом, и отдельных ее регионов в годы предвоенных пятилеток. Кировский край (с конца 1936 г. – область) в этом отношении исключения не составил. Можно назвать немалое количество публикаций, посвященных как отдельным аспектам рассматриваемой темы (главным образом промышленному развитию региона и коллективизации деревни), так и претендовавшим на определенный уровень обобщения. В числе последних – Очерки истории Кировской области (1972 г.) и вторая часть Очерков истории Кировской организации КПСС. 1918–1968 (1969 г.)¹. Правда, оба эти издания хронологически выходили далеко за рамки изучаемого периода и отличались изрядным схематизмом описываемых событий. Впрочем, последнее в той или иной степени являлось «родовой» чертой историографии советской эпохи. В центре ее внимания находились количественные показатели, недостаточно глубокий анализ проблем экономического развития, а также усиленная фиксация достижений и успехов. В том же ключе выдержаны авторские работы З.И. Вдовина и В.И. Ключкина, в разной степени затрагивающие отдельные аспекты истории Кировского региона в период форсированной индустриализации [Вдовин 1972; Ключкин 1971].

Состоявшееся на рубеже 1980–1990-х гг. изменение общественного строя в нашей стране сопровождалось сменой исследовательской парадигмы, когда на первый план авторами стали выдвигаться (типично – в жанре публицистики) проблемы и недостатки различных сторон советского жизнеустройства. И лишь с середины

¹ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. 1918–1968 / Под ред. Е.И. Кирюхиной. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1969; Очерки истории Кировской области / Под ред. А.В. Эммаусского и Е.И. Кирюхиной. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1972.

1990-х гг. наметилась тенденция к преодолению обеих крайностей – апологетики и неумеренного очернительства – и выхода региональной исследовательской мысли на качественно новый уровень своего развития. На современном этапе увидели свет публикации, авторами которых глубже и основательнее, чем прежде, освещены различные аспекты жизни города и деревни Вятского/Кировского региона, история стахановского движения, затрагиваются отдельные аспекты процесса культурного строительства [Сметанина 2008], начато изучение особенностей социальной психологии и поведенческих реакций местного населения и др. [Загвоздкин 1995; Кашина 2008; Чемоданов 2016; Дубовцев 2014; Чемоданов 2019b; и др.]

Однако приоритетное положение, как и прежде, остается за экономической тематикой. Правда, в последние десятилетия, наряду с ней, заметную популярность приобрела тема политических репрессий. Ее на региональном уровне впервые поднял Ю.Г. Карачаров, однако его работа была построена на избранных автором бегло изложенных биографиях репрессированных, преимущественно из числа партийных и комсомольских руководителей [Карачаров 1990]. На десятилетие позже увидела свет монография В.А. Бердинских по истории ВятЛАГа [Бердинских 2001]. В дальнейшем тему репрессий в региональном масштабе систематически поднимали исследователи и публицисты, близкие к Русской православной церкви. К сожалению, работы такого рода изобилуют эмоциональными эпитетами и оценочными суждениями², поэтому мало способствуют объективному воссозданию общей картины политической жизни региона и пониманию сущности происходивших событий. В рамках указанной проблематики отметились отдельными публикациями и авторы данной статьи [Бакулин 2006; Бакулин 2020; Чемоданов 2020; и др.]

Не менее проблематична созданная как советской, так и постсоветской региональной историографией характеристика социальных процессов в регионе. Лишь отдельные ее аспекты исследованы немногими авторами³, что не позволяет увидеть картину в целом, тем более проследить взаимосвязь и взаимовлияние экономической, социальной, политической сторон жизни социума. Авторы данной статьи преследовали цель внести свой вклад в устранение

² Вспомним поименно: [биографический сборник]. Кн. 9. Киров: ВЕСИ, 2017; Вятские пастыри в годы гонений. Киров: Герценка, 2019.

³ В числе немногих серьезных исследований такого рода можно упомянуть: *Семенова А.Ю.* Социально-экономическое положение рабочих ценовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2012.

указанного пробела, исследуя тот социальный фон, который формировался экономическим укладом страны и региона и во многом задавал политическую жизнь последнего.

Доходы работников промышленной сферы

В предвоенное десятилетие в процессе форсированной индустриализации страны создавалась материальная база попутного решения задач социального развития. Помимо целевых узаконений властей, позитивные перемены задавал технический прогресс. Особенно ярко проявлялось это в сельском хозяйстве, где на смену изнурительному ручному труду все чаще приходила механизация производственных процессов. В аграрный пейзаж Кировского региона прочно вписались трактор, зерноуборочный комбайн, грузовой автомобиль. Существенно повышали качество жизни достижения в области культурного строительства: введение всеобщего начального школьного образования, развитие сети средних и высших учебных заведений, форсированное преодоление массовой неграмотности взрослого населения, распространение знаний в области гигиены, вакцинация граждан и успешная борьба с эпидемиями тяжелых заразных болезней (оспа, тиф, холера и т. д.), расширение сети музеев, театров, кинотеатров, радиофикация населенных пунктов и т. п.

Ключевым показателем качества жизни выступает степень удовлетворения основных потребностей человека, что в решающей степени обусловлено соотношением доходов индивида и цен на потребляемые им товары и услуги. В 1930-е гг. у работников промышленности, транспорта, энергетики основным (либо единственным) источником дохода оставалась зарплата. Ее размер зависел от профессии, занимаемой должности, квалификации, системы оплаты труда (повременная, сдельная и др.). Разница в доходах была невелика, максимум – в разы. Так, заработки стахановцев могли в несколько раз превышать среднеотраслевой уровень [Чемоданов 2019b, с. 123–130]. Различия в доходах существенно нивелировались и общественными фондами потребления, задававшими относительно равный (особенно если абстрагироваться от географического фактора) доступ граждан к образованию, здравоохранению, иным компонентам государственной социальной защиты.

Выясняя материальное положение типичного работника советской индустрии, следует принять во внимание две выразительные цифры, из коих одна дает представление о финансовых возможностях низко- и неквалифицированных рабочих, а другая – о доходах рабочего-середняка. В соответствии с опубликованным в начале

ноября 1937 г. правительственным постановлением «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта», тарифная ставка повременной оплаты труда работника не должна была опускаться ниже 115 руб. в месяц, «помимо премий и других приработков»⁴. Что касается второго показателя, то средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству СССР в 1936 г. составила 231 руб., работников крупной промышленности – 238,5 руб.⁵ В Кировской области численно преобладали мелкие и средние предприятия, многие работники которых (особенно проживающие в сельской местности и рабочих поселках) в качестве материального подспорья имели огороды, а порой и домашний скот.

Но социальная группа работников краевого крупного промышленного производства росла опережающими темпами. Всего за два года (1935, 1936) их численность выросла на 14%. Имевшая большое значение для экономики края лесная промышленность (в 1936 г. – 107,3 тыс. рабочих и служащих против 98 тыс. в крупной индустрии) со своими 9% роста заметно уступала лидеру. Еще около 180 тыс. чел. были заняты в более застойной мелкой промышленности⁶. Крупная промышленность лидировала и по темпам увеличения зарплаток работников, что облегчало решение кадровых проблем. Если на рубеже 1928–1929 гг. зарплата работников фабрично-заводских предприятий Нижегородского края (в состав которого входил грядущий Кировский край) составляла 65 руб. у рабочих и 111,5 – у служащих⁷, то в 1936 г. средний заработок работников крупных предприятий индустрии достиг показателя 197 руб.⁸ При этом только за последний год он вырос на 16,5% против 13% в лесной отрасли, а в денежном выражении превысил показатель последней почти в полтора раза⁹.

Средние зарплаты и их эволюция в других сферах (кроме сельского хозяйства, о котором особый разговор) не слишком отличались от имевших место в промышленности.

Очень неплохая динамика наблюдалась, например, в системе народного образования. Согласно январскому (1937 г.) постановле-

⁴ Правда. 1937. 2 нояб. С. 1.

⁵ Правда. 1937. 19 окт. С. 3.

⁶ Кировский край: Альбом графиков для делегатов 2-го чрезвычайного съезда Советов Кировского края. Киров, 1936, табл. «Рост численности рабочих, служащих (в тыс. на март) и месячная зарплата (в рублях)».

⁷ Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность: Историко-статистический сборник. Киров, 2002. С. 439.

⁸ Кировский край: Альбом графиков для делегатов...

⁹ Там же.

нию СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы педагогическому персоналу техникумов, рабфаков, школ для взрослых и детских домов» зарплата учителей школ для неграмотных и малограмотных варьировалась от 205 до 280 руб. в зависимости от разряда, стажа и местности проживания (город или село). В то же время директора школ для взрослых с числом учеников более 150 чел. получали от 290 до 380 руб. (с учетом тех же критериев), а воспитатели и инструкторы по труду детских домов – от 185 до 240 руб.¹⁰

Что мог позволить себе работник с минимальной оплатой труда, по крайней мере, с конца 1937 г.? В пересчете на продукты питания зарплата 115 руб. позволяла, условно говоря, приобрести 115 булок обычного ржаного хлеба (весом 1 кг каждая), либо в два раза меньше более качественного ржаного хлеба «Бородинский». Куриных яиц на эти деньги можно было купить 230 шт., масла сливочного (15 руб. 50 коп. за кг) – 7,4 кг, тушенки говяжьей – 14 банок, свиной – 13 банок. Полукопченая колбаса «Туристская» оценивалась в 17 руб. 30 коп. за килограмм, и совсем уж непозволительной роскошью выглядела 50-граммовая плитка шоколада стоимостью 65 руб. 70 коп.¹¹ Полноценного питания семьи, имеющей несколько детей, такая зарплата явно не обеспечивала.

Но в сравнении с предреволюционными годами, когда заработок низкоквалифицированного рабочего в Вятской губернии обеспечивал каждому члену семьи буханку хлеба в день и не более того [Бакулин 2018, с. 26–28], прогресс был однозначным. К тому же власти оказывали «точечную» социальную помощь отдельным уязвимым слоям населения. Так, 1 января 1937 г. президиум Кировского облисполкома постановил выплатить 4511 многодетным матерям финансовую помощь на общую сумму 7 млн 301 тыс. руб. В их числе пособие по 5000 руб. получили 11 женщин, по 4000 руб. – 160, остальные – по 2000 руб.¹² Размер выплат – в соотношении с типичными зарплатами и ценами на товары и услуги – впечатляет.

Зарплата среднего уровня (от 231 руб. и выше) открывала гораздо бóльшие возможности, позволяя вполне прилично питаться. Кроме того, семья, особенно при обоих работающих родителях

¹⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы педагогическому персоналу техникумов, рабфаков, школ для взрослых и детских домов» // Кировская правда. 1937. 12 янв. № 10. С. 2.

¹¹ Дополнительный сборник оптово-отпускных розничных цен и торговых накидок на продовольственные товары по Кировской области. Киров: Официальное издание Кировского областного отдела внутренней торговли, 1937. С. 82–120.

¹² Кировская правда. 1937. 9 янв. С. 3.

(ситуация значительно более типичная, нежели в дореволюционную эпоху), могла позволить себе значительную часть зарплаты тратить на одежду, обувь, некоторые виды простой мебели, другие промышленные изделия, а также на удовлетворение культурных запросов – книги, прессу, посещение кинотеатров, театров и др. В дореволюционной России приобрести мебель или снять меблированную квартиру могли преимущественно высококвалифицированные работники (электрики, механики), составлявшие ничтожно малую долю индустриального персонала той поры.

По статистическим данным 1936 г., стоимость жизненно важных непродовольственных товаров в Кировском крае выглядела следующим образом: пара мужских сапог – 43 руб., туфли дамские хромовые – 37 руб. 50 коп., мужской хлопчатобумажный свитер – 12 руб., мужская гимнастерка – 14 руб. 40 коп., а более respectable френч – 40 руб. 80 коп., шерстяное женское платье – 40 руб., пальто мужское ватное – 63 руб. 30 коп. Мебель оставалась дорогой, и если цена стула дубового с дерматиновым сиденьем (26 руб.) обладателя среднестатистической зарплаты вряд ли сильно пугала, то приобретение книжного двухстворчатого шкафа (210 руб.) и тем более дубового шифоньера с приставной тумбой (320 руб.) было далеко не всем рабочим по карману¹³.

Жизненный уровень крестьянства, факторы его обуславливавшие

Очень непростая задача – выяснение уровня доходов колхозников. Сложность не только в весьма приблизительной оценке вклада в него личного семейного подворья; определение полученного от работы в коллективном хозяйстве тоже задача со многими неизвестными. Дело в том, что оплата труда колхозников (посредством трудодней) не была фиксированной и унифицированной, отличалась большим разнообразием по хозяйственным единицам. Авторы некоторых современных публикаций вносят дополнительную путаницу в этот и без того непростой вопрос. Так, А.В. Семенов выдвигает странный тезис, что «в денежном исчислении ежемесячная зарплата колхозников составляла 12 руб. Поэтому для многих крестьян единственным реальным источником дохода становился рынок, на котором можно было свободно продавать продукты, выращенные на приусадебном участке» [Семенов 2018, с. 72].

¹³ Справочник оптово-отпускных цен на изделия промкооперации, кооперации инвалидов и предприятий общественных организаций. Киров: Краевое конвенционное бюро при Кировской крайвнуторге по установке цен на изделия промкооперации и кооперации инвалидов, 1936. С. 20–58.

Термин «зарплата» вообще неприменим в данном случае. Как и утверждение цитируемого автора о том, что именно ее недостаточность приводила к падению заинтересованности колхозников в общественном труде («в 1938 г. более 28 тыс. колхозников не выработали ни одного трудодня, почти 57 тыс. – менее чем 50 трудодней») [Семенов 2018, с. 72]. Более существенной причиной последнего явления видятся рецидивы собственнической психологии сельских тружеников, многовековая привычка выживать производимым в своем индивидуальном хозяйстве продуктом и боязнь «остаться на бобах» при полной переориентации на хозяйство коллективное. Очевидно, опасения такого рода усилил и малоурожайный 1936 г.

Система оплаты труда в колхозах в конце второй пятилетки еще продолжала «шлифоваться», нередко обнаруживая крайность иного рода. В начале 1937 г. руководство области осудило случаи подмены трудодней уравнительной – повременной и «по едокам» – оплатой работы колхозников «натурой и деньгами»¹⁴. Давали знать о себе как традиционная общинная психология, так и явный дефицит знаний и опыта в новом и крайне непростом деле колхозного строительства. Уход от уравниловки в сельском хозяйстве сопровождался борьбой с обезличкой в МТС (как и в отраслях промышленного производства). Оплата труда все более индивидуализировалась, что хорошо просматривается и на примере стахановского движения в регионе [Чемоданов 2019b, с. 123–130]. Фактор материальной заинтересованности работников в повышении производительности труда приобретал все большее значение.

В конечном счете, оценивая доходы и жизненный уровень сельских жителей Кировской области, более или менее предметно можно говорить лишь о факторах, позитивно или негативно влиявших на них. Однако понятно, что воспроизводимый с конца 1980-х гг. идеологический штамп о повсеместной работе колхозников «за палочки» («пустые» трудодни) является упрощением сложной проблемы. Мы сталкиваемся с тем фактом, что начальники низового уровня порой буквально гонялись за чужими трудоднями. Так, председатель одного из колхозов Дебесского района Удмуртской АССР, которая в 1934–1936 гг. входила в состав Кировского края, Н.И. Ложкин, рискуя нарваться на серьезные неприятности (что в конечном счете произошло), за два года приписал себе более 1,5 тыс. трудодней¹⁵. Замдиректора Зареченской МТС по расчетам с колхозами Бакин скупал чужие

¹⁴ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10. Л. 124 об.

трудодни. Правда, в данном случае не у колхозников, а у работников МТС – трактористов¹⁶.

Доход члена сельхозартели в первую очередь зависел от общего результата работы колхоза, от объема полученной продукции, точнее от той ее части, которая оставалась после обязательных поставок зерна государству и засыпки семенного фонда. Случалось, чиновники различных ведомств покушались и на эту, идущую на потребление колхозников часть произведенной продукции, либо на полученный коллективным хозяйством доход. Как и во многих других случаях, для устранения безобразий такого рода требовалось вмешательство региональной (в первую очередь партийной) власти. В совместном постановлении Кировского крайисполкома и крайкома ВКП(б) (декабрь 1935 г.) предписывалось «категорически пресекать имеющую место практику незаконного распоряжения колхозными средствами со стороны советских и хозяйственных организаций». Дело в том, что районные руководители таким способом зачастую затыкали «финансовые дыры» в местных бюджетах (не говоря уже о фактах криминального характера). Естественно, это негативно отражалось на доходах селян. Виновным в нарушениях было приказано в течение месяца погасить задолженность перед колхозами, дабы избежать прокурорского преследования и «суровой ответственности», а также прекратить наложение «огульных штрафов» на колхозников¹⁷.

Пресекались проявления самовольства, а то и самодурства, не только районных руководителей. Сходную активность в начале 1936 г. развил, например, директор Макарьевской МТС, находившейся «под боком» у областного центра, Кириллов. До последовавшего затем увольнения с должности он, не имея на то никаких полномочий, наложил штрафы (и выговоры) на председателей ряда колхозов, обслуживаемых этой станцией¹⁸. Упомянутый выше Н.И. Ложкин проводил своеобразную кадровую политику, исключив за неполные 2 года из колхоза до 20% общего числа его членов, не сообразуясь ни с какими установками властей на сей счет¹⁹.

Держаться на приемлемом жизненном уровне колхозникам помогали мероприятия властей по поддержке и развитию сельского хозяйства. В неурожайном 1936 г. колхозы получили финансовые и семенные ссуды, было проведено выборочное облегчение налогового бремени. Особое внимание уделялось поддержке хозяйств, пострадавших от стихийных бедствий и пожаров. Так, в октябре

¹⁶ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 111 об.

¹⁷ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 11. Л. 95.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 164 об.

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 124 об.

1936 г. крайком партии выделил пострадавшим от пожара жителям и колхозу села Цепочкино Уржумского района 20 тыс. руб. на восстановление зданий. Кроме того, колхоз получил отсрочку в уплате подоходного налога, а колхозники были освобождены от сельхозналога на неопределенный срок. Председателю краевого союза потребительской кооперации Самарину было дано указание как можно скорее завезти в село на автомобилях необходимые населению промтовары²⁰.

Государственная торговля и снабжение населения

В середине 1930-х гг. исчерпала себя система чрезвычайных мер снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. 1 января 1935 г. в стране были отменены карточки на хлеб и муку. Цены на них, согласно постановлению СНК СССР от 7 декабря 1934 г., теперь варьировались в привязке к восьми поясам, на которые была разделена страна: от самых низких в поясе 1-м до максимальных – в 8-м. В частности, цена килограмма черного хлеба располагалась в диапазоне от 80 коп. до 1,5 руб.; 1 руб. – на территории отнесенного к 3-му поясу Кировского края [Чемоданов 2019с, с. 266]. В октябре 1935 г. решением Кировского крайисполкома в сети государственной торговли в среднем на 15% были снижены цены на основные продовольственные товары: печеный хлеб, муку, сахар, крупы... [Семенова 2012, с. 113–114].

По мере свертывания системы карточного распределения предметов первой необходимости довольно быстро выяснилось, что необходимость вмешательства, хотя и менее прямолинейного, партийных властей в организацию снабжения граждан (горожан в первую очередь) сохранилась. Очевидно, это было связано как с растущей покупательной способностью населения, так и с пока еще недостаточным уровнем развития сельского хозяйства, легкой промышленности. Поэтому еще в 1937 г. на бюро обкома ВКП(б) утверждались годовой и текущие планы размещения по районам и отдельным ведомствам фондов муки для последующей продажи населению²¹. В необходимых случаях мука (хлеб) могла дополнительно выделяться поселениям из резервного фонда области²².

Следует учесть, что новое время рождало новые проблемы. Колхозное крестьянство активно переходило с хлеба собственной выпечки на приобретаемый в магазинах. Весной 1937 г. торговая

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 73 об.

²¹ Там же. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 2. Л. 22–26, 39, 199.

²² Там же. Д. 1. Л. 202.

сеть уже с трудом выдерживала ложившуюся на нее дополнительную нагрузку. Темпы ее развития на данном этапе (4157 торговых точек в 1934 г., 4628 – в 1936-м)²³ оказались недостаточными. В начале мая местное руководство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить торговлю хлебом на территории кировских предприятий, а также путем доставки на дом по предварительным индивидуальным заявкам «в связи с большим спросом на хлеб со стороны деревни и трудностей, создавшихся в связи с ухудшением (положения. – *Авт.*) для рабочих и служащих...»²⁴.

Розничный товарооборот в регионе стабильно рос: в 1935 г. он суммарно выразился цифрой 670,6 млн руб., в 1936 г. – 875,5 млн, на 1937 г. был запланирован в размере 1120 млн руб.²⁵ В этот же период неуклонно нарастал и суммарный грузооборот ж/д транспорта, составивший в 1935 г. 3248 тыс. т, в 1936 г. – 4546 тыс. т, а в 1937 г. – 6181 тыс. т²⁶. Все это, при стабильных (или снижаемых) ценах в государственной торговле, косвенно свидетельствовало не только о динамичном развитии экономики края/области, но и о повышении жизненного уровня местного населения.

Разумеется, проблематика снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости не сводилась только к количественным показателям, особенно по мере преодоления последствий неурожайного 1936 г. Все чаще в повестку дня ставились вопросы как ассортимента и качества продаваемых товаров, так и обслуживания покупателей. С января 1937 г. в Кирове была разрешена розничная торговля всеми видами муки, включая высокосортные. Неделю спустя эта мера была дополнительно разъяснена и дополнена следующим решением бюро обкома: «Считать недопустимым, что торговые организации ряда районов и городов области прекратили выпечку высоких сортов хлеба, сушки и венской сдобы. Предложить Облвнуторгу и райкомам партии немедленно устранить эти недостатки и обеспечить повсеместно в торговой сети продажу хлебных изделий из муки высоких сортов»²⁷.

Но до оптимума в этой сфере было еще далеко. В сентябрьском (1936 г.) постановлении Кировского крайкома ВКП(б) отмечались: недостаточный «приток и использование... торговлей товарных

²³ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Торговля».

²⁴ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 1. Л. 218.

²⁵ План хозяйственного и социально-культурного строительства Кировской области на 1937 г.: Материалы к пленуму облисполкома. Киров, 1937. С. 14.

²⁶ Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 68.

²⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 1. Л. 199.

ресурсов промкооперации и местной промышленности». Торговым учреждениям края было предложено в сомнительно короткий (месячный) срок ликвидировать дефицит промышленных товаров путем заключения договоров с местными промартелями²⁸. Укреплению экономических связей между регионами, а также между торговлей и промышленностью способствовали выставки достижений народного хозяйства, проводимые в эти годы как в столице, так и в регионах страны. Поскольку в Кировском крае находились известные на всю страну предприятия по производству игрушек и музыкальных инструментов, в верхах было принято решение провести межрегиональную выставку культтоваров на базе областного центра в августе 1936 г. Организаторами выставки выступили инстанции всесоюзного уровня: Центросоюз, Всекопромсовет и Всекоопинсоюз, которые выделили на проведение мероприятия немалую по тем временам сумму в 230 тыс. руб.²⁹

Иные направления социального развития региона

Успешное развитие экономики в годы второй пятилетки обеспечило возможность наращивания инвестиций в социальную сферу. При этом расходы на социалку росли значительно быстрее финансовых возможностей региона в целом. Если доходная часть местного бюджета увеличилась с 72,5 млн руб. в 1934 г. до 206 в 1936-м³⁰, то на социальные нужды было при этом ассигновано: в 1935 г. 1103,6 тыс. руб., в 1936 г. – уже 1502,0 тыс. руб., а в 1937 г. – 12 952,7 тыс. руб.³¹ Увеличение за три года более чем в 10 раз! Характерно и то, что краевой бюджет по доходам/расходам оставался в эти годы достаточно сбалансированным.

Рост инвестиций положительно сказывался на состоянии различных сфер бытия местного населения. За годы второй пятилетки в Кировском регионе более чем удвоилось (с 255 до 520) число детских садов, причем 390 из них приходились на сельскую местность. Учреждениями такого рода в 1937 г. было охвачено более 30 тыс. детей⁴⁵. Этот созвучный коллективистскому духу эпохи вариант социализации подрастающих поколений создавал предпосылки для масштабного вовлечения домохозяек, женщин-матерей в общественное производство. Радикальные перемены произошли

²⁸ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10. Л. 61.

²⁹ Там же. Д. 9. Л. 34.

³⁰ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Финансы».

³¹ Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. С. 122.

в системе образования, особенно детей младшего школьного возраста. Общее число учащихся выросло со 136 тыс. чел. в дореволюционном 1913/14-м уч. г. до 354 тыс. в 1935/36-м. Характерно, что за это же время число школ увеличилось гораздо в меньшей степени – с 2019 до 2180, а начальных учебных заведений даже уменьшилось – с 1966 до 1746³². Сокращение это объяснялось увеличением размеров школьных зданий с качественным улучшением условий для занятий.

Серьезные подвижки происходили в области культурного строительства, хотя скорость развертывания сети соответствующих учреждений в этой сфере была разноплановой. За пятилетку открылись три новых театра, в дополнение к пяти ранее существовавшим. Быстро «плодились» кинотеатры. Если в 1928 г. в регионе их было 84 (по начальному году второй пятилетки нет данных), то в 1937 г. – уже 256. А вот число музеев стабилизировалось на цифре 13, и это было почти в два раза меньше, чем в начале 1920-х гг. Число библиотек за вторую пятилетку почти не увеличилось (475 против 461), что было заметно больше, нежели в период нэпа (например, в 1928-м – 334), но значительно меньше, чем в 1920 г., когда таковых в Вятской губернии насчитывалось 703³³. Но и в этом случае формальное сокращение количества библиотечных учреждений не исключало, а скорее предполагало увеличение общего книжного фонда в регионе.

Далекий от благополучного состояния в дореволюционную пору и обострившийся в годы форсированной индустриализации жилищный вопрос в городах на данном этапе еще не мог быть решен удовлетворительно: государство не располагало необходимыми для этого материальными и финансовыми возможностями. Львиную долю ресурсов поглощали капитальное строительство и укрепление обороноспособности страны. Но поощрялось индивидуальное и кооперативное строительство; по возможности местные органы власти и управления, а также промышленные предприятия оказывали помощь материалами, кредитами. Серьезным плюсом в этой сфере следует признать узаконенные государством минимальные и стабильные расходы семей на содержание муниципального жилья. «Правда» констатировала: «В СССР расходы на жилище составляют 4,3% бюджета рабочей семьи, в капиталистических странах – 20–30% бюджета рабочего»³⁴.

Существенные инвестиции из быстрорастущего муниципального бюджета г. Кирова (с 7,5 до 19 млн руб. за 1934–1936 гг.)

³² Вятский край на рубеже тысячелетий... С. 471.

³³ Там же. С. 467.

³⁴ Там же. С. 507.

шли на развитие инфраструктуры областного центра, возведение важных объектов культурной жизни, благодаря чему Киров, по крайней мере в отдельных его районах, стал приобретать облик города индустриальной эпохи. Современник событий, писатель Николай Васенёв отмечал, что рядом с промышленными объектами «поднялись многоэтажные каменные дома рабочих городков... появились сады, цветники, стадионы....»³⁵. Одним из украшений города стало здание Центральной гостиницы [Чемоданов 2019а, с. 66–77].

Тогда же в Кирове началось строительство нового здания Драматического театра, а также Дома Советов [Чемоданов 2019а, с. 66–77]. Возведение первого из них завершилось в 1939 г., а вот величественный Дом Советов удалось достроить лишь в послевоенный период [Сметанина 2008, с. 56]. Придание городам области (в первую очередь Кирову) более современного облика, создание комфортной среды обитания положительно сказывалось на настроениях кировчан, порождало социальный оптимизм. Но не обошлось без потерь: в азарте антирелигиозной борьбы в 1937 г. в центральной части города был взорван уникальный по замыслу и исполнению, представлявший собой немалую эстетическую ценность Александр-Невский собор [Сметанина 2008, с. 29]. Та же судьба постигла еще несколько древних храмов в исторической части города.

Активным сторонником и участником модернизации краевого центра являлся руководитель местной партийной организации А.Я. Столяр. Так, выступая на состоявшемся в конце декабря 1934 г. I краевом съезде Советов, он заявил: «Состояние края и переименование Вятки ставит во всю широту вопрос о превращении Кирова в передовой центр... Мы должны сделать его действительно образцовой столицей края! Вид у Кирова [сегодня] в достаточной мере “затрапезный”. Надо сделать его настоящим городом, тем более что условия для этого имеются: улицы прямые, ровные, широкие; можно сделать из Кирова в сравнительно небольшие сроки прекрасный, современный, хороший советский город»³⁶. Более года спустя на I краевой конференции ВЛКСМ он подтвердил свой тезис, отметив: «Город Киров будет превращен в цветущий социалистический город, в достойный памятник Сергею Мироновичу»³⁷.

³⁵ *Васенев Н.* Обновленный край: Записки журналиста. Киров: Кировское обл. изд-во, 1937. С. 116.

³⁶ Будем достойны имени Кирова: Речь секретаря крайкома ВКП(б) тов. Столяра на I краевом съезде Советов. Киров, 1935. С. 26–27.

³⁷ Письмо тов. А.Я. Столяра первой краевой конференции ВЛКСМ. Киров, 1936. С. 8–9.

Для этого существовала и неплохая, динамично развивавшаяся материальная база. К концу 1936 г. в столице региона проживало всего 4,6% населения Кировской области; в то же время предприятия города давали 36,5% всей валовой продукции промышленности области, а торговая сеть – 28,7% всего товарооборота³⁸. Быстро развивалась городская инфраструктура. В 1934 г. с коммунальных электростанций было отпущено 15,7 млн кВт/ч. электроэнергии, в 1935-м – 20,8 млн (прирост без малого на четверть), а за девять месяцев 1936 г. – 16,8 млн (в годовом исчислении увеличение на 9,3%)³⁹. Вместе с тем очень серьезные диспропорции имели место по линии «город Киров – остальные территории региона». Концентрация ресурсов и внимания региональных властей преимущественно на краевом центре негативно сказалась на темпах развития других городов и прочих поселений края. Определенные перемены происходили и там, но их масштабы и значимость были намного скромнее.

В качестве иллюстрации можно привести постановление бюро крайкома ВКП(б) от 13 мая 1936 г. «О мерах по улучшению дела здравоохранения в сельской местности», в котором поднимался вопрос о санитарно-гигиеническом состоянии колхозов Кировского края. Констатируя неудовлетворительный уровень такового, бюро обязало здравотдел краевого исполкома Советов совместно с районными исполкомами в месячный срок разработать ряд «простейших санитарно-гигиенических мероприятий», к числу которых были отнесены улучшение водоснабжения, очистка территорий от мусора и озеленение. Местные власти в районах должны были также в короткий срок возвести 3000 колхозных бань и минимум по одной общественной уборной на каждом колхозном дворе⁴⁰.

Данный сюжет выразительно иллюстрирует как очень невысокий исходный уровень процесса приобщения сельских поселений к благам цивилизации, так и координирующую роль партийного органа. К решению связанных с этим задач привлекались не только профильные ведомства и районные власти, но и производственные объекты, администрация которых также несла свою долю ответственности. Так, в числе прегрешений снятого с должности в середине мая 1936 г. директора Сосновской судовой Лутошкина значились не только безобразная организация труда на предприятии, слабое распространение стахановского движения, плохое снабжение производства материалами, но и неудовлетворительное куль-

³⁸ Районы Кировской области. Киров, 1937. С. 5.

³⁹ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Городское хозяйство».

⁴⁰ ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 8. Л. 246–247.

турно-бытовое обслуживание рабочих, а также «непринятие мер по борьбе с малярией»⁴¹.

Вмешательство областного партийного руководства оказалось совсем не лишним и в истории с Сарапульским детским домом. В условиях бесконтрольности со стороны областного отдела народного образования и бездеятельности дирекции детского дома в нем отсутствовало надлежащее воспитание бывших беспризорников, получили широкое распространение воровство и пьянство. Несмотря на регулярное финансирование детского дома, многие воспитанники не были одеты и обуты надлежащим образом. Оценив ситуацию на одном из своих заседаний, бюро обкома наметило ряд мероприятий по ее исправлению, указав – в традиционном деловом стиле – конкретных исполнителей и сжатые сроки реализации пунктов постановления – от половины до полутора месяцев⁴².

Выразительным примером делового, жесткого стиля работы данного органа (впрочем, как и в предыдущем случае, дело обошлось без персональных репрессий) может служить решение бюро по поводу возводимой в районном центре Полом здания больницы взамен старого ветхого и плохо оснащенного. Районные власти затянули его строительство. Руководство области приняло к сведению обещание достроить больницу в срок до 17 февраля 1937 г. (дело слушалось 7 января), но параллельно эффективно «стимулировало» местных управленцев, обязав их на это время разместить больницу в помещении райкома ВКП(б), а также в «освободившемся школьном здании»⁴³.

Реальная забота местных властей о здоровье населения подтверждается и данными статистики. За вторую пятилетку количество больниц в регионе увеличилось на 75% (с 92 учреждений до 123), поликлиник и амбулаторий – со 134 до 238, фельдшерско-акушерских пунктов – с 201 до 366. Общее число врачей (за вычетом стоматологов) увеличилось на 62%. Но при этом их общий контингент в 1937 г. едва превысил полтысячи специалистов⁴⁴, что ни в коем случае не гарантировало своевременное оказание медицинской помощи любому жителю Кировской области. Слишком убогой была исходная база краевого здравоохранения и дореволюционного времени, и периода нэпа, чтобы можно было за одну пятилетку обеспечить полноценный охват всего населения лечебными учреждениями.

⁴¹ Там же. Л. 231.

⁴² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18 об.

⁴³ Там же. Л. 16 об.

⁴⁴ Вятский край на рубеже тысячелетий... С. 490.

Определенно не выпадали из поля зрения властей и общесоюзных, и местных, областных вопросы культурного развития региона. С учетом исторического отставания деревни именно сельской местности руководители области придавали особое значение. Культурным центром в колхозе и совхозе в это время выступал сельский клуб либо дом культуры как его разновидность. При отсутствии таковых их функции (в сильно усеченном виде) ложились на избучитальню. В советское время количество очагов культуры такого рода выросло в сотни раз. По официальным данным, в 1936 г. по стране в целом насчитывалось 86 тыс. клубов и изб-читален, львиная доля каковых (68,8 тыс.) приходилась на деревню⁴⁵. В Кировской области за годы второй пятилетки число клубов более чем удвоилось (с 525 до 1234)⁴⁶.

При грамотной постановке дела они могли оказывать большое влияние на жизнь любого населенного пункта. Решая с их помощью задачи просветительского, общекультурного характера, власти использовали клубы и избы-читальни и в политических целях, для формирования нужного им общественного мнения. В таком аспекте советский клуб выступал своеобразным наследником дореволюционного церковного прихода. Вопросы его функционирования неоднократно и основательно прорабатывались на заседаниях бюро Кировского обкома партии. Так, в его повестке за 23 августа 1937 г. значился вопрос «О работе Спасо-Талицкого и Марадыковского сельских клубов Оричевского района». В числе намеченных организационных и культурно-просветительских мероприятий руководителям этих учреждений предлагалось чаще проводить лекции и доклады «по текущим политическим событиям» – о новой Конституции, предстоящих выборах в Верховный Совет и т. д. Не обошлось без указаний о «повышении бдительности» в контексте «борьбы с вредителями»⁴⁷.

К деятельности руководителей и работников учреждений культуры предъявлялись довольно высокие требования. Так, Ильинскому сельскому клубу во время его отчета на бюро обкома в сентябре того же года был выставлен следующий «букет» претензий: в клубе не велась антирелигиозная пропаганда, не читались лекции и доклады по социально-политическим и естественно-научным темам, отсутствовали агротехническая пропаганда и кружки по поднятию общеобразовательного уровня колхозников (по направлениям «гражданская история», «литература», «география»...), плохо работала библиотека, и, наконец, клуб не предавал гласности

⁴⁵ Там же. С. 4.

⁴⁶ Там же. С. 507.

⁴⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 19–20.

успехи местного сельского Совета в области сельского хозяйства. Тем не менее было найдено, что определенную пользу культурному развитию села клуб все-таки принес⁴⁸.

Отдельным направлением управленческой деятельности в области культурного строительства являлся контроль за работой библиотек и сетью книжной торговли. В отчете Кировского обкома ВКП(б) I областной партийной конференции (11–17 июня 1937 г.) отмечалось, что «основной задачей партийного руководства в библиотечной работе было очищение книжного фонда от враждебной литературы и улучшение сети передвижек и колхозных библиотек». Под враждебной литературой в данном контексте имелись в виду труды опальных партийных и государственных деятелей: Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др. В документе сообщалось, что недавно проведенная проверка библиотек «вскрыла безобразные факты засоренности их контрреволюционной троцкистской литературой». В частности, «в Яранской библиотеке обнаружено 140 экз. неизъятной контрреволюционной литературы; в том же районе в сельпо продавались книжки со статьями Троцкого, Каменева. В Халтуринской райбиблиотеке читателям выдавалась книга по истории, авторами которой являются троцкисты Фридлянд и Слуцкий. В Шарангской библиотеке были книги Троцкого и Зиновьева»⁴⁹.

«Точечный» контроль за работой отдельных сельских учреждений культуры дополнялся массовыми мероприятиями. В конце лета 1937 г. областное руководство поручило районным комитетам партии организовать в ближайшие две недели отчеты колхозных клубов и домов культуры на пленумах сельских Советов «в целях мобилизации внимания масс к улучшению работы культурных учреждений», а на середину ноября был запланирован областной съезд «ударников культурной работы деревни» с числом делегатов 500 человек⁵⁰.

Реализуя социальную политику советской власти, власти Кировской области системно связывали ее с решаемыми экономическими задачами. Редкий анализ жизнедеятельности того или иного предприятия обходился без раздела, посвященного социальным мероприятиям или отсутствию таковых. Так, в разгромном постановлении бюро обкома ВКП(б) от 23 сентября по вопросу «Об осенне-зимнем ремонте тракторов» («...большинство МТМ»⁵¹

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров, 1937. С. 59.

⁵⁰ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

⁵¹ МТМ – машинно-тракторная мастерская.

и МТС к осенне-зимнему ремонту тракторов не подготовлены»), наряду с мерами организационно-техническими и по оплате труда, был обозначен значительный ряд мероприятий социального характера. Региональное руководство предписало соответствующим ведомствам (облЗУ в первую очередь) обратить особое внимание директоров машинно-тракторных станций и мастерских «на создание ремонтным рабочим необходимых культурно-бытовых и производственных условий (общежитие, питание, культурный отдых, техника безопасности, промсанитария и др.). Предложить райисполкомам и райкомам партии оказать помощь МТМ и МТС в выделении помещений для общежитий и столовых и организовать культурно-бытовое обслуживание рабочих и трактористов»⁵².

Ударным направлением культурного строительства уже второе десятилетие оставалось преодоление неграмотности и малограмотности населения региона. Помимо открытия новых школ и реализации установки верхов на 100-процентный охват вступающих в жизнь поколений начального школьного возраста, практиковались различные формы обучения разновозрастных категорий населения. Одной из них была работа с призываемой на армейскую службу молодежью. При детальном ознакомлении с состоянием дел в этой сфере выяснились шокирующие подробности. Оказалось, что на начало весны 1937 г. в ряде районов области (Вятско-Полянском, Малмыжском, Сунском, Тужинском и др.) доля неграмотных и малограмотных потенциальных призывников превышала 90%. По данным В.Б. Жиромской, в целом по стране наиболее благополучным показателем в 1937 г. (свыше 90%) отличались именно молодые люди возраста 13–19 лет, а также подростки 12–14 лет [Жиромская 2001, с. 179]. На этом фоне ситуация в регионе выглядела просто провальной.

К тому же партийными органами подготовка грамотных кадров для Красной армии рассматривалась в качестве важнейшей политической задачи. Признав сложившуюся ситуацию совершенно неудовлетворительной, бюро обкома обязало органы народного образования области, под личную ответственность их руководителя Марчукова, а также членов партийных групп исполкомов районных Советов, «охватить в месячный срок обучением *всех* (курсив наш. – Авт.) неграмотных и малограмотных допризывников». Для решения этой непростой задачи рекомендовалось применять гибкие организационные формы – небольшие группы и индивидуальное обучение, заключать отдельные соглашения с учителями и культармейцами, создавать

⁵² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 78.

необходимые условия (обеспечение учебниками, наглядными пособиями и т. д.)⁵³.

Успех в области культурного строительства в огромной степени зависел от обеспеченности учебных заведений, клубов и прочих учреждений соответствующего профиля подготовленными кадрами. Задача эта в первую очередь ложилась на плечи Кировского педагогического института и находившихся в областном, а также в районном центре Советске педагогических училищ. В жизни первого из них в 1937 г. произошли определенные изменения: в духе Конституции СССР 1936 г. (ликвидация определенных предпочтений выходцам из рабочего класса) был упразднен рабфак. Его руководитель Никологорский был переведен на должность директора педагогического училища⁵⁴.

В то же время в «кузнице педагогических кадров» – Кировском пединституте (директор Шимбирев) не задалось заочное отделение: за период с 1931 по 1937 г. не состоялся ни один выпуск студентов заочной формы обучения. По оценке членов бюро обкома, это свидетельствовало «об отсутствии большевистской борьбы по ликвидации последствий вредительства в деле подготовки учительских кадров»⁵⁵. Педучилища также не обошли стороной серьезные проблемы: в 1937 г. перевод на старшие курсы заочных отделений составил всего 29%, выпуск – 48%. В оценке провального результата в данном случае обошлись без явной политизации: причиной было названо неудовлетворительное руководство со стороны облОНО и Института повышения квалификации кадров народного образования – ИПККНО⁵⁶. С учетом вышесказанного данный вывод представляется достаточно обоснованным.

Заключение

Как следует из анализа приведенных фактов, социальная сфера Кировского края (области) в годы второй пятилетки (1933–1937) развивалась в русле общесоюзных тенденций, характерных для эпохи форсированной индустриализации. Высокими темпами повышалась заработная плата рабочих и служащих, хотя и с заметным отставанием от средней по стране. Причиной тому являлся пока еще во многом аграрный (по составу населения) характер региона с высокой долей мелкого производства в промышленности.

⁵³ Там же. Д. 30. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Д. 34. Л. 103.

⁵⁵ Там же. Д. 34. Л. 116.

⁵⁶ Там же.

Между тем в условиях индустриализации Советского Союза приоритетным направлением государственных вложений являлось крупное производство, находившееся на острие научно-технического прогресса. Поэтому в отличавшейся многочисленным контингентом кадров, но невысокими технологиями лесной промышленности Кировского края средняя зарплата была значительно меньше, нежели в перерабатывающих отраслях индустрии.

В этот же период приобретала зримые очертания система индивидуальной финансовой поддержки отдельных категорий населения, в частности многодетных матерей. Вопрос о доходах сельских жителей ввиду его сложности требует отдельного исследования. Пока же можно утверждать, что их увеличение напрямую зависело от уровня продуктивности аграрного сектора экономики в целом и конкретных достижений каждого отдельного коллективного хозяйства (колхоза). Партийные региональные власти оказывали преимущественно косвенное воздействие на жизненный уровень колхозников, ограничивая и пресекая покушения на него низового руководства и чиновников различных ведомств.

Середина 1930-х гг. – время отказа от карточного распределения продуктов питания, предметов первой необходимости и, соответственно, расширения сферы функционирования товарно-денежных отношений. Это не отменяло вмешательство региональных властей в эту сферу, их контрольные и регулирующие функции, представляющиеся необходимыми в условиях роста покупательной способности значительных масс населения при недостаточно развитой легкой промышленности и городской производственной кооперации. Впрочем, возможности последней не полностью использовались руководителями территорий и торговой сети.

В рассматриваемый период в Кировском регионе активно развивались системы образования и здравоохранения. Однако и в конце пятилетки было еще далеко до гарантированного удовлетворения потребностей граждан в медицинских услугах. Но при этом принципиально важно то обстоятельство, что расходы на здравоохранение финансировало государство, а не жители городов и сел. В области образования, при впечатляющем количественном росте соответствующих учреждений и числа обучаемых, имели место и серьезные провалы в уровне образованности даже молодежи призывного возраста. Более-менее основательное решение жилищной проблемы, обострившейся вместе с ростом населения городов и поселков, еще не вошло в число приоритетных направлений социальной политики властей региона, как, впрочем, и страны в целом.

Серьезным минусом следует назвать диспропорцию в темпах социально-экономического развития между городами (особенно концентрирующим в своих руках ресурсы региональным центром)

и сельскими районами. Неравномерность социального развития проявлялась и в ином ракурсе: если на ряде направлений (заработная плата, снабжение через сеть государственной и кооперативной торговли, стабильные, а то и снижаемые цены, совершенствование городской инфраструктуры, строительство школ и др.) положительная динамика не вызывает сомнений, то часть проблем пока еще были далеки от удовлетворительного решения, а некоторые (жилье в первую очередь) по большому счету еще не стали в повестку и общесоюзных, и региональных властей.

Однако даже с учетом перечисленных издержек Кировский регион в рассматриваемый период демонстрировал уверенный рост по важнейшим показателям развития социальной сферы, представляя собой динамично развивающуюся территорию, жизненный уровень населения которой (преимущественно городского населения) имел явную тенденцию к повышению. Не будет преувеличением утверждать, что именно в это время был заложен базис дальнейшего роста благосостояния населения Кировской области, в полной мере проявившегося уже в период 1960–1980 гг.

Литература

- Бакулин 2006 – *Бакулин В.И.* Кадровые «чистки» 1933–1938 гг. в Кировской области и проблема консолидации советского общества // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX в.: Сборник научных статей. Киров: Изд-во ВятГУ, 2006. С. 179–188.
- Бакулин 2018 – *Бакулин В.И.* В преддверии Февраля: губерния в условиях мировой войны // Вятская губерния в 1917–1918 годах: революция и эволюция политико-управленческой системы / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. 420 с.
- Бакулин 2020 – *Бакулин В.И.* Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37.
- Бердинских 2001 – *Бердинских В.А.* История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.
- Вдовин 1972 – *Вдовин З.И.* Деятельность Кировской краевой партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 22 с.
- Дубовцев 2014 – *Дубовцев В.А.* Модернизация: история нашего времени: Экономические и общественно-политические процессы в ходе советской модернизации и либеральных реформ. Киров: Веси, 2014. 496 с.
- Жиромская 2001 – *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
- Загвоздкин 1995 – *Загвоздкин Г.Г.* Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров: [Б. и.], 1995. С. 379–393.

- Карачаров 1990 – *Карачаров Ю.Г.* Все равно буду жить!: Документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области. Киров, Волго-Вят. кн. изд-во: Киров, отд-ние, 1990. 191 с.
- Кашина 2008 – *Кашина В.М.* Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Кн. 2. Киров: [Б. и.], 2008. С. 141–150.
- Клюкин 1971 – *Клюкин В.И.* «Коммуны будущей творцы»: Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров, отд-ние, 1971. 360 с.
- Семено 2018 – *Семено А.В.* 1935–1940: Общественно-политическая ситуация в Кировской области // ВятГубЧК – УКГБ – УФСБ по Кировской области: Страницы столетней истории. Киров: Крепостновъ, 2018. С. 71–78.
- Семенова 2012 – *Семенова А.Ю.* Социально-экономическое положение рабочих ценовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2012. 324 с.
- Сметанина 2008 – *Сметанина Н.Д.* История вятского искусства XVIII–XX вв. в рассказах и лекциях для учащихся. Киров: О-краткое, 2008. 432 с.
- Чемоданов 2016 – *Чемоданов И.В.* Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона в условиях модернизации (1928–1941 гг.). Киров: Старая Вятка, 2016. 364 с.
- Чемоданов 2019a – *Чемоданов П.А.* Архитектурно-пространственное развитие г. Вятки / Кирова в межвоенный период: планы и реальность // Город на Вятке: история, культура, люди (к 645-летию Хлынова – Вятки – Кирова): Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 10 июня 2019 г.). Киров, 2019. С. 66–77.
- Чемоданов 2019b – *Чемоданов П.А.* Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 гг. (на материалах Кировской области). Киров: Герценка, 2019. 224 с.
- Чемоданов 2019c – *Чемоданов П.А.* «Хлеб продаем, но не всем»: как отменяли хлебные карточки на территории Кировского края в начале 1935 г. // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2020 год: информ.-стат. сб. Киров: [Б. и.], 2019. Вып. 17. С. 264–272.
- Чемоданов 2020 – *Чемоданов П.А.* От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Боревой // Чемоданов П.А. Вятский Interbellum: Очерки истории Вятского края в межвоенный период. Киров: Герценка, 2020. С. 120–135.

References

- Bakulin, V.I. (2006), “Staff “purgues” of 1933–1938 in the Kirov region and the Soviet society consolidation issue”, in *Listaya istorii stranicy: Vyatskii kraj i vsya Rossiya v dvadcatom veke. Sbornik nauchnykh statej* [Turning the pages of history: Vyatka region and Russia in the twentieth century. Collected scientific articles], Kirov, Russia, pp. 179–188.
- Bakulin, V.I. (2018), “On the eve of February. The province in the conditions of the World War”, in *Vyatskaya guberniya v 1917–1918 godah: revolyuciya*

- i evolyuciya politiko-upravlencheskoy sistemy* [Vyatka province in 1917–1918. Revolution and evolution of the political and administrative system], Raduga-PRESS, Kirov, Russia.
- Bakulin, V.I. (2020), “Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repression in 1937”, in *History and archives*, no. 2, pp. 12–37.
- Berdinskikh V. A. (2001), *Istoriya odnogo lagerya (Vyatlag)* [History of a labor camp (Vyatlag)], Agraf, Moscow, Russia.
- Chemodanov, I.V. (2016), *Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Vyatskogo regiona v usloviyah modernizatsii (1928–1941 gg.)* [Agriculture and peasantry of the Vyatka region in the context of modernization (1928–1941)], Staraya Vyatka, Kirov, Russia.
- Chemodanov, P.A. (2019), “Architectural and spatial development of Vyatka / Kirov in the interbellum period: plans and reality”, in *Gorod na Vyatke: istoriya, kul'tura, lyudi (k 645-letiyu Hlynova – Vyatki – Kirova): Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferencii (Kirov, 10 iyunya 2019 g.)* [City on the Vyatka river: history, culture, people (to the 645th anniversary of Khlynov – Vyatka – Kirov): Materials of the all-Russian scientific conference (Kirov, June 10, 2019)], Kirov, Russia, pp. 66–77.
- Chemodanov, P.A. (2019), *Stakhanovskoe dvizhenie v ekonomicheskoy i sociokul'turnoy zhizni sovetskoj provincii v 1935–1941 gg. (na materialah Kirovskoj oblasti)* [The Stakhanov movement in the economic and socio-cultural life of the Soviet province in 1935–1941 (based on materials from the Kirov region)], Gertsenka, Kirov, Russia.
- Chemodanov, P.A. (2019), “Bread is not for everyone: on the abolishment of bread rationing on the territory of the Kirov region at the beginning of 1935”, in *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i kalendar' na 2020 god: informacionno-statisticheskij sbornik* [Commemorative book of the Kirov region and calendar for 2020: inform.-statistical compilation], Kirov, Russia, pp. 264–272.
- Chemodanov, P.A. (2020), “From the tailor's daughter to the “enemy of the people”: “five lives” of Miza Boreva”, in *Vyatskii Interbellum: Ocherki istorii Vyatskogo kraya v mezhoennoy period* [Vyatka Interbellum: Essays on the history of the Vyatka region in the interbellum period], Gertsenka, Kirov, Russia, pp. 120–135.
- Dubovtsev V. A. (2014), *Modernizatsiya: istoriya nashego vremeni. Ekonomicheskie i obshchestvenno-politicheskie processy v hode sovetskoj modernizatsii i liberal'nyh reform* [Modernization. The history of our time. Economic and socio-political processes in the course of Soviet modernization and liberal reforms], Vesi, Kirov, Russia.
- Karacharov, Yu.G. (1990), *Vse ravno budu zhit'!: Dokumental'nyy rasskaz o zhertvakh stalinskih repressij v Kirovskoj oblasti* [I Will Live Anyway!: A documentary story about the victims of Stalin's repressions in the Kirov region], Volgo-Vyatskoye Book Publishing House: Kirov department, Kirov, USSR.
- Kashina, V.M. (2008), “Industrialization in the Kirov region (Oblast): Concepts and Results”, in *Enciklopediya zemli Vyatskoj. Tom 10, Kn. 2* [Encyclopedia of the Vyatka Land, vol. 10, book 2], Kirov, Russia, pp. 141–150.

- Klyukin, V.I. (1971), *“Kommuny budushchej tvorcy”: Ocherki istorii Kirovskoj organizacii VLKSM* [“The future commune creators”: Essays on the history of the Kirov organization of the Komsomol], Volgo-Vyatskoye Book Publishing House: Kirov department, Kirov, USSR.
- Semenov, A.V. (2018), “1935–1940. Socio-political situation in the Kirov region”, in *VyatGubCHK – UKGB – UFSB po Kirovskoj oblasti: Stranicy stoletnej istorii* [VyatGubChK – KGB – FSB in the Kirov region. Pages of the century history], Krepostnov, Kirov, Russia.
- Semenova, A.Yu. (2012), *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochih cenzovoj promyshlennosti Vyatskoj gubernii / Kirovskoj oblasti v 1928–1937 gg.* [Socio-economic situation of workers in the large and medium-sized industries of the Vyatka province / the Kirov region in 1928–1937], Kirov, Russia.
- Smetanina, N.D. (2008), *Istoriya vyatskogo iskusstva XVIII–XX vekov v rasskazakh i lekciyah dlya uchashchihsya* [A history of the Vyatka art of the 18th – 20th centuries in stories and lectures for students], O-kratkoe, Kirov, Russia.
- Vdovin Z.I. (1972), *Deyatel'nost' kirovskoj kraevoj partijnoj organizacii po rukovodstvu narodnym hozyajstvom i kul'turnym stroitel'stvom v gody vtoroj pyatiletki (1933–1937 gg.)* [Activity of the Kirov regional party organization in management of the economy and cultural construction during the second five-year plan (1933–1937)], Moscow, USSR.
- Zagvozdkin, G.G. (1995), “Triumph and tragedy of the 30s”, in *Enciklopediya zemli Vyatskoj. Tom 4* [Encyclopedia of Vyatka Land, vol. 4], Kirov, Russia, pp. 379–393.
- Zhiromskaya, V.B. (2001), *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Владимир И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор; 354393, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский р-н, пос. Липники; vla20190220@yandex.ru

Павел А. Чемоданов, кандидат исторических наук, Кировский областной краеведческий музей, Киров, Россия; 610040, Россия, г. Киров, ул. Свободы, д. 48; pavelche1492@mail.ru

Information about the author

Vladimir I. Bakulin, Dr. of Sci. (History), professor, Lipniki village, Adler District, Sochi, 354393, Krasnodar region, Russia; vla20190220@yandex.ru

Pavel A. Chemodanov, Cand. of Sci. (History), Kirov Regional Museum of Local Lore, Kirov, Russia; bld. 48, Svobody St., Kirov, 610040, Russia; pavelche1492@mail.ru

УДК 94(4)

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-58-71

Западноевропейские и византийские источники эпохи Средневековья об отношениях между западными и восточными христианами и о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Дмитрий М. Абрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abramov_dmitriy@mail.ru*

Аннотация. Исторические источники и свидетельства очевидцев IV Крестового похода во многом отражают сложность и остроту противоречий между западным и восточным христианскими мирами на рубеже XII–XIII вв. Эти свидетельства и повествования исходят от самых непосредственных участников военных событий, развернувшихся на берегу Босфорского пролива в 1203–1204 гг. Авторы этих материалов принадлежали к двум противостоящим лагерям, и потому анализ этих источников представляет довольно полную и яркую картину происходившей трагедии. Внимательное ознакомление с указанными материалами позволяет хотя бы частично увидеть и осмыслить причины начавшегося военного противостояния между западными и восточными христианами, представлявшими еще недавно – в первой половине XI в. – единую Вселенскую Церковь. Источники ярко отражают настроения, царившие в лагере крестоносцев в апреле 1204 г., колебания и сомнения основной массы крестоносных воинов в правоте своих действий при подготовке к штурму Константинополя. Очень многие из них понимали, что им придется поднять меч на единоверцев – христиан Востока. Самым трагическим итогом Крестового похода 1202–1204 гг. стал разгром Константинополя войсками Креста. Для ромеев (византийцев) это стало причиной распада Ромейской империи. Для всех восточных христиан – гибелью столицы ортодоксального христианского мира.

Ключевые слова: Крестовый поход, очевидцы, исторические источники, Ромейская империя, Константинополь

Для цитирования: Абрамов Д.М. Западные европейские и византийские источники эпохи Средневековья об отношениях между западными и восточными христианами и о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. // История и архивы. 2021. № 2. С. 58–71. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-58-71

Western European and Byzantine sources
of the Middle Ages
about the relations between Western
and Eastern Christians and the capture
of Constantinople by the Crusaders in 1204

Dmitriy M. Abramov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, abramov_dmitriy@mail.ru*

Abstract. Historical sources and evidence of the eyewitnesses of the 4th crusade in many respects reflect the complexity and sharpness of the contradictions between the Western and Eastern Christendom at the turn of the 12th – 13th centuries. The evidence and narrations proceed from the most direct participants in the military events, broke out on the shore of the Bosphorus in 1203–1204. The authors of those materials belonged to the two opposing camps, and therefore the analysis of those sources represents a sufficiently complete and detailed picture of the occurred tragedy. A thorough analysis of the sources makes it possible to at least partially see and comprehend the causes of the military confrontation between the Western and Eastern Christians, who represented – just a while ago, in the first half of the 11th century – the united Ecumenical Church. The sources vividly reflect the mood that prevailed in the crusaders' encampment in April, 1204, hesitation and doubt of the bulk of the Cross Warriors who were not sure of the rightness of their actions in the preparation for the assault of Constantinople. Many of them understood that they would have to raise the sword against their fellow believers – the Christians of the East. But the most tragic outcome of the 1202–1204 Crusade was the crushing defeat of Constantinople by the Cross Warriors. For the Romans (Byzantines) that became the reason for the disintegration of the Roman Empire. For all Eastern Christians it indicated the demise of the capital of the Orthodox Christendom.

Keywords: Crusade, eyewitnesses, historical sources, Roman Empire, Constantinople

For citation: Abramov, D.M. (2021), “Western European and Byzantine sources of the Middle Ages about the relations between Western and Eastern Christians and the capture of Constantinople by the Crusaders in 1204”, *History and Archives*, no. 2, pp. 58–71, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-58-71

На исходе XII в. Ромейская империя переживала серьезный внутривластный кризис. Одновременно с Востока ей угрожали турки-сельджуки. На западных границах империи разворачивалась экспансия италийских норманнов. Византия стала терять своего союзника на Средиземном море – Геную. В Константинополе у правящей династии Комнинов появились серьезные соперники. Столичная знать рвалась к власти. Заговоры и дворцовые перевороты сотрясали империю: за период с 1180 по 1195 г. сменилось несколько базилевсов. Империя оказалась на грани краха.

Серьезные изменения происходили в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Крестоносные государства, основанные в конце XI – первой трети XII в., все более теряли свои позиции и территории под ударами многочисленных мусульманских княжеств и государств. Иерусалим в 1187 г. был захвачен правителем Египта Салах-ад-дином (Саладином). III Крестовый поход (1190–1192 гг.) окончился почти безрезультатно, так как Иерусалим остался в руках у мусульман.

В 1198 г. новый, довольно молодой и деятельный римский папа Иннокентий III призвал католических монархов и сеньоров к IV Крестовому походу с целью возвращения Иерусалима и освобождения Гроба Господня. В 1201 г. будущие лидеры крестового похода съехались в Венецию, где заключили военный союз и договор с Венецианской республикой о совместных действиях в предстоящем походе¹. Весной 1202 г. отряды крестоносной армии сошлись в Венеции. Во главе крестоносного войска был поставлен маркиз Бонифаций Монферратский – представитель феодальной элиты Северной Италии, известный сеньор и военачальник. Во главе венецианского войска встал дож (глава республики) Венеции Энрико Дандоло.

Конечно, рыцарское войско не смогло выплатить Венеции значительную часть установленной суммы. Тогда Дандоло предложил крестоносцам оплатить долг военными услугами. На побережье Адриатики находился торговый и богатый славянский город Задар, принадлежавший Венгерскому королевству. Задар был соперником Венеции на море. Дож Венеции убедил крестоносцев, что Задар – пристанище пиратов, которое необходимо разгромить. Крестоносцы согласились на проведение этой грабительской экспедиции.

Заслуживает внимания оценка рассматриваемых событий виднейшим отечественным византинистом Ф.И. Успенским: «24 ноября

¹ Венецианцы обещали перевезти по морю 4500 рыцарей, 9 тыс. оруженосцев и воинов с лошадьми и 20 тыс. пехотинцев за огромную для того времени сумму – 85 тыс. марок серебром. Сама Венеция снаряжала 50 боевых галер с воинами. – *Примеч. авт.*

Зара (Задар) была взята приступом и подверглась страшному опустошению, причем с жителями христианского города крестоносцы обращались как с неверными: брали в плен, продавали в рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены... крестоносцы совершили насилие над христианским городом, подчиненным венгерскому королю, который сам принял крест для похода, и владения которого по существующим тогда законам находились под покровительством церкви»². Подобная плата венецианцам стала «достойным началом» IV Крестового похода.

Дальнейший маршрут движения крестоносцев также пришлось изменить. В стан крестоносцев на побережье Адриатики в начале 1203 г. приплыл Алексей – сын свергнутого императора Исаака Ангела, спасшийся от преследования. Как наследник престола, он просил помощи у крестоносцев. За услугу он обещал крестоносцам еще более крупную сумму³. На воинском совете предводители крестоносцев вновь согласились изменить курс похода на Иерусалим. В марте 1203 г. крестоносный флот вошел в Мраморное море. Боевые действия в Босфорском проливе начались 5 апреля. Сначала венецианцы вели боевые действия против византийского флота, затем крестоносцы захватили Галату и встали там лагерем. Решающий бой на суше у стен Константинополя произошел 17 июля. Наемная армия императора Алексея III оказалась ненадежной. Базилевс увел ее с поля битвы и оставил столицу сам. Следом начались переговоры. А 18 июля греки открыли ворота городских укреплений и впустили в Константинополь западных рыцарей.

Исаака II Ангела освободили из темницы. Он стал соправителем сына Алексея. Западные рыцари потребовали обещанной платы. Однако Алексей IV смог уплатить лишь половину требуемой суммы. Повышение налогов лишь ухудшило положение в столице. Для сбора податей молодой базилевс спросил помощи у крестоносцев. Поэтому в январе 1204 г. в Константинополе вспыхнуло восстание против Ангелов, и произошел новый переворот: Алексей IV и Исаака II свергли с престола. Столичная ромейская знать отдала престол представителю знатного рода Дук – Алексею V, прозванному Мурзуфл (Нахмуренный). Теперь у вождей крестоносцев появился повод для неприкрытого нападения на столицу Империи Ромеев. Латинское духовенство благословило их на этот «подвиг» [Заборов 1956, с. 179–227].

О том, как воспринимались указанные события в лагере крестоносцев, свидетельствуют западноевропейские источники начала XII в., которые принадлежат перу очевидцев и участников событий.

² Успенский Ф.И. Византия и крестоносцы. Одесса, 1892. С. 13.

³ 200 тыс. марок серебром.

По сути своей это мемуары, которые независимо друг от друга составили по своим записям и воспоминаниям два крестоносца-француза: граф Робер де Клари и сеньор Жофруа де Виллардуэн. Пикардиец граф Робер принадлежал к сословию рыцарства средней руки и, скорее всего, был вассалом мессира Петра Амьенского – одного из предводителей крестоносного воинства. Он эмоционально и красноречиво излагал все увиденное им в ходе военных действий и был их активным участником. Отметим, что произведение создано автором под влиянием древних традиций, характерных для западноевропейских трубадуров и сказителей.

Жофруа де Виллардуэн – зрелый и опытный военачальник. В свое время он участвовал еще в III Крестовом походе и побывал в плену у сарацинов. Вернувшись во Францию, он стал маршалом при дворе герцога Тибо III Шапанского и оказался в числе руководителей IV Крестового похода. Виллардуэн непосредственно вел переговоры с венецианцами о найме флота. Затем он был тесно связан и с самим Бонифацием Монферратским. Для его сочинения характерны независимость авторских суждений, порой неприкрытое, объективное изложение и трактовка событий автором. Стоит отметить, что и тот и другой авторы неплохо владели пером и навыками литературного изложения.

Судить о литературных способностях авторов источников позволяют переводы отечественных специалистов, владевших средневековым французским языком. К их числу можно отнести отечественных историков-переводчиков, труды которых опубликованы в 1970–1980-е гг. Труд Робера де Клари перевел исследователь М.А. Заборов. Он же написал вступительную статью и составил комментарии к изданию⁴. Перевод сочинения «Взятие Константинополя» Жофруа де Виллардуэна, составленного на старофранцузском языке, осуществлен О. Смолицкой и А. Париным⁵. Там же дана статья переводчика О.В. Смолицкой⁶. Следом уже М.А. Заборов издал работу «Завоевание Константинополя» Жофруа де Виллардуэна и историческая мысль Средневековья⁷.

⁴ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977. 274 с.; *Клари Р., де*. Завоевание Константинополя / Пер., вступ. статья и коммент. М.А. Заборова. М.: Наука, 1986. 174 с.

⁵ *Жофруа де Виллардуэн*. Взятие Константинополя; Песни труверов / Предисл. и вступ. статья А.Д. Михайлова; отв. ред. А.Д. Михайлов; пер. со старофр. О. Смолиной, А. Парина. М.: Наука (ГРВЛ), 1984. С. 3–10.

⁶ *Смолицкая О.В.* Куртуазная литература крестоносцев: статья // Жофруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя; Песни труверов... С. 11–35.

⁷ Заборов М.А. Завоевание Константинополя и историческая мысль Средневековья // Жофруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя /

Но вернемся к источникам и их авторам. Участник IV Крестового похода граф Робер де Клари в своей книге «Завоевание Константинополя», сообщая любопытные подробности о подготовке к штурму столицы Византийской (Ромейской) империи, ярко отразил настроения, царившие в лагере крестоносцев в апреле 1204 г.:

Когда бароны возвратились и сошли с кораблей, то собрались вместе и в сильном смятении сказали, что за свои грехи они ничего не смогли ни предпринять против города, ни прорваться вперед; войска обсудили положение и рассудили, что битва является законной и что они вправе произвести добрый приступ, – ведь жители города издревле исповедовали веру, повинуюсь римскому закону, а ныне вышли из повиновения ему и даже говорили, что римская вера ничего не стоит, и говорили, что все, кто ее исповедует, – псы; и епископы сказали, что они поэтому вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием.

И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье⁸ все явились на проповедь... И тогда стали проповедовать в лагере епископы – епископ Суассонский, епископ Труасский, епископ Ханестест, мэтр Жан Фасет и аббат Лоосский, и они разъясняли пилигримам (воинам-крестоносцам. – Д. А.), что битва является законной, ибо *греки – предатели и убийцы* и им чужда верность (курсив мой. – Д. А.), ведь они убили своего законного сеньора⁹, и они хуже евреев. И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им Апостоликом¹⁰, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они, как следует, исповедались и причастились, и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это – враги Господа. И был отдан приказ разыскать и изгнать из лагеря женщин легкого поведения и всех их отослать подальше от лагеря...

Потом, когда епископы отговорили свои проповеди и разъяснили пилигримам, что битва является законной, все они, как следует, исповедались и получили причастие. Когда настало утро понедельника, все пилигримы хорошенько снарядились, одели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостики своих нефов¹¹, и свои

Пер., вступ. статья и коммент. М.А. Заборова; отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., Наука, 1993. 298 с. (Памятники исторической мысли).

⁸ Воскресенье «Страстной недели» – 11 апреля 1204 г.

⁹ Де Клари имеет в виду императора Алексея IV Ангела.

¹⁰ Апостолик – одно из наименований римского первоиерарха (папы).

¹¹ Неф – большоегрузное южноевропейское судно водоизмещением от 200 до 600 т, длиной от 20 до 32 м, с осадкой до 3,7 м, вмещавшее от 800 до 1000 чел.

юиссье¹², и свои галеры; потом они выставили их борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ¹³.

Как отмечено в источнике, проповеди латинских прелатов о «греках – предателях и убийцах», которым «чужда верность», долго не вызывали доверия у крестоносцев. С трудом проповедники склонили воинов Креста к штурму столицы Византии. Последние отблески былого единства, когда «жители города издревле исповедовали веру, повинуюсь римскому закону» еще какое-то время цепко держались в голове завоевателей. Нападение на Константинополь считалось «грехом». Церковный Нарбоннский собор, западного духовенства, заседавший еще в 1054 г., приравнял убийство христианина к пролитию крови Христа Спасителя¹⁴. В сочинении Робера де Клари явно слышится отзвук указанной точки зрения.

Мотивы отмеченных настроений встречаем и у Жофруа де Виллардуэна:

Велика была вражда между французами и греками, ибо она не утихла, но разрослась и усилилась, и не было дня, чтобы не бились они на суше или на море, – свидетельствует французский сеньор. Но далее отмечает, – и знайте, что были там (в стане крестоносцев. – Д. А.) и такие, кто хотел бы, дабы течение унесло корабли вниз или бы ветер увлек корабли куда-нибудь, а они бы ушли из той страны и отправились в Сирию. И неудивительно то было, ибо многие страшились предстоящей битвы¹⁵.

¹² Юиссье – военно-транспортный парусный корабль с глубоким трюмом. По перекидному мостику через портал в корме можно было с причала заводить коней в трюм корабля и таким же образом сводить их на берег. Название корабля дано по термину “huis” – корма.

¹³ *Робер де Клари*. Завоевание Константинополя... С. 52–53.

¹⁴ Решения собора в Сен-Жиль-дю-Гар 1042 г. обозначили важный этап в установлении мирных отношений и прекращении войн в христианской Европе. Здесь впервые были озвучены идеи «Божьего мира» и «Божьего перемирия». Любые военные действия запрещались в означенный период «Божьего перемирия» и ограничивались определенными условиями, когда ведение войны вновь становилось возможным. Своего пика эти начинания достигли в канонах Нарбоннского собора 1054 г. (*Les conciles généraux et particuliers*. T. 2 [681–1326] / Ed. par abbé P. Guérin. P.: V. Palmé, 1869. P. 261). В деле установления «Божьего мира» первый канон собора однозначно утверждал, что убийство христианина христианином равно смертному греху.

¹⁵ *Жофруа де Виллардуэн*. Взятие Константинополя... С. 107, 112.

Крестоносцев явно не пугали и не останавливали ни сила византийского оружия, ни ромейский флот, ни мощь городских стен и башен. Они боялись Божьего возмездия и гнева, считали греховным делом поднять меч на единоверцев. Во всяком случае, тогда на берегах Босфора классические представители западнокатолического, романо-германского мира открыто противостояли не язычникам Балтии и их малоизвестным в Европе православным русским союзникам, а классическим – ортодоксальным восточным христианам.

Уже 9 апреля 1204 г. латинские рыцари вновь начали боевые действия против ромеев. Первый приступ крестоносцев был отбит с большими потерями. Тогда 12 апреля западные воины повели приступ со стороны залива Золотой Рог. Они связывали корабли попарно и устанавливали на них башни. С корабельных башен крестоносцы перекидывали длинные мостики на башни каменных укреплений Константинополя. Под градом стрел и камней западные воины смогли овладеть четырьмя башнями береговых укреплений Константинополя. Одновременно несколько десятков рыцарей и пехотинцев, несмотря на потоки кипящей смолы и огромные камни, которые металы в них с боевых ходов куртины, смогли прорваться внутрь города через тайный, замаскированный проход в стене. Немногочисленное войско ромеев и их наемников было смято.

События сражения 12 апреля живописно отражены авторами обоих источников. Но Робер де Клари рассказывает о сражении особенно подробно. Он непосредственно участвовал в приступе под руководством мессира Петра Амьенского.

И во всем флоте имелось не более четырех или пяти нефов, которые могли бы достичь высоты башен – столь были они высоки; и все ярусы деревянных башен, которые были надстроены над каменными, а таких ярусов там имелось пять или шесть, или семь, были заполнены ратниками, которые защищали башни. И пилигримы атаковали там до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен; его отнесло прямо к ней чудом Божиим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно; а на мостике этого нефа были некий венецианец и два вооруженных рыцаря; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее руками и ногами и, изловчившись, как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе, – англы, даны и греки, увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски. Между тем волны опять отнесли неф, и он опять ударился об эту башню; и в то время, когда корабль снова и снова прибывало к башне, один из двух рыцарей – его имя было Андрэ де Дюрбуаз, поступает не иначе, как ухватывается ногами и руками за эту деревянную башню и ухищряется ползком пробраться в нее. Когда он оказался в ней, кто

там были, набросились на него с секирами, мечами и стали яростно обрушивать на него удары, но поелику благодарением Божиим он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал Господь... и потому рыцарь поднялся на ноги и выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены таким страхом, что сбежали на другой ярус, пониже. Когда те, кто там находились, увидели, что воины, которые были над ними, пустились бежать вниз, они оставили этот ярус... и в башню взошел затем другой рыцарь, а потом и еще немало ратников. И когда они очутились в башне, они взяли крепкие веревки и прочно привязали неф к башне, и, когда они его привязали, взошло множество воинов...

Когда мессир Пьер Амьенский увидел, что те, кто были в башнях, не трогаются с места, и когда увидел, в каком положении находятся греки, он поступил не иначе, как сошел со своими воинами на сушу, заняв клочок твердой земли, что был между морем и стеной. Когда они сошли, то поглядели вперед и увидели замаскированный вход: створки прежних ворот были вырваны, а сам вход снова замурован: тогда Пьер Амьенский подступил туда, имея при себе всего с десяток рыцарей и всего около 60 оруженосцев... Когда они подступили к этому замаскированному входу, то стали наносить сильные удары копьями, а те, кто находились наверху, имели щиты и таржи, которыми они прикрывали тех, кто пробивали замаскированный вход. И со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни, так что было чудом Божиим, что всех их не раздавило; и мессир Пьер и его воины не щадили там своих сил, предпринимая эти ратные труды и старания, и они продолжали так крушить этот замаскированный вход секирами и добрыми мечами, дрекольем, железными ломami и копьями, что сделали там большой пролом... и вот они начали наносить удары по другим воротам секирами и мечами до тех пор, пока не разбили большие железные задвижки и засовы... и не отперли ворота. И когда ворота были отперты, а те, кто находились по сю сторону, увидели это, они подогнали свои юиссье, вывели из них коней, а потом вскочили на них и через эти ворота сходу въехали в город. И когда все французы уже были внутри, все на конях, и когда император Морчофль, предатель увидел их, его охватил такой страх, что он оставил там свои палатки, свои сокровища и пустился наутек в город, который был очень велик и в длину и в ширину... Потом знатные бароны собрались и держали совет между собой, что им делать дальше; наконец, по войску прокричали, чтобы никто не вздумал продвигаться вглубь города, потому что это опасно – как бы в них не стали бросать камни со дворцов, которые были очень велики и высоки, и как бы их не стали убивать на улицах, которые были столь узки, что они не смогли бы там как следует защищаться, или как бы их не отрезали огнем и не спалили бы... С этим советом согласились все бароны.

Базилевс Алексей Мурзуфл оставил престол и бежал. Наступившая ночь и темнота положили конец схватке. Однако крестоносцы смогли захватить прибрежную часть города внутри столичных укреплений на южном берегу залива. Опасаясь, что ромеи могут совершить ночную контратаку, кто-то из захватчиков зажег город в нескольких местах. Но ромеи уже отказались от сопротивления. Правда, византийская знать успела провозгласить преемника бежавшего императора. Им стал видный военачальник Ласкарис. Вожди крестоносцев поторопились закрепить успех, и ранним утром 13 апреля их отряды двинулись внутрь горящего города. Вопреки ожиданиям, византийцы не оказали сопротивления.

Ромейский историк Никита Хониат оставил яркое свидетельство развернувшейся трагедии. Сам Хониат принадлежал к числу представителей императорской администрации. К 1204 г. он стал членом синклита (сената) и являлся очевидцем тех событий. После взятия Константинополя крестоносцами он с трудом спас свою семью, а затем перебрался в малоазиатский город Никею. Немного позднее он взялся за написание своего труда: им стало подробное сочинение по истории Византии за период с 1118 по 1206 г. [Бибилов 1998, с. 197–208]. Первоначально труд Хониата был переведен и опубликован в России еще в 1860–1862 гг.¹⁶ Санкт-Петербургская духовная академия выступила инициатором этого издания. Перевод и публикация 1-го тома прошли под редакцией профессора В.И. Долоцкого. 2-й том был издан в 2003 г. под редакцией профессора И.В. Чельцова. Все тексты его были выверены по изданию 1860–1862 гг., но адаптированы к современному синодальному переводу¹⁷.

В своей «Истории со времени царствования Иоанна Комнина» о событиях в Константинополе утром 13 апреля 1204 г. Хониат писал следующее: «Вышедши вместе с патриархом из церкви в Милион (дворец), Ласкарис начал неотступно увещавать и поощрять собравшийся сюда народ к сопротивлению неприятелям. Равным образом он возбуждал идти на предстоявшую битву и секироносцев (данов и англосаксов) с бранными железными оружиями на плечах... Однако несмотря на все его усилия никто из народа не отозвался на его голос и даже секироносцы обещали содействие только за деньги... Между тем появились уже латинские фаланги в доспехах: поэтому он должен был наконец удалиться отсюда и

¹⁶ *Никита Хониат. История со времени Иоанна Комнина.* СПб., 1862. Т. 8. Ч. 2.

¹⁷ *Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина* / Пер. под ред. И.В. Чельцова; изд. подгот. А.И. Цепков. Т. 2. (1186–1206). Рязань: Александрия. 2003. 454 с.

решил спастись бегством»¹⁸. Так или иначе, но и в лице наемников («секироносцев») ромейская знать опять же имела дело с западными христианами, которые с трудом, лишь за хорошую плату готовы были поднять оружие против единоверцев-крестоносцев.

Анализ рассматриваемых источников свидетельствует, что штурм Константинополя 12 апреля 1204 г. все же нельзя назвать ожесточенным. Вероятно, невзирая на мощные оборонительные сооружения столицы, сами византийцы сражались довольно пассивно. В захвате города западными христианами мирное население не видело особой опасности. Да и ромейская элита возложила всю тяжесть обороны на плечи наемников, редко призывая на помощь мирное население.

При описании состава крестоносного войска Жофруа де Виллардуэн свидетельствует, что оно делилось на семь отрядов. Отметим: «Седьмой отряд вверен был маркизу Бонифацию Монферратскому, и был тот отряд весьма велик, ибо вошли в него ломбардцы, тосканцы и немцы...» А далее де Виллардуэн свидетельствует: «В ту же ночь (когда византийские войска оставили стены города. — Д. А.) рядом с маркизом Бонифацием какие-то люди, боявшиеся, как бы не напали на них греки, подожгли город. И запылал город, и загорелся весьма сильно, и горел всю ночь и на следующий день до самого вечера... Маркиз Бонифаций Монферратский проскакал вдоль берега прямо к Бушельону¹⁹, и, когда прибыл туда, дворец был сдан за жизнь (выкуп) укrywшихся в нем... О сокровищах того дворца и рассказать нельзя, ибо было их столько, что и не сосчитать»²⁰. В этом же контексте интересно некоторое сообщение Ф.И. Успенского: «Свирепостью и неумолимостью отличался более всех Бонифаций и сопутствовавший ему отряд немецких крестоносцев; один из немецких графов по фамилии Катценелленбоген по преимуществу запятнал себя поджогами»²¹.

О разгроме столицы православного мира и варварском поведении крестоносцев после захвата города французские авторы практически умалчивают. Они свидетельствуют лишь о ценностях, которые были захвачены и вывезены в Венецию, в города Северной Италии, Франции. Однако византийские источники дают яркую картину происходивших событий. «Освободители Гроба Господня», «Божии пилигримы», овладели всеми богатствами Нового Рима. Огромный цветущий город со всем его населением, здани-

¹⁸ *Никита Хониат*. История со времени Иоанна Комнина. Т. 8. Ч. 2. С. 319–320.

¹⁹ Бушельон – дворец Вакулеон.

²⁰ *Жофруа де Виллардуэн*. Взятие Константинополя. С. 83, 114–115.

²¹ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 23.

ями, дворцами, памятниками и храмами был предан еще невиданному дотоле разорению и поруганию. Многие современники были поражены событиями, произошедшими в апреле 1204 г. в столице империи ромеев.

С болью и возмущением свидетельствовал о разграблении Константинополя Никита Хониат:

Разграблены были не только дома, но и дворцы, и храмы. Франки сокрушали искуснейшие изваяния святых и древних царей, лошадей и львов, великолепные столпы и колонны из мрамора и драгоценных камней и отвозили их на свои корабли. В домах и храмах срывали с икон золотые и драгоценные дары, не задумываясь, разрубали и святые иконы, расхищали мощи святых и богатейшую церковную утварь: книги, потиры, напрестольные кресты, дарохранительницы и ковчеги, срывали дорогие церковные завесы, громили церковные врата, вышибая из них золотые гвозди, засовы и петли. Святое причастие было разлито или разбросано по земле и топталось ногами грабителей. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши: их украшения прятали за пазуху, а из них пили вино как из бокалов. Разграблен был и храм Святой Софии. Святые наои необыкновенной красоты, затканые драгоценностями, были разрублены на куски и разделены между воинами. Когда им было нужно вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которыми были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами. Животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но грабители били их, и те оскверняли своим калом и кровью священный пол храма. Какая-то пьяная блудница, преисполненная греха, была посажена латинянами на патриарший трон. Она пела неприличные песни и, ломаясь, скакала вокруг. Грабители предавались диким пиршествам и увеселениям, осмеивали греческие обычаи и одежды. Другие носили письменные приборы, чернильницы и держали в руках тетради, желая осмеять греческих писателей и греческую мудрость²².

Подобными выходками выражалось явное пренебрежение западных воинов Креста и их церковных пастырей к ортодоксальному богословию и великому философскому наследию греко-византийского мира. Неприятие воинством романо-германского мира этнокультурных ценностей и духовных святынь Византии было отчетливо запечатлено и воспроизведено Хониатом в его сочинении, являющемся важнейшим источником своего времени.

²² *Никита Хониат*. История со времени Иоанна Комнина. Т. 8. Ч. 2. С. 319–325.

Трагедия в Константинополе нашла живейший отклик в православных странах: в Болгарии, в Сербии, в Русской земле. Русский летописец – очевидец событий – написал трагическое повествование «О взятии Царьграда от фряг», вошедшее в тексты многих русских летописей. Как свидетельствует исследователь Н.А. Мещерский, материалы русских летописей в этом аспекте являются ярким источником по истории Византии той эпохи [Мещерский 1954, с. 132–135].

Отныне характер крестоносного движения в глазах христиан Востока стал явно перерождаться из военно-религиозного, паломнического, освободительного в агрессивный и захватнический. Среди латинских завоевателей многие задавались вопросом: «Как небольшому войску удалось захватить самый большой в мире город с огромным населением?» Спустя годы участники этих событий – сеньор Жофруа де Виллардуэн, рыцарь Робер де Клари и историк Никита Хониат напишут о завоевании Константинополя крестоносцами. Число крестоносцев в апреле 1204 г. не превышало 30 тыс. воинов, тем более многие из них еще до захвата столицы Империи ромеев ушли в Святую Землю. Они открыто отказались воевать против христиан иной конфессии. Население города превышало войско крестоносцев по численности в пять или шесть раз. Но нельзя забывать, что население столицы Византии было мирным, а войско крестоносцев сплошь профессиональным. Гарнизон столицы был невелик и в значительной степени состоял из западных наемников. Основные военные силы Империи ромеев находились далеко на востоке – на границе с турками-сельджуками. Империя стала и жертвой своих внутренних неурядиц, чем особенно была ослаблена и оказалась легкой добычей для западных завоевателей.

Литература

- Биби́ков 1998 – *Биби́ков М.В.* Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя. 1998. 315 с.
- Забо́ров 1956 – *Забо́ров М.А.* Крестовые походы. М., 1956. 287 с.
- Мещерский 1954 – *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 120–135.

References

- Bibikov, M.V. (1998), *Istoricheskaya literatura Vizantii* [Historical literature of Byzantium]. Aleteyya, Sankt Petersburg, Rusia.

Zaborov, M.A. (1956), *Krestovye pokhody* [Crusades]. Moscow, Russia.

Meshcherskii, N.A. (1954), “Old Russian story about the capture of Constantinople by fryags [Italians] in 1204”, in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 10, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 120–135.

Информация об авторе

Дмитрий М. Абрамов, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abramov_dmitriy@mail.ru

Information about the author

Dmitrii M. Abramov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; abramov_dmitriy@mail.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94(470)«1941/45»

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-72-83

Учебные научно-исследовательские работы современных школьников как источник изучения исторической памяти народа о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Зинаида П. Иноземцева

*Центральный совет Российского общества историков и архивистов,
Москва, Россия, zinaida33@bk.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа исследовательских работ школьников, участвовавших в конкурсе Всероссийских юношеских чтений им. В.И. Вернадского в период 2005–2020 гг., рассматриваются представления о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. вступающего в жизнь поколения XXI в. Специфика содержания учебно-исследовательских работ школьников, посвященных истории Великой Отечественной войны, определяется тем, что юные авторы в поисках правды стремятся объективно осмыслить реалии прошлого, установить достоверность факта. Отметим, что герои в школьных работах – рядовые люди, зачастую не имеющие официально признанных заслуг, а потому их документы в государственные архивы все еще не принимаются. Председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин на открытии выставки «Человек и война. Нерассказанная история» подчеркнул, что история подвига советского народа передается через письма с фронта, фотографии, семейные воспоминания, личные вещи. Именно на этих источниках юные исследователи постигают историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Автор статьи приходит к выводу о сохранении в народном самосознании исторической памяти о Великой Отечественной войне, о возможности использовать юношеские исследовательские работы в качестве источников личного происхождения для изучения проблемы исторической памяти народа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., исследовательские работы школьников, исторический источник, историческая память, народный патриотизм

Для цитирования: Иноземцева З.П. Учебные научно-исследовательские работы современных школьников как источник изучения исторической памяти народа о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История и архивы. 2021. № 2. С. 72–83. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-72-83

Educational research works
of contemporary schoolchildren
as a source of study of the historical memory
of the people about the Great Patriotic War
of 1941–1945

Zinaida P. Inozemtseva

*Central Council of the Russian Society of Historians and Archivists,
Moscow, Russia, zinaida33bk.ru.*

Abstract. The present work is based on the analysis of the schoolchildren competitive research papers submitted at the All-Russian Youth Vernadsky Conference in the period of time between 2005 and 2020; the article considers the ideas about the 1941–1945 Great Patriotic War of the generation coming into life in the 21st century. The content specificity of the schoolchildren research works devoted to the Great Patriotic War is defined by the fact that the young authors in search of truth seek to objectively comprehend the realities of the past and to ascertain the veracity of the fact. It is worth noting that the heroes of the schoolchildren papers are ordinary people, often without formal recognition, and that is the reason why their documents have not been taken into the archives yet. At the opening of the exhibition “Man and War”, the Chairman of the Russian Historical Society Sergei Naryshkin stressed that the history of the Soviet people’s heroism is transmitted through the frontline letters, photographs, family reminiscences, personal belongings. It is on these sources that young researchers learn the history of the Great Patriotic War of 1941–1945.

The author of the article concludes that the historical memory of the Great Patriotic War is preserved in the people’s consciousness, and that it is possible to use the youth research as the sources of personal origin to study the issue of historical memory.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, schoolchildren research works, historical source, historical memory, national patriotism

For citation: Inozemtseva, Z.P. (2021), “Educational research works of contemporary schoolchildren as a source of study of the historical memory of the people about the Great Patriotic War of 1941–1945”, *History and Archives*, no. 2, pp. 72–83, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-72-83

По прошествии 75 лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., когда ее участники и свидетели практически покинули земные пределы, историческая память об этой войне приобрела исключительную актуальность как проблема научного познания и практических действий, определяющих устойчивость русской государственности. Проведенное в 2004 г. масштабное исследование по проблеме «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию Победы)»¹ показало не только ослабление памяти о войне, особенно в молодежной среде, но и потерю интереса к ее истории [Афанасьева, Меркушин 2005, с. 13–14]. Причины такой индифферентности получили определенное освещение в постсоветской историографии [Комаров 2007, с. 6–7]. Отмечается, что вплоть до 1990-х гг. исследователи не имели доступа к засекреченным архивным документам военного периода. В научной и учебной литературе освещались преимущественно победоносные страницы военных действий в рамках официальной концепции, проблематика и оценочные критерии которой были, по существу, определены в 1947 г. Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным в изданной книге с его приказами и обращениями к народу в период 1941–1945 гг.² Героика всенародного подвига раскрывалась на отдельных ярких хрестоматийных примерах. Официальная пресса молчала о миллионах судеб плененных воинов, о фильтрационных лагерях, искалеченных солдатах, отправленных на Валаам на доживание, о судьбах угнанных в Германию и тех, кто проживал до освобождения на оккупированных территориях. Молчали и миллионы вернувшихся к мирной жизни участников войны, в душах и памяти которых запечатлелась не только радость завоеванной ими Победы, но и великая скорбь потерь, ужасы отступления. День 9 мая с 1947 по 1965 г. не отмечался как всенародный праздник победившего народа. Это был будничным рабочий день³. Вытеснение исторической памяти о войне из народного самосозна-

¹ Исследование проведено в 2004 г. центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

² *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1947. 207 с.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. № 3479-VI «О признании утратившей силу статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. В связи с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. “Об объявлении 9 мая нерабочим днем” Президиум Верховного Совета СССР постановляет: Статью 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. об объявлении 9 мая рабочим днем (Ведомости Верховного Совета СССР, 1947 г., № 45) считать утратившей силу».

ния усилилось после развала СССР. Постсоветская историография 1990-х гг. заполнила нишу безмолвия фальсификацией великого народного подвига. В образовательных программах тема войны свелась к минимуму, наполнилась скепсисом, развенчанием роли русского народа в Победе, уравниванием сущности гитлеровского фашизма и сталинизма [Иноземцева 2007, с. 157–163].

В результате замалчивания и очернения исторического прошлого, а это произошло в русской истории XX в. дважды – в 1917 и 1991 гг., поколения людей, рожденных в СССР, по словам доктора исторических наук архимандрита Дамаскина (Орловского), «оказались неподготовленными к духовной и социальной катастрофе», которая «разъединила народ, обрекла молодое поколение на приспособление к новым антинациональным условиям жизни и с годами сделала для него “неинтересным”, “неактуальным” <...> опыт отцов, дедов, прадедов, что в конечном итоге привело к отмиранию “органов исторического восприятия”, к непониманию и забвению прошлого и разрыву между прошлым и настоящим» [Дамаскин 2018, с. 279].

Историческая память как проблема научного познания – по меткому замечанию крупнейшего российского теоретика проблемы Л.П. Репиной – в этих условиях «превратилась в своеобразное яблоко раздора» [Репина 2013]. Анализируя историографию проблемы, Ю.А. Сафронова отметит, что под понятием «память» подразумевают совершенно разные вещи», сходясь в одном: «Память – это способ конструирования людьми своего прошлого»⁴. В этом определении просматривается целевая направленность проводимых исследований исторической памяти, а именно: поиск форм и методов формирования в народном самосознании заданных представлений о прошлом. Заметим, что исследование проблемы, базовые понятия которой – «память», «духовность», «сознание» – имеют духовное измерение, не может быть плодотворным в рамках материалистической теории и осуществляемой комплексной программы «синтеза социокультурной и интеллектуальной истории», которая, как полагают ее последователи, «позволяет охватить динамику исторического развития духовной сферы как на макросоциальном уровне, так и на уровне индивида (включая исторический анализ творческого наследия того или иного мыслителя, ученого, писателя, историка) или микрогруппы» [Репина 2003, с. 5–6].

В статье представлены результаты изучения восприятия исторического прошлого современным подрастающим поколением, проведенного на основе анализа исследовательских работ школьников

⁴ Сафронова Ю.А. Историческая память: Введение: Учеб. пособие. СПб., 2020. 223 с.

по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. поступивших в период 2005–2020 гг. на Всероссийский конкурс юношеских работ им. В.И. Вернадского.

Таблица

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
в учебно-исследовательских работах старшеклассников

Год (гр. 1)	Общее количество работ: а) рассмотренных секцией – числитель; б) по тематике войны – знаменатель (гр. 2)	Проблематика истории войны в исследованиях школьников (гр. 3)
2004	41/нет	Работ, посвященных теме Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в 2004 году еще нет, не было их практически и в предыдущие годы. Война получила косвенное отражение в работах генеалогической и биографической тематики
2005	45/15 (33%)	Человек России в условиях войны. Холокост. Коллаборационизм. Генерал Власов. Человек и Сталинградская битва, оборона Москвы. Ленинградская блокада. Партизанское движение. Эвакугоспитали. Население на оккупированных территориях. Труженики тыла. Женщины в годы войны. «Дети войны», детские дома. «Повседневность» жизни в военных условиях. Полярные конвои. Судьбы выпускников школ предвоенного и военного времени. Учителя школы – фронтовики. Деды и прадеды – участники войны. Поисковые отряды. Увековечивание памяти солдат. Война 1941–1945 гг. в школьных учебниках России и зарубежных стран. Празднование Победы 9 мая 1945 г. и др.
2006–2009	260/33 (12%)	
2010	88/21 (24%)	
2011–2014	362/104 (29%)	
2015	112/59 (53%)	
2016 – 2019	372/111 (29%)	
2020	53/25 (50%)	

Данные таблицы (гр. 1 и гр. 2) свидетельствуют о прямой зависимости интереса школьников к исследованию истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. от того значения, которое придает этой проблеме общество. Начиная с 2005 г. число работ, пос-

вященных истории войны, достигало в среднем трети общего числа поступивших на рассмотрение секции, а в юбилейные 2010, 2015, 2020 гг. – половины. Тематика работ (гр. 3) позволяет видеть, что в центре интересов школьников – Человек в экстремальных условиях военной и тыловой жизни, а также отдельные дискуссионные проблемы: коллаборационизм, предательство генерала Власова, холокост и др.

Специфика содержания учебно-исследовательских работ школьников, посвященных истории Великой Отечественной войны, определяется тем, что юные авторы в поисках правды стремятся объективно осмыслить реалии прошлого, установить достоверность факта. Они еще не подвержены влиянию «методологических поворотов» в исторических исследованиях, опирающихся на интерпретацию исследователем фактов, исходя из собственной мировоззренческой позиции. В поисках правды они актуализируют и в большом объеме вводят в научный оборот сведения о хранящихся в семейных архивах фронтовых дневниках, письмах, фотографиях, биографиях, о судьбах ветеранов войны и трудового тыла. Герои в школьных работах – рядовые люди, зачастую не имеющие официально признанных заслуг, а потому их документы в государственные архивы все еще не принимаются. Большинство старшеклассников вполне определенно формулируют свои, нередко отличные от изложенных в учебниках и насаждаемых СМИ, видение и оценку исследуемых событий, опираясь на внутренние нравственные начала человеческой личности. Собственно именно эта нравственная составляющая учебно-исследовательских работ современных школьников представляется нам исторически значимой как свидетельство глубинной основы исторической памяти народа, заложенной в его национальном самосознании.

«Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу» – озаглавила свою работу белгородская школьница Дзивицкая Линда (Архив работ № 180016)⁵. Поясняя мотивацию своего исследовательского интереса, она говорит, что решение сохранить память о своих родных пришло к ней, когда она обнаружила, что большинство ее сверстников ничего не знают о том, «какой вклад внесла их семья в Великую Победу». Анализируя жизненный путь своей бабушки-блокадницы, она восстанавливает ее родственные связи и судьбы своих дедов и прадедов – крестьян – выходцев из г. Весъегонска, среди которых были репрессированные, были участники войны, были вернувшиеся и не вернувшиеся с фронта.

⁵ Исследовательские работы школьников, поступившие на конкурс им. В.И. Вернадского, сохраняются в электронном архиве работ (далее – Архив работ).

И сквозь призму человеческого фактора юный автор постигает суть народного подвига, который обеспечил победу над врагом. Она проникает в суть и различает два вида подвига:

Подвиг первого вида – это геройский поступок, который совершается в благородном порыве. Например... таким был подвиг Александра Матросова и Николая Гастелло. Но есть еще и ежедневный подвиг, когда герои проявляют долговременное терпение, исполняя свой долг, несмотря на крайне тяжелые и опасные обстоятельства. Первый вид подвига тяжел, а второй еще более труден, хотя и менее заметен. Для совершения геройского поступка требуется кратковременное напряжение психических и физических сил, а для ежедневного подвига требуется длительное напряжение этих сил. С этой позиции Зинаида Никитична [бабушка автора], как и все ленинградцы, совершила Подвиг. И помнить об этом наш священный долг. <...> Память... Она имеет начало. Но она не должна иметь конца. А для того, чтобы память не иссякла, нужно просто оглянуться и посмотреть, кто рядом живет, расспросить их о прожитой жизни, записать их воспоминания. Именно через воспоминания живых свидетелей военных лет можно понять, что судьба каждого человека есть отражение судьбы страны.

Трудно что-то добавить к этим словам и выводам, убеждающим в том, что историческая память вступающего в жизнь поколения – это память сердца, пробуждающаяся от соприкосновения с людскими судьбами тех, кто самоотверженно служил своей Родине.

Тарасова Мария и Никитина Дарья (г. Иваново. Архив работ № 20010) в своей работе пишут, что знают о войне по фильмам и книгам (заметим: не по учебникам): «Это знание не просто теория, оно – в нашей душе, оно передано нам нашими дедами и прадедами, нашими соотечественниками, прошедшими через невыносимые страдания и своими слезами и кровью отвоевавшими право на мирную жизнь».

Изучая фронтовые письма немецких и советских солдат – участников Сталинградской битвы, Потякина Виолетта (г. Оренбург. Архив работ № 16002) показывает различия в восприятии этой битвы русским и немецким народом:

Для России Сталинград был, есть и будет символом *военной и нравственной победы над фашизмом* <...> Образ битвы на берегу великой русской реки остается в памяти немцев *обнаженным нервом массового сознания*, знаком катастрофического поражения вермахта и *необъяснимой стойкости советских солдат*.

Обратим внимание на ключевые слова в этих юношеских искажениях: *«нравственная победа над фашизмом»*; *«необъяснимая стойкость советских солдат»*. Эти понятия красной нитью пронизывают большинство работ юных исследователей.

Айзиман Александр и Беккер Евгения (Красноярский край, пос. Шабалино. Архив работ № 140214) осмыслили суть патриотизма:

Настоящий повседневный патриотизм солдата складывается из негромкой любви к близким, к семье, родному дому, к природе родного края; и *только потом* приходит осознание гордости, преданности и единой любви к большой Родине, Отечеству, за которое он сражается и готов отдать жизнь, лишь бы победить ненавистного врага.

К такому пониманию привел юных авторов Александр Любимов, в 45 сохранившихся письмах которого к родным не было героического пафоса, но были не подвластные цензуре проникновенные, от сердца сказанные слова: «Сообщаю вам, что еду на защиту Родины СССР» [№ 29, 09.01.1943 г.]; «Знаешь, Фрося, мы защищаем все один интерес и одну жизнь» [№ 41, 02.07.1943 г.]; «Я должен бить врага до победы, отомстить ему за своего брата Ивана Ивановича и за шурина Петра Елисеевича» [№ 38, 10.05.1943 г.]. Юные авторы не оспаривают наличие чувства гордости за свою Родину, но вносят принципиально важное уточнение:

Могучая сила *истинного* патриотизма – в основе всех боевых и трудовых подвигов советского народа в годы Отечественной войны, она помогла одержать Великую Победу в 1945 г. Поэтому солдатские письма способны воспитать у нас, молодого поколения, *чувство глубокой ответственности* [заметим: не гордости, но ответственности] за мирную жизнь и судьбу своей страны; научить каждого из нас, как надо любить Родину, заботиться о своей семье, чтить старших в роду, уважать младших, *во что нужно верить*, как надо жить, чтобы спустя десятилетия тебя вспоминали с благодарностью.

Проникновенные строки А.Т. Твардовского от лица павших под Ржевом воинов, приведенные авторами, свидетельствуют о живой исторической памяти, которая передается и проясняется в душе русского народа через сердечное восприятие наказа предков, запечатленного в тайне русского СЛОВА:

Наши очи померкли, пламень сердца погас.
На земле на поверке выкликают не нас.
Нам свои боевые не носить ордена.
Вам – все это, живые. Нам – отрада одна:

Что недаром боролись мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, – вы должны его знать...
Я вам жизнь завещаю... завещаю... счастливыми быть
И родимой отчизне с честью дальше служить...
И беречь ее свято... в память воина-брата, что погиб за нее.

Нужно ли и что можно добавить к этим выводам и оценкам думающих представителей нашей современной молодежи. Их понимание патриотизма в полноте отражено в поэзии А.С. Пушкина, писавшего о любви «к родному пепелищу», любви «к отеческим гробам», в которых великий поэт усматривал «животворящие святыни», без коих «земля была бы мертва как алтарь без Божества». Не будучи знакомы с трудами выдающегося русского ученого Н.Я. Данилевского, юные исследователи, по существу, солидаризируются с его пониманием глубокого различия между народным истинным и внешним политическим патриотизмом, замешанным на европеизме. В основе этих различий – разность в психическом строе и ценностных ориентирах русского и западноевропейских народов, разность их культурно-исторических типов, определяющих путь исторического развития народа⁶.

Значимость исследовательских работ школьников как источников по истории Великой Отечественной войны отмечают многие рецензенты этих работ. Так, в рецензии С.А. Рябова⁷ на работу Мальцевой Дарьи (г. Кирово-Чепецк. Архив работ № 070166) читаем:

Заслуживает высокой оценки обращение автора к такой обойденной вниманием военной теме как жизнь и быт простых солдат на фронте. Военные мемуары, к сожалению, не отражают в достаточной степени эту сторону военной действительности, поскольку чаще всего их пишут военачальники, а они больше рассказывают о своем вкладе в Победу. Тем ценнее свидетельства всего нескольких простых бойцов, прошедших войну, о том, в каких условиях они находились вне боя. Как не только воевали, но и как проводили редкие часы отдыха. <...> Некоторые детали военного быта, найденные Дарьей во время анкетирования, заслуживают того, чтобы быть включенными в книги воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, которые пишутся в городе Кирово-Чепецке. Ее заметки следует обязательно

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Глагол: Изд-во СПГУ, 1995. С. 53–54.

⁷ Рябов Сергей Алексеевич, ведущий научный сотрудник Центра военного и морского наследия, кандидат военных наук, доцент, полковник в отставке.

опубликовать в периодической печати. Особенно о выходе наших войск к Эльбе и о встречах солдат и офицеров на фронте с писателями и артистами. Будет полезным, например, уточнить у бывшего сослуживца подробности о службе с Иннокентием Смоктуновским на войне.

Председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин в речи на открытии выставки «Человек и война. Нерасказанная история» подчеркнул, что история подвига советского народа передается через письма с фронта, фотографии, семейные воспоминания, личные вещи. Именно на этих источниках юные исследователи постигают историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Восприятие исторического прошлого подтверждает универсальность вывода видного русского историка Н.И. Костомарова (1817–1885) о том, что

...внешние явления политической жизни не могут составить историю народа... История народа не достигается также внутренней историей, т. е. изображением законодательства, учреждений, народных обычаев, домашнего быта, обрядов, народных увеселений. Все явления общественной и домашней жизни – «внешность», за нею кроется потребность уразумения народного духа как причины и вместе содержания этой внешности. Жизнь народная заключается в движении его духовно-нравственного бытия: в его понятиях, верованиях, чувствованиях, надеждах, страданиях... *Исследование развития народной духовной жизни – вот в чем состоит история народа.* Тут основа объяснений всякого политического события, тут поверка и суд всякого учреждения и закона⁸.

23 октября 2020 г. Коллегия Министерства просвещения РФ утвердила новый подход к преподаванию истории в школе исходя из главного принципа консолидации общества, ибо «народ, разделившийся в понимании своей истории, становится неспособным сохранить единство. Единство и традиция как сила, передающая в том числе ценности и культурный код нации, является непременным условием того, чтобы общество в любой исторический период сохраняло свою целостность и единство»⁹.

⁸ Костомаров Н.И. Вступительная лекция в курс русской истории, читанная профессором Костомаровым в Императорском Санкт-Петербургском университете 22 ноября 1859 г. // Тайны истории. М.: Высшая школа, 1994. С. 76–78.

⁹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире. М.: ИСЭПИ, 2015. С. 64–65.

Таким образом, юношеские исследовательские работы, отражающие размышления, восприятие молодежью исторического прошлого, могут рассматриваться как специфические источники личного происхождения, содержащие информацию о духовно-нравственной составляющей исторической памяти народа России. В своей совокупности они свидетельствуют, что историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. живет и прочно укоренилась в народном самосознании как память долга и ответственности живых перед павшими за Отечество. Новые поколения XXI в., следуя духовно-нравственным ориентирам своих предков, смогут преодолеть кризис исторического мышления и воссоздадут историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., основанную на документально удостоверенных фактах и исторической памяти, запечатленной в культурном коде нации.

Литература

- Афанасьева, Меркушин 2005 – *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
- Дамаскин 2018 – *Дамаскин (Орловский)*. Слава и трагедия русской агиографии. М.: Рег. общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. 526 с.
- Иноземцева 2007 – *Иноземцева З.П.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. глазами детей (по материалам исследовательских работ школьников) // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Архив РАН, 2007. С. 157–163.
- Комаров 2007 – *Комаров Д.Е.* Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы: Региональный аспект: 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 32 с.
- Репина 2003 – *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историкоописания: Историографические заметки. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 43 с.
- Репина 2013 – *Репина Л.П.* Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал. 2013. № 1. С. 24–32.

References

- Afanasyeva, A.I. and Merkushin, V.I. (2005), "The Great Patriotic War in the historical memory of the Russians", *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 11–22.
- Komarov, D.E. (2007), "The Great Patriotic War. Combat actions, power, masses of people. The regional aspect. 1941–1945 (on the materials of the Smolensk region)", abstract of D. Sc. dissertation. Moscow, Russia.

- Inozemtseva, S.P. (2007), "Great Patriotic War of 1941–1945 through the eyes of children (based on the materials of the research works of schoolchildren)", in *Edinstvo fronta i tyla v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Unity of the front and the rear in the Great Patriotic War 1941–1945], Archives of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 157–163.
- Damascusin (Orlovskii) (2003), *Slava i tragediya russkoi agiografii* [The glory and tragedy of Russian hagiography], Public Foundation "Memory of martyrs and confessors of the Russian Orthodox Church", Moscow, Russia.
- Repina, L.P. (2003), *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriioopisaniya. Istoriograficheskie zametki* [Cultural memory and the issues of historiography. Historiographic notes], HSE University, Moscow, Russia.
- Repina, L.P. (2013), "Memory of the past as a bone of contention, or once again about (inter) disciplinary approach", *Istoricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 24–32.

Информация об авторе

Зинаида П. Иноземцева, Центральный совет Российского общества историков и архивистов, Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; zinaida33@bk.ru

Information about the author

Zinaida P. Inozemtseva, Central Council of the Russian Society of Historians and Archivists, Moscow, Russia, bld. 82, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117393; zinaida33bk.ru

УДК 726

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-84-97

Документы архивов Москвы об истории создания архитектурного комплекса Марфо-Мариинской обители милосердия

Анна А. Слепцова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annsl@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассказывается о документах, посвященных архитектурно-художественному оформлению зданий Марфо-Мариинской обители милосердия и труда в годы настоятельства великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой. Поиск источников по истории создания архитектурного комплекса Обители значительно затруднен в связи с тем, что фонд Обители не сохранился как цельное собрание в архивах. В рамках работы по реконструкции историко-документального наследия Марфо-Мариинской обители автор делает попытку систематизировать документы, отражающие историю строительства и обустройства Обители на основе историографического анализа трудов, посвященных истории Обители, опубликованных и неопубликованных источников.

Автор отмечает, что в последние годы заметно возрос исследовательский интерес к истории Марфо-Мариинской обители и, в частности, к ее архитектурному ансамблю, что было вызвано торжественными событиями в честь столетия Обители в 2009 г. Однако в отечественной историографии в основном делается акцент на изучении архитектурно-художественного оформления храма Покрова Пресвятой Богородицы – выдающегося творения русского архитектора А.В. Щусева. Представленный обзор архивных документов дополняет уже известные сведения о всем комплексе зданий Марфо-Мариинской обители, дает представление об информационном потенциале московских архивохранилищ по представленной тематике.

Ключевые слова: Марфо-Мариинская обитель, историко-документальное наследие, реконструкция, архитектура

Для цитирования: Слепцова А.А. Документы архивов Москвы об истории создания архитектурного комплекса Марфо-Мариинской обители милосердия // История и архивы. 2021. № 2. С. 84–97. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-84-97

Documents of the Archives of Moscow on the history of the creation of the architectural complex of the Saints Martha and Mary Convent of Mercy

Anna A. Sleptsova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, anmsl@yandex.ru*

Abstract. The article describes the documents on the architectural and artistic design of the buildings of the Martha and Mary Convent of Mercy and Labor during the rule as prioress of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna Romanova. The search for sources on the creation history of the creation of the architectural complex of the Abode is significantly difficult due to the fact that the Abode fund did not survive as a whole collection in the archives. As part of the work on the reconstruction of the historical and documentary heritage of the Martha and Mary Convent, the author makes an attempt to systematize documents reflecting the history of the construction and arrangement of the Abode on the basis of a historiographic analysis of works devoted to the history of the Abode, published and unpublished sources.

The author notes that in recent years, research interest in the history of the Martha and Mary Convent, and, in particular, its architectural ensemble, has noticeably increased, which was caused by the solemn events in honor of the centenary of the Convent's foundation celebrated in 2009. However, Russian historiography mainly focuses on the study of the architectural and artistic design of the Church of the Intercession of the Most Holy Theotokos – an outstanding creation of the Russian architect A.V. Shchusev. The presented review of archival documents supplements the already known information about the entire complex of buildings of the Martha and Mary Convent and gives an idea of the information potential of the Moscow archives on the topic presented.

Keywords: Martha and Mary Convent, historical and documentary heritage, reconstruction, architecture

For citation: Sleptsova, A.A. (2021), “Documents of the Archives of Moscow on the history of the creation of the architectural complex of the Saints Martha and Mary Convent of Mercy”, *History and archives*, no. 2, pp. 84–97, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-84-97

В 2019 г. отмечалось 110-летие со дня основания духовного центра Москвы – Марфо-Мариинской обители милосердия. Елизавета Федоровна Романова (1864–1918), прославленная в лике преподобномучениц на Архиерейском соборе Русской православной церкви (1992 г.), создала Обитель как духовное, медицинское

и социальное учреждение. В архитектурно-художественном воплощении Марфо-Мариинской обители нашли свое отражение как традиционные формы русской культуры и искусства, так и новаторские архитектурные решения.

Несмотря на годы забвения, которые пережила Марфо-Мариинская обитель с момента закрытия в 1926 г. и до момента ее передачи РПЦ в 1992 г., дело великой княгини Елизаветы Федоровны продолжает жить и приносит свои плоды Церкви, а возрожденный архитектурный ансамбль Марфо-Мариинской обители представляет собой объект культурного наследия России федерального значения, без которого невозможно представить современный облик Большой Ордынки. Архитектурной доминантой Марфо-Мариинской обители является спроектированный выдающимся русским зодчим Алексеем Викторовичем Щусевым (1873–1949) храм Покрова пресвятой Богородицы – архитектурная жемчужина Замоскворечья.

Восстанавливать историю документального комплекса Обители приходится по крупицам в связи с тем, что архив Марфо-Мариинской обители не сохранился. В настоящий момент не установлено, существовал ли архив непосредственно в самой Марфо-Мариинской обители. В годы настоятельства великой княгини Елизаветы Федоровны в Обители велось текущее делопроизводство, существовала канцелярия, которой руководил личный секретарь великой княгини Владимир Владимирович фон Мекк (1877–1932). Однако не удалось выявить источники, подтверждающие, что полноценный архив был создан в период с момента создания Обители в 1909 г. и до ее закрытия в 1926 г. Не были обнаружены положение об архиве Обители, должностные инструкции заведующего архивом. Не значился архив среди структурных подразделений Обители и в сохранившихся отчетах¹ и уставных документах².

В 2008 г. в Марфо-Мариинской обители был создан музей, в котором экспонируются личные вещи и документы Елизаветы Федоровны, а также фотодокументы и ценные предметы, и документы, принадлежавшие Обители в период с 1909 по 1926 г. В нынешнее время в Обители продолжают работы по собиранию

¹ См., например: Отчет Марфо-Мариинской обители милосердия за 1912 г. М.: Синодальная типография, 1913; Отчет Марфо-Мариинской обители милосердия за 1913 г. М.: Синодальная типография, 1914; Отчет Марфо-Мариинской обители милосердия за 1914 г. М.: Синодальная типография, 1915.

² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 3. 1908 г. Д. 14. Л. 2–7 об.: Временный устав Марфо-Мариинской обители, 1908 г.; Устав Марфо-Мариинской обители Милосердия. М.: Синодальная типография, 1914.

и реконструкции ее историко-документального наследия³. Важнейшими составляющими этих работ являются выявление и систематизация комплекса документов, связанных с историей создания архитектурного комплекса Обители. В 2007 г. в связи с подготовкой к реставрации Обители мастерской историко-градостроительных исследований Управления по проектированию общественных зданий и сооружений было подготовлено историко-культурное обследование застройки ансамбля Марфо-Мариинской обители. Представленные мастерской копии чертежей и планов из архивов РГАНТД и Мосводоканала значительно помогли в процессе выявления документов.

История архитектурного ансамбля Марфо-Мариинской обители и, в частности, Покровского храма вызвала живой интерес у современников⁴, подробно изучалась отечественными историками, архитекторами и искусствоведами⁵. Среди исследований особо отметим монументальное издание «Марфо-Мариинская обитель милосердия. 1909–2009. К 100-летию создания Обители»⁶, подготовленное общими усилиями музейных и архивных сотрудников, искусствоведов и реставраторов. На основании архивных материа-

³ Слепцова А.А. Историко-документальное наследие Марфо-Мариинской обители (1909–1918): опыт реконструкции // Макарьевские чтения: материалы Четырнадцатой международной научно-практической конференции (24–26 октября 2019 г.) / Отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск, 2019. С. 203–208.

⁴ См., например: *Нестеров М.В.* Воспоминания. М.: Советский художник, 1989; *Тамонькин Н.Я.* Из истории создания Марфо-Мариинской обители // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 2002. Вып. 3; *Владимиров В.* Новое истинно художественное в русском церковном искусстве (Новый храм Марфо-Мариинской обители в Москве) // Душеполезное чтение. № 6. 1912; *Протоиерей Митрофан Сребрянский.* Мысли и чувства православной русской души при посещении Покровского храма Марфо-Мариинской Обители милосердия. М., 2012.

⁵ См., например: *Максимова Л.* Ансамбль Марфо-Мариинской обители в Замоскворечье // Строительство и архитектура Москвы. М., 1986; Марфо-Мариинская обитель милосердия и Реставрационный центр имени И.Э. Грабаря: Страницы истории: В 3 т. / Ред.-сост. А.А. Горматюк. Т. 1: Марфо-Мариинская обитель / А.А. Горматюк. М., 2012; *Жданова Д.В.* Марфо-Мариинская обитель в Москве: архитектурное и художественное воплощение идеи православного социального служения // Дом Бурганова: Пространство культуры. 2009. № 4. С. 117–145.

⁶ Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители / М.М. Горинов, Е.В. Иванова, А.М. Шарипов, С.С. Войтиков. М., 2009. 496 с.

лов авторы монографии воссоздали историю Обители, в том числе историю ее строительства. В частности, трудами создателей книги впервые были опубликованы рукописи из фонда № 2465 Всесоюзного научно-исследовательского института истории искусств АН СССР (Москва, 1944 – по наст. вр.) РГАЛИ одного из архитекторов Обители Александра Михайловича Нечаева (?–?), которые значительно дополняют сведения о работах по возведению Покровского храма. В издании также представлен обширный иллюстративный материал из фондов ГНИМА А.В. Щусева. Фотографии архитектора А.М. Нечаева и эскизные наброски А.В. Щусева отражают дух и облик Обители в годы строительства Покровского храма в 1908–1910 гг. Несмотря на то, что представленная тематика широко изучалась исследователями, сегодня в ходе поисковой архивной работы обнаруживаются документы, которые позволяют дополнить уже имеющиеся сведения об истории архитектурно-художественного оформления ансамбля Марфо-Мариинской обители.

Марфо-Мариинская обитель создана в 1909 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой. Елизавета Федоровна, жена погибшего в 1905 г. московского генерал-губернатора Сергея Александровича Романова, в память о супруге и от всецелого желания служить людям и Богу отрешилась от мирской жизни и 24 мая 1907 г. приобрела у потомственного почетного гражданина, купца 1-й гильдии Владимира Дмитриевича Бабурина усадьбу с четырьмя домами (современное обозначение домов: № 34, стр. 1; № 34, стр. 3; № 34, стр. 7; № 34, стр. 5) и садом в Якиманской части Москвы на улице Большая Ордынка⁷, где задумала организовать Обитель милосердия и труда.

Часть владений, приобретенных великой княгиней, в конце XIX – начале XX в. принадлежала купеческому старообрядческому роду Соловьевых. Согласно плану владения Ольги Яковлевны Соловьевой (1839–1904), вдовы купца 1-й гильдии Макара Васильевича Соловьева (1824–1886)⁸, на территории будущей Обители архитектором Василием Георгиевичем Сретенским (1860–1900) в 1890 г. было построено угловое двухэтажное здание (дом № 34, стр. 1)⁹ в стиле неоклассицизма, восточным фасадом выходящее

⁷ Цель моей жизни – окончательно устроить Обитель Милосердия: Духовная Великой княгини Елизаветы Федоровны / Публ. Г. Соминич // Источник. № 4. 1998. С. 41–47.

⁸ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297). Д. 6. Л. 6 а: 1890 г. Генплан владения вдовы московского 1-й гильдии купца О.Я. Соловьевой.

⁹ Там же. Л. 7: 1890 г. План и разрез стр. 1 по Генплану 1890 г.

на Большую Ордынку¹⁰. С момента основания Обители этот дом занимали аптека, амбулатория и склад, а в 1909 г. А.В. Щусевым был возведен третий этаж в классических формах по заказу великой княгини Елизаветы Федоровны, где разместились кельи сестер, работавших в амбулатории и в аптеке¹¹. Благодаря сохранившемуся при надстройке третьего этажа чертежу А.В. Щусева мы имеем представление о том, как выглядел главный фасад здания в начале XX в., таким же он сохранился и до наших дней.

В центре владения Соловьевых¹² располагалось кирпичное двухэтажное здание с эклектичными мотивами (дом № 34, стр. 7), возведенное в конце 1886 г. архитектором Борисом Викторовичем Фрейденбергом (1850–1925)¹³. При Елизавете Федоровне нижний этаж этого дома был отведен под воскресную школу, а второй этаж предназначался для проживания семьи настоятеля Обители Митрофана (с 1919 г. – Сергия) Сребрянского.

В середине XIX в. дом № 34, стр. 5 находился во владении надворной советницы Александры Михайловны Мартьяновой¹⁴; по ее заказу архитекторы Николай Ильич Козловский (1791–1878) и Василий Федорович Громовский (1799–1855) спроектировали и построили в 1850 г. дом в классическом стиле¹⁵. В дальнейшем этот дом принадлежал семье Соловьевых, при которых в 1886 г. был перестроен Б.В. Фрейденбергом с сохранением анфиладной

¹⁰ Там же. Л. 8: 1890 г. Фасад стр. 1 по Генплану 1890 г.

¹¹ Там же. Д. 15. Л. 6 а: 1911 г. Генплан владения великой княгини Елизаветы Федоровны; Л. 8: 1909 г. Дворовый южный фасад стр. 1 по Генплану 1909 г. Архитектор А.В. Щусев; Л. 7: 1909 г. Поэтажные планы и разрезы стр. 1 по Генплану 1909 г. Архитектор А.В. Щусев.

¹² В отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранились воспоминания внучки М.В. Соловьева, лингвиста Апполинии Соловьевой (1894–1986). В воспоминаниях о своем детстве А. Соловьева описывает быт в домах, которые впоследствии будут принадлежать Обители. См.: ОР ГБЛ. Ф. 709. К. 1. Д. 18. Л. 1.

¹³ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297). Д. 5. Л. 8 а: 1886 г. Генплан владения московского купца М.В. Соловьева; Л. 9: 1886 г. Планы, разрезы и фасад стр. 7 по Генплану 1886 г. Архитектор Б.В. Фрейденберг.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 1, 1 об.: 1850 г. Генплан владения надворной советницы А.М. Мартьяновой; 1850 г. Фасад стр. 5 по Генплану 1850 г.

¹⁵ Матошина Н.А. Из истории Обители: экскурсия по особняку Великой княгини Елисаветы Федоровны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/news/novosti-obiteli/iz-istorii-obiteli-ekskursiya-po-osobnyaku-velikoy-knyagini-elisavety-feodorovny.html> (дата обращения 10.06. 2020).

планировки¹⁶. Верхний этаж занимали комнаты великой княгини и ее молельня, в каменном полуподвале находилась канцелярия Обители, которой руководил фон Мекк¹⁷.

В еще одном здании середины XIX в., находящемся на территории Обители (дом № 34, стр. 3), Елизавета Федоровна решила организовать лазарет-убежище для раненых воинов Русско-японской войны 1904–1905 гг. и столовую. В середине XIX в. здание, построенное в 1853 г. в неоклассических формах, находилось во владении почетного гражданина Сергея Петровича Аникеева и его сестры Глафиры Петровны Кашеверовой¹⁸. В 1866–1867 гг. здание было достроено с юга¹⁹. В 1906 г. при новом владельце усадьбы В.Д. Бабурине в южной части здания архитектором Леонидом Васильевичем Стеженским (1868–1941) был пристроен зимний сад²⁰. В помещении зимнего сада великая княгиня решила устроить больничный храм в честь святых Марфы и Марии, который бы предназначался для призреваемых воинов на время строительства домового храма. 10 августа 1908 г. после получения разрешения на строительство Покровского храма великая княгиня обратилась к митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру (Богоявленскому) с просьбой благословить возведение в помещении лазарета иконостаса с алтарем по типу походных церквей, «дабы не лишать призреваемых, не имеющих возможности, по состоянию своего здоровья посещать приходской храм, удовлетворения духовных потребностей»²¹, на что было получено разрешение владыки²². Храм был спроектирован таким образом, чтобы воины, находивши-

¹⁶ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297). Д. 5. Л. 10: 1886 г. Планы, разрез и фасад стр. 5 по Генплану 1886 г. Архитектор Б.В. Фрейденберг.

¹⁷ Матошина Н.А. Указ. раб.

¹⁸ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297), Д. 3. Л. 1, 1 об.: 1853 г. Генплан владения личного почетного гражданина С.П. Аникеева и жены московского 3-й гильдии купца Г.П. Кашеверовой.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 1: 1866 г. Генплан владения московской купчихи Г.П. Кашеверовой.

²⁰ Там же. Д. 13. Л. 6 а: 1906 г. Генплан владения почетного гражданина, 1-й гильдии купца В.Д. Бабурина; Л. 8: 1906 г. План, разрез и фасад стр. 3 (Зимний сад) по Генплану 1906 г. Архитектор Л.В. Стеженский.

²¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 478. Д. 3. Л. 8; Великая княгиня Елизавета Федоровна: Документы и материалы, 1905–1918: В 2 т. Т. 1: 1905–1913. М., 2018. С. 330.

²² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 478. Д. 3. Л. 7; Великая княгиня Елизавета Федоровна... С. 330.

еся на лечении, могли наблюдать за ходом службы, лежа в палатах. Внутреннее убранство храма создавалось Елизаветой Федоровной совместно с В.В. фон Мекком, участником художественного объединения «Мир искусства»²³. В декоре храма присутствовали псевдорусские элементы.

В фонде Московского отдела народного образования ЦГАМО сохранился акт осмотра Марфо-Мариинской обители от 30 марта 1920 г. комиссией подсекции по охране памятников искусства и старины. Согласно этому документу, церковь святых Марфы и Марии при больнице Обители была освящена 9 сентября 1909 г. Чин освящения служил епископ Трифон (Туркестанов)²⁴.

Дополняют сведения архивных источников о храме святых Марфы и Марии опубликованные воспоминания участников создания Обители. Помощник А.В. Щусева архитектор и художник Н.Я. Тамонькин в своих воспоминаниях описал элементы убранства храма святых Марфы и Марии²⁵.

Отложившиеся в музее Марфо-Мариинской обители фотодокументы начала XX в.²⁶ позволяют получить полное представление об интерьере и экстерьере больничного храма, а также о других исторических постройках. К 100-летию создания Обители была совершена масштабная реставрация архитектурного комплекса. Историческую достоверность качества реставрации подтверждают запечатленные на фотодокументах виды Обители²⁷.

Согласно плану А.В. Щусева уже имеющиеся дома на территории Обители и новые постройки должны были стать единым архитектурным ансамблем. По проекту архитектора исторические дома на территории Обители соединялись между собой галереями. Лазарет соединялся переходом с соседним угловым двухэтажным зданием (дом № 34, стр. 1), построенным В. Г. Сретенским в 1890 г.

²³ *Гавлин М.Л.* Российские предприниматели и меценаты. М., 2009. С. 428.

²⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 11. Л. 94.

²⁵ «К стене, выходящей на улицу, приделан алтарь в виде квадрата, по обе его стороны находилось по одному окну... Нечто вроде трехстенной клетки, обтянутой голубым льняным полотном, такими же дверями царскими и боковыми, вместо местных икон находились пустые места» (цит. по: *Тамонькин Н.Я.* Из истории создания Марфо-Мариинской обители // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 2002. Вып. 3. С. 292–310).

²⁶ В настоящий момент формируется опись архива Обители, поэтому данные архивных шифров станут известны, когда работа над систематизацией архива будет окончена.

²⁷ См., например: *Котова Е.В., Кунин Ю.С., Котов В.И.* История и реконструкция Марфо-Мариинской обители // Вестник МГСУ. 2013. № 7. С. 17.

Марфо-Мариинская церковь соединялась галереей с домом великой княгини (дом 34, стр. 5).

Постепенно территория Обители увеличивалась. В 1908 г. Елизавета Федоровна расширила границы Обители, купив еще один участок в Старомонетном переулке, а в 1913 г. приобрела часть сада домовладельца Николая Николаевича Дружинина²⁸. На этих территориях развернулось строительство новых зданий Обители. В 1910 г. начинающий архитектор Дмитрий Михайлович Челищев²⁹ (1879–1964) построил в Старомонетном переулке пятиэтажный дом (№ 33), в котором впоследствии продавались квартиры для бедных женщин. В 1913–1914 гг. в западной части Обители также был сооружен одноэтажный каменный барак с неорусскими элементами для заразных больных³⁰, имя архитектора не установлено. В 1917 г. возведена часовня в неорусском стиле для отпевания усопших³¹. Вероятно, что автором проекта был сам А.В. Щусев, однако имя архитектора также пока не установлено.

В 1911 г. в северной части двора Обители Д.М. Челищевым было построено трехэтажное общежитие для сестер милосердия в неоклассических формах (дом № 34, стр. 2), которое соединилось галереей с угловым трехэтажным зданием (дом № 34, стр. 1)³². На первом этаже общежития размещался приют для девочек, на втором и третьем этажах жили сестры милосердия. Сохранились поэтажные планы и разрезы строения³³, а также чертеж фасада³⁴ по генеральному плану 1911 г.

По проекту А.В. Щусева территорию Обители в 1910-х гг. обнесли каменной оградой³⁵, вход в Обитель со стороны Большой

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 17796. Л. 4-6 об.: 26.10.1914. Описание владения Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны.

²⁹ Личное дело Д.М. Челищева времен его обучения в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве (10 августа 1904 г. – 10 февраля 1912 г.) хранится в РГАЛИ (Ф. 680: Училище живописи, ваяния и зодчества [Москва, 1832–1918]. Оп. 2. Д. 1916. Л. 1–9).

³⁰ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 182 (Якиманская часть, № 324/304). Д. 7. Л. 7: 1913 г. Генплан владения московского купца Н.Н. Дружинина.

³¹ Там же.

³² Там же. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297). Д. 16. Л. 7 а: 1909 г. Генплан владения великой княгини Елизаветы Федоровны.

³³ Там же. Л. 8: 1911 г. Поэтажные планы и разрезы стр. 2 по Генплану 1911 г. Архитектор Д.М. Челищев.

³⁴ Там же. Л. 9: 1911 г. Фасад стр. 2 по Генплану 1911 г. Архитектор Д.М. Челищев.

³⁵ ГНИМА им. А.В. Щусева. Р-1. № 11639: Проект ограды.

Ордынки имел два прохода. В 1910-х гг. возле ограды с юго-восточной стороны архитектором также была построена сторожка с часовней преподобного Серафима Саровского³⁶. Традиционно вход в монастырь определяла группа вертикальных доминант, состоящих из монастырского собора и надвратной колокольни с торжественными воротами. Скромный же вид Обители, словно притаившейся в глубине Большой Ордынки, контрастирует с привычной схемой расположения монастырского ансамбля в пространстве улицы [Жданова 2009, с. 122].

Композиционным и смысловым центром Обители стал домовый храм Покрова Пресвятой Богородицы. В августе 1907 г. проект будущей домовый церкви был завершен, а 8 мая 1908 г. А.В. Щусев представил проект в техническо-строительный комитет хозяйственного управления при Святейшем Синоде митрополиту Московскому Владимиру. К письму прилагался проект будущей домовый церкви с аудиторией³⁷. По данным клировых ведомостей за 1908 г., которые сохранились в ЦГА Москвы, в фонде № 2121 церковью Замоскворецкого сорока, главный Покровский храм Обители возводился по резолюции № 10952 от 23 августа 1908 г. митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского). Указом митрополита от 27 сентября 1908 г. настоятелем строящегося храма был назначен бывший протоиерей Гусарского Черниговского полка Митрофан Васильевич Сребрянский³⁸. Проект Покровского храма впервые был опубликован в Ежегоднике Общества архитекторов-художников в 1909 г.³⁹ и вызвал большой резонанс в обществе, на архитектурной выставке в Вене весной 1908 г. проект получил признание в кругу архитекторов и отмечен премией [Горматюк 2012, с. 33].

Для реализации своего замысла создать Обитель милосердия и труда великая княгиня пригласила талантливых мастеров своего времени. Елизавета Федоровна учредила комитет по строительству домового храма, который возглавил Николай Васильевич Глоба

³⁶ Там же. № 11641, 11642: Проект сторожки и часовни.

³⁷ Письмо опубликовано, но без указания архивного шифра, поэтому уточняем недостающие данные: ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 478. Д. 3. Л. 2; Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители. С. 150.

³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2121. Оп.1. Д. 1860. Л. 107–114.

³⁹ Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1909. Вып. 4. С. 131–140.

Храмовые эскизы см. также: Зодчий. 1910. № 6. С. 56, 161–178; Московский архитектурный мир. 1913. Вып. 2. С. 76–77; Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1913. Вып. 8. С. 207–218.

(1878–1887), директор и преподаватель Строгановского училища⁴⁰. В комитет вошел прославленный художник М.В. Нестеров, которому в 1907 г. великая княгиня предложила расписать Покровский храм. Елизавета Федоровна просила М.В. Нестерова «указать на архитектора, которому можно было бы такое дело поручить»⁴¹. По рекомендации художника для осуществления проекта по строительству Покровского храма Елизавета Федоровна пригласила перспективного в церковном зодчестве архитектора А.В. Щусева, который также вошел в строительный комитет. Великая княгиня описала М.В. Нестерову и А.В. Щусеву свою идею о создании уникального духовного центра, предоставив мастерам абсолютную свободу в ее воплощении. Строительные работы осуществлялись под руководством военного инженера Александра Николаевича Кардо-Сысоева (?–?)⁴². Ближайшими помощниками А.В. Щусева были архитекторы Вальтер Гропиус (1883–1969) и Александр Михайлович Нечаев (?–?)⁴³. По совету В.В. фон Мекка для выполнения резных белокаменных рельефов на фасадах храма был приглашен студент Строгановского училища Н.Я. Тамонькин [Максимова 1986, с. 30]. В 1914 г. росписи крипты⁴⁴ (нижнего храма-усыпальницы) в честь Собора архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных с приделом, посвященным Преподобному Серафиму Саровскому,

⁴⁰ *Нестеров М.В., Нестерова Н.М.* Помнить себя – помнить всех...: из воспоминаний о великой княгине Елизавете Федоровне. М., 2003. С. 14.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² *Рогачев А.В.* Московские зодчие второй половины XIX – начала XX в.: Биографический справочник. М., 1997. Ч. 1. С. 146.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2465. Оп. 1. Д. 835. Л. 10. и сл. См.: Из воспоминаний архитектора А.В. Нечаева о работе над Покровским собором // Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители. С. 164. В воспоминаниях А.М. Нечаева встречаются и характеристики личностей, с которыми он работал над проектом храма Покрова. Интересна характеристика А.В. Щусева, данная А.М. Нечаевым: «Отличительной чертой работы А.В., ставившей его впереди многих современников, было исключительное внимание, уделяемое им способу выполнения, всякая мелочь бывала им тщательно обдумана и много раз “нарисована” и переделана, пока он не находил удовлетворяющее его решение» (цит. по: Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители. С. 164).

⁴⁴ Крипта спроектирована А.В. Щусевым по образу катакомб вдоль Аппиевой дороги Рима – мест захоронений первых христиан. См.: Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители / М.М. Горинов, Е.В. Иванова, А.М. Шарипов, С.С. Войтиков. М., 2009. С. 385.

по совету М.В. Нестерова было поручено сделать художнику Павлу Дмитриевичу Корину (1892–1967), ученику М.В. Нестерова⁴⁵. Благодаря усилиям всех разработчиков проекта Покровского храма строительство завершилось в 1910 г. 8 апреля 1912 г. храм был освящен Митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским)⁴⁶.

Начало XX в. – время господства стиля модерн в русской архитектуре. При создании храма Покрова Пресвятой Богородицы А.В. Щусев творчески интерпретировал формы древнерусского церковного зодчества в стиле модерн⁴⁷. В своем архитектурном воплощении храм Покрова восходит к образам русских храмов Новгородской и Псковской земли XIV–XV вв., что выражается в асимметрии линий, криволинейном завершении фасадов, декорировании богатыми резными элементами белокаменных рельефов.

История Марфо-Мариинской обители свидетельствует о том, что замысел великой княгини Елизаветы Федоровны по созданию уникального центра милосердия нашел горячий отклик в сердцах москвичей. Сюда стекались все нуждающиеся в медицинской, социальной и духовной помощи, и сестры милосердия никому не отказывали. Архитектурный ансамбль Обители восхитил современников, вдохновлял поэтов и писателей, а Покровский храм, как символ победы жизни над смертью и памятник воинам Русско-японской войны 1904–1905 гг., увековечил память о героических подвигах русских солдат.

Таким образом, нами была сделана попытка реконструировать комплекс документов, связанных с историей архитектурно-художественного оформления Марфо-Мариинской обители милосердия в период ее создания и обустройства великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой. Документы по представленной тематике отложились в следующих архивах: РГАНТД, ЦГА Москвы

⁴⁵ «Усыпальница дала Корину возможность показать, что в нем таится. С большим декоративным чутьем он использовал щусевские архитектурные формы. Он красиво, живописно подчеркнул все, что было можно, и усыпальница превратилась в очень интересную деталь храма. Вел. Княгиня осталась очень довольна. Корина благодарил» (цит. по: *Нестеров М.В.* О пережитом: 1862–1917 гг.: Воспоминания. М., 2006. С. 470–471).

⁴⁶ *Инокния Мария (Артамкина), А. Евстратова.* Марфо-Мариинская московская женская обитель милосердия // Православная энциклопедия. Т. 44. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 259.

⁴⁷ Во многом этого удалось достичь благодаря новейшим технологиям, которые использовал А.В. Щусев. В частности, в конструкции сводов храма применен железобетон фирмы Ю. Гуна, что позволило воплотить в архитектурных формах тягучие линии модерна [Жданова 2009, с. 133].

и ГНИМА им. Щусева. Выявленные в РГАНТД генеральные планы владений Якиманской части⁴⁸, планы и поэтажные разрезы строений⁴⁹, чертежи фасадов⁵⁰ отражают историю расширения границ Обители и позволяют детально проследить историю каждого строения Обители с конца XIX в. по начало XX в. Информацию о размере владений, количестве построек и их техническом оснащении раскрывает Опись владения великой княгини Елизаветы Федоровны, сохранившаяся в ЦГА Москвы⁵¹. Письмо А.В. Щусева в техническо-строительный комитет хозяйственного управления при Святейшем Синоде⁵², переписка великой княгини с митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским)⁵³, а также клировые ведомости⁵⁴, отложившиеся в ЦГА Москвы дают представление о процессе согласования проектов храма Покрова Пресвятой Богородицы и храма свв. Марфы и Марии с органами церковной власти и управления. Представленные в фондах ГНИМА А.В. Щусева дореволюционные фотографии⁵⁵, проекты, чертежи и эскизы художников и архитекторов Обители наглядно иллюстрируют архитектурно-художественные решения по обустройству Обители⁵⁶.

В дальнейшем результаты представленной работы по реконструкции документального комплекса по истории архитектурно-художественного оформления Обители смогут войти в тематический межархивный путеводитель по истории документального наследия Марфо-Мариинской обители. При поддержке Переяславского женского Федоровского монастыря в рамках Первого конкурса научно-исследовательских проектов студентов, аспирантов и молодых ученых по изучению истории русских православных монастырей в настоящее время также ведутся методические разработки по созданию архива в Марфо-Мариинской обители.

⁴⁸ РГАНТД. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297), Д. 2–6, 13, 15–16; Ед. хр. 182 (Якиманская часть, № 324/304). Д. 7.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 172 (Якиманская часть, № 306–307/296–297), Д. 5–6, 13, 15–16.

⁵⁰ Там же. Д. 2–6, 15–16.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 17796. Л. 4–6 об.: 26.10.1914. Опись владения Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны.

⁵² Там же. Ф. 203. Оп. 478. Д. 3. Л. 2.

⁵³ Там же. Л. 8–7.

⁵⁴ Там же. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1860. Л. 107–114; Д. 1864. Л. 244 об.

⁵⁵ ГНИМА им. А.В. Щусева. НФ-ОФ-286/330; НФ-ОФ-286/327; НФ-ОФ-286/329.

⁵⁶ Там же. Р-1. № 11639; Р-1. № 11641, 11642; ОФ-5933/1; ОФ-5933/38; ОФ-4056/1; ОФ-4056/2.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Феодоровского женского монастыря г. Переславля-Залесского. № 02/20-НИП от 08.09.2020.

Acknowledgements

The article was supported by the Feodorovsky women's monastery in the city of Pereslavl-Zalessky. No. 02/20-NIP dated 09/08/2020.

Литература

- Жданова 2009 – Жданова Д.В. Марфо-Мариинская обитель в Москве: архитектурное и художественное воплощение идеи православного социального служения // Дом Бурганова: Пространство культуры. 2009. № 4. С. 117–145.
- Максимова 1986 – Максимова Л. Ансамбль Марфо-Мариинской обители в Замоскворечье // Строительство и архитектура Москвы. М., 1986. С. 30–32.
- Горматюк 2012 – Горматюк А.А. Марфо-Мариинская обитель. М., 2012. Т. 1. 144 с.

References

- Zhdanova, D.V. (2009), “Martha and Mary Convent in Moscow. An architectural and artistic embodiment of the idea of Orthodox social service”, *Dom Burganova: Prostranstvo kul'tury*, no. 4, pp. 117–145.
- Maksimova, L. (1986), “Ensemble of the Martha and Mary Convent in Zamoskvorechye”, in *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy* [Construction and architecture of Moscow], Moscow, Russia, pp. 30–32.
- Gormatiuk, A.A. (2012), *Marfo-Mariinskaya obitel'* [Martha and Mary Convent], vol. 1, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Слепцова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 141107, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; annsl@yandex.ru

Information about the author

Anna A. Sleptsova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 141107, Russia; annsl@yandex.ru

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-98-104

Бежавший от войны: О российском ученом-эмигранте Б.М. Сапире

Виктор И. Звавич

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
Москва, Россия, vzvavich@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена жизни, творчеству и документальному наследию известного за рубежом, но малоизвестного в России историка и архивиста Бориса Моисеевича Сапира. Б.М. Сапир прожил долгую жизнь (1902–1989 гг.), полную самых разных событий. Родившийся в 1902 г. в г. Лодзи, в принадлежавшем тогда России Царстве Польском в еврейской русскоязычной семье, Б.М. Сапир не всегда по своей воле оказывался в центре крупнейших политических событий и отчасти войн первой половины XX в. Уже в 1914 г. он вместе с родителями приехал в Москву. Сапир заинтересовался социал-демократическим движением и вступил в партию меньшевиков. Однако, не будучи врагом Советского государства, он в 1919 г. в возрасте 17 лет вступил в Красную Армию, демобилизовавшись только в 1921 г. Вскоре, однако, был арестован и до 1926 г. находился в заключении и ссылке. В 1926 г. ему удалось бежать в Германию (тогда Веймарскую республику). Там он стал активистом международного молодежного социал-демократического движения. С приходом в Германии к власти нацистов начались его длительные мытарства по разным странам. Это были Нидерланды, где он начал активно заниматься историей русского народничества и меньшевизма (эта тематика стала главной в его научной деятельности). Потом судьба забросила его на Кубу, где он стал изучать историю местной еврейской общины, затем – в США. Только после Второй мировой войны Сапиру удалось приехать в Нидерланды, где он наконец стал заниматься историей революционного движения в досоветской России. Там он обрел не только любимое занятие, но и семейное счастье. Свою реабилитацию ему пережить не удалось. Он скончался в 1989 г., а официально был реабилитирован в СССР только в 1991 г. Родные Бориса Моисеевича получили документы о его реабилитации в 1992 г.

Наиболее значительная часть документов Б.М. Сапира хранится в США, в Бахметьевском архиве (при Гарвардском университете). Копия научно-справочного аппарата к коллекции (фонду) Б.М. Сапира была оцифрована и стала доступной для пользователей Интернета. Однако подробное изучение документов Б.М. Сапира – дело будущего.

Ключевые слова: Б.М. Сапир, социал-демократы, меньшевики, Россия, революционное движение, Нидерланды, реабилитация, Бахметьевский архив

Для цитирования: Звавич В.И. Бежавший от войны: О российском ученом-эмигранте Б.М. Сапире // История и архивы. 2021. № 2. С. 98–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-98-104

Fleeing from the war. About the Russian emigrant-scientist B.M. Sapir

Viktor I. Zvavich

*The All-Russian Scientific and Research Institute
for Records and Archives Management,
Moscow, Russia, zvavich@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the life, work and documentary legacy of the well-known abroad, but little-known in Russia historian and archivist Boris Moiseevich Sapir. B.M. Sapir lived a long life (1902–1989), full of various events. Born in 1902 in the city of Lodz in the Kingdom of Poland (that then belonged to Russia) into a Jewish Russian-speaking family, B.M. Sapir did not always voluntarily find himself in the center of major political events and even wars of the first half of the 20th century. Already in 1914, he and his parents came to Moscow. There, Sapir became interested in the social democratic movement and joined the Menshevik Party. However, not being an enemy of the Soviet state, he joined the Red Army in 1919 at the age of 17, being demobilized only in 1921. Soon, however, B.M. Sapir was arrested, imprisoned and deported until 1926. In 1926, he managed to escape to Germany (then the Weimar Republic). There, he became an activist of the International Youth Social Democratic Movement. However, when the Nazis came to power in Germany, Sapir's long ordeal began in different countries. It was the Netherlands, where he began to actively study the history of Russian Populism and Menshevism (that topic became the main issue in his scientific work). Later his fate led him to Cuba, where he started researching the history of the local Jewish community, then – to the United States. It was only after the Second World War, and even then not immediately, that Sapir managed to come to the Netherlands, where he finally began to study the history of the revolutionary movement in pre-Soviet Russia. There he found not only his favorite occupation, but also his family happiness. B.M. Sapir did

not survive his rehabilitation. He died in 1989, and was officially rehabilitated in the USSR only in 1991. Boris Moiseevich's relatives received the relevant documents only in 1992. The most significant part of B.M. Sapir's documents is kept in the United States, in one of the Russian archives – the Bakhmetyev archives (at Harward University). A copy of the scientific reference apparatus for the collection (Fund) of B.M. Sapir was digitized and made available to Internet users. However, a detailed study of B.M. Sapir's documents is a matter for the future.

Keywords: B.M. Sapir, Social Democrats, Mensheviks, Russia, revolutionary movement, Netherlands, rehabilitation, Bakhmetyev archives

For citation: Zzavich, V.I. (2021), "Fleeing from the war. About the Russian emigrant-scientist B.M. Sapir", *History and Archives*, no. 2. pp. 98–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-98-104

Имя Бориса Моисеевича Сапира, наверное, мало о чем скажет большинству наших нынешних соотечественников. Оно, по нашим сведениям, не упоминается в литературе по зарубежной архивной росике и ее библиографии¹. Между тем это был в свое время сначала политик, потом – красноармеец, затем – снова политик, после этого – политический ссыльный и заключенный советского лагеря, далее – эмигрант, ученый-историк и политик социал-демократической направленности. Он – беженец от фашизма и фашистской агрессии, не перестававший быть ученым, обретший хорошую семью и интересную работу уже немолодой человек, скончавшийся в 1989 г., в 1991 г. посмертно реабилитированный в Советском Союзе, а в странах Запада известен больше как лидер российских меньшевиков.

Большинство документов Б.М. Сапира находится в Бахметьевском архиве (США) в коллекции его документов, представляющей собой в нашем понимании личный фонд². Некоторые его исторические труды хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (Нидерланды), в городе, в котором Сапир обосновался на несколько лет в 1930-е гг., а затем, будучи уже гражданином США, женившимся на гражданке Нидерландов,

¹ Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья. Вып. 1: Биобиблиографический словарь. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 398 с.; *Они же*. Исследователи Русского зарубежья. Вып. 2: Биобиблиографический словарь. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 463 с.

² Документы Бориса Сапира 1898–1992 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/eresources/archives/rbml/BAR_Sapir/main.html (дата обращения 27.07.2020).

пробыл более двух последних десятилетий своей жизни, работая в названном институте³.

Биография Б.М. Сапира была полна, казалось бы, бесконечными переездами и многими драматическими событиями. Он прожил 87 лет. Несмотря на эмиграцию, вся его жизнь была по существу связана с Россией, труды по истории которой составили основную часть его научного и литературного наследия.

Борис Моисеевич был уроженцем польского города Лодзи, находившегося в то время на территории составной части Российской империи – Царства Польского, нередко именовавшегося Привисленским краем. Родился он 24 февраля 1902 г. в буржуазной семье, члены которой говорили не на языке идиш или по-польски, а по-русски. Уже это определило интерес его именно к культуре и истории России. Но иврит и идиш Б.М. Сапир хорошо знал. В 1914 г. он поступил в Лодзинскую гимназию Витановского, однако проучился недолго. Его семья бежала от войны в том же 1914 г., когда в результате наступления немецких войск город был захвачен Германией. Это был первый побег его, тогда еще мальчика, от войны. В октябре 1914 г. семья Сапиров обосновалась в далекой от фронта Москве. Борис поступил в необычную для России гимназию, которая работала как гимназическое отделение Лазаревского института восточных языков. Однако прошло 5 лет, и его, уже юношу, снова настигла война – Гражданская война в России. В 1919 г. 17-летний Сапир вступил в партию меньшевиков, но не стал врагом советской власти, а, напротив, в ноябре того же года поступил на службу в Красную Армию, где прослужил до января 1921 г., когда война на большей части территории РСФСР закончилась.

Но и тут его настигли отголоски войны, проявившиеся в форме репрессий против членов «мелкобуржуазных партий» – меньшевиков, левых эсеров, анархистов и других, даже тех членов партий, которые ни в каких попытках контрреволюции не участвовали. Сапир был арестован и пробыл в лагерях, в том числе в соловецком, и в ссылках до 1926 г., когда он опять бежал, на сей раз за границу. Обосновавшись в Германии, Борис Моисеевич стал активным деятелем меньшевистской эмиграции и международного социал-демократического молодежного движения. Началась и его научная работа в области истории русского народничества и меньшевизма. Именно эта проблематика, являющаяся частью историографии российской истории, стала основной в работе Сапира как историка.

³ Народники – Борис Сапир: краткие сведения о нем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iisg.nl/collections/narodniki/sapir-ru.php> (дата обращения 10.04.2021).

Когда в 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты, Б.М. Сапир, еврей по национальности и социал-демократ по убеждениям, должен был покинуть эту страну. Уже в то время в нейтральных Нидерландах развернул свою деятельность Международный институт социальной истории, имевший филиал во Франции, в Париже. Сотрудником института и его филиала стал и Борис Моисеевич. Связь с этим научным учреждением и его архивом, работа в нем определили практически всю оставшуюся жизнь и деятельность ученого. Однако в этой работе вскоре наступил длительный перерыв.

Началась Вторая мировая война. В 1940 г. германская оккупация Нидерландов толкнула Сапира на дальнейшее движение на запад и открытие нового периода его профессиональной и политической жизни. В 1942 г. он попал на Кубу, где для него нашлась работа как для историка. Борис Моисеевичу помогла еврейская община Кубы, но в связи с этим ему пришлось переключиться на тематику, связанную с еврейской историей, в частности с изучением жизни и развития еврейской общины на Кубе, а потом и в США. Результатом этой деятельности стало несколько статей на идиш и на английском языке, а также труд о еврейской общине на Кубе и в Большом Нью-Йорке, изданный в 1948 г.

В Соединенные Штаты Америки Сапир прибыл в 1944 г. Поселившись в Нью-Йорке, он стал активным членом единственной уцелевшей группы российских меньшевиков-эмигрантов. Ее членами и руководителями были такие ветераны партии, как Федор и Лидия Дан, Рафаил Абрамович, Григорий Аронсон, Борис Николаевский и другие. Борис Моисеевич включился в работу по продолжению публикации «Социалистического вестника», издававшегося до 1965 г., а также в дискуссии о настоящем и будущем России. В конце 1940-х гг. среди российских эмигрантов-меньшевиков возникла дискуссия по вопросу о возможности политического сотрудничества с россиянами, выступавшими на стороне Германии против Советского Союза во время Второй мировой войны.

Позиция Сапира, как и целого ряда других меньшевиков, была по этой проблеме сугубо отрицательной, в отличие от взглядов некоторых других членов группы. В 1948 г. Сапир получил американское гражданство. В том же году он женился на нидерландской гражданке Берти Уиллкс-Макдональд. Брак оказался счастливым, в семье Сапиров было двое детей – Лео-Александр (род. в 1949 г.), и Анна-Брехта (род. в 1952 г.).

Вернувшись в Нидерланды, Борис Моисеевич возобновил работу над историческими исследованиями в качестве директора Исследовательского отдела Комитета по развитию Американской еврейской организации «Джойнт» («Объединение»). Но, главное,

он возобновил свою деятельность как один из инициаторов Меж-университетского проекта по изучению истории движения российских меньшевиков.

В 1967 г. Сапир вышел из Комитета по развитию организации «Джойнт» и вернулся со своей семьей в Амстердам. Это привело его к окончательному возврату к тематике исследований, связанной с историей России и ее революционного движения, т. е. к возобновлению работы, которой занимался за четверть века до этого. В 1974 г. он стал членом авторского коллектива изданного в Чикаго и Лондоне труда по истории меньшевиков со времени Октябрьской революции 1917 г. до Второй мировой войны, сформулировав раздел с выводами и размышлениями по истории меньшевизма. Последние годы своей жизни он посвятил Международному институту социальной истории, собирая и издавая архивные материалы, консультируя преподавателей и студентов; опубликовал несколько важных трудов по истории российского народничества и социализма. Это были: «Вперед». 1873–1877. Материалы из архива Валерьяна Николаевича Смирнова в двух томах». Дордрехт, 1970; «Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах». Дордрехт, 1974; «Федор Ильич Дан: письма. 1899–1946». Амстердам, 1985 и «Из архива Л.О. Дан». Амстердам, 1987. Сапир стал автором и многих эссе, рецензий на книги и предисловий к другим книгам.

Его профессиональная, главным образом библиографическая и историческая исследовательская деятельность охватила, таким образом, более 70 лет (1926–1989 гг.) и включила материалы, написанные не только на русском и английском языках, но и на идиш, нидерландском языке и иврите. В 1985 г. он удостоился степени почетного доктора Амстердамского университета. Незадолго до своей смерти, последовавшей 11 декабря 1989 г., Сапир составил введение к коллекции писем и сочинений меньшевистского лидера Л. Мартова. Он работал и над историей «Социалистического вестника», включавшей раскрытие многочисленных псевдонимов, использованных его авторами. Этот указатель был опубликован посмертно в 1992 г.

6 декабря 1991 г. в СССР было официально признано, что аресты Сапира и осуждения его в 1921–1925 гг. были незаконными, и он был реабилитирован в числе многих других бывших политзаключенных. Семье Сапира, проживавшей на Западе, было сообщено об этом уже в 1992 г. Соответствующие документы, список припи-

⁴ Лавров: годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил примечаниями и вступительным очерком Б. Сапир [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=9_ZtMR8m2fsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения 27.07.2020).

сывавшихся ему «преступлений» и связанных с ними «наказаний» может, кстати, служить источником по истории российского меньшевизма и его полного разгрома властью большевиков, а затем крушения этой власти на рубеже 1991–1992 гг.

Документы Б.М. Сапира, как уже говорилось выше, хранятся главным образом в США, в Бахметьевском архиве⁵. Это и рукописи его трудов, и обширная переписка с эмигрантами-меньшевиками и другими лицами, а также ряд иных документов. Другие источники о его жизни и деятельности хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (Нидерланды)⁶. Сведения о нем можно найти в кратком историко-биографическом очерке к коллекции (по существу, в исторической справке к фонду) Сапира в Бахметьевском архиве, а также (в весьма кратком виде) на некоторых сайтах Интернета. Жизнь и деятельность этого ученого и политического деятеля еще ждет своих исследователей.

Информация об авторе

Виктор И. Звавич, кандидат исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; vzvavich@mail.ru

Information about the author

Victor I. Zvavich, Cand. of Sci. (History), The All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (VNIIDAD), Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117393; vzvavich@mail.ru

⁵ Там же.

⁶ International Institute of Social History: Sapir Boris Moiseevic. URL: <https://iisg.amsterdam/en/search?search=sapir> (дата обращения 27.07.2020).

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-105-113

Организация работы Тверского губернского архивного бюро с документами военных организаций, эвакуированными в Тверь в 1914–1917 гг.

Ольга Г. Леонтьева

*Тверской государственный университет,
Тверь, Россия, Leonteva.OG@tversu.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты деятельности Тверского губернского архивного бюро (губархбюро) в 1919–1923 гг. по выявлению и организации документов воинских подразделений и военных организаций, эвакуированных в г. Тверь в 1914–1917 гг. в связи с военными действиями на территории Российской империи. Революционные события 1917 г. не позволили своевременно транспортировать документный комплекс в Петроград, документы остались в Твери, Бежецке и Ржеве в несистематизированном и неопisanном виде, без обеспечения удовлетворительных условий их хранения. В статье охарактеризованы действия Тверского губархбюро по розыску документов и организации приема их на государственное хранение. В процессе исследования был проанализирован состав сложившегося документного комплекса: помимо документов военных организаций с территорий, оставленных русской армией, были эвакуированы документы гражданских организаций Российской империи, функционировавших на территории современных Белоруссии, Литвы и Польши. Документы условно были объединены в комплекс по территориальному признаку как документы организаций, действовавших в Ковенской и Виленской губерниях.

В статье также предпринята попытка проследить судьбу документов, поступивших на государственное хранение. В 1921 г. часть фондов учреждений бывшей Российской империи, действовавших на территории Ковенской губернии, была передана литовскому правительству. Этот комплекс состоял из документов гражданских организаций, документы воинских

подразделений и военных организаций оставались в тверских архивохранилищах до 1926 г.

Ключевые слова: архивы, архивные документы, Тверское губернское архивное бюро, документы военных организаций, Первая мировая война, документы Российской империи

Для цитирования: Леонтьева О.Г. Организация работы Тверского губернского архивного бюро с документами военных организаций, эвакуированными в Тверь в 1914–1917 гг. // История и архивы». 2021. № 2. С. 105–113. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-105-113

Organization of work of the Tver Provincial Archive Bureau with the documents of the military organizations evacuated to Tver in 1914–1917

Olga G. Leontieva

*Tver State University, Tver, Russia,
Leonteva.OG@tversu.ru*

Abstract. The article considers what the Tver Provincial Archive Bureau (gubarkhbyuro) did in 1919–1923 to identify and organize the documents of the military units and military organizations evacuated to Tver in 1914–1917 in connection with the military operations on the territory of the Russian Empire. The revolutionary events of 1917 prevented the timely transportation of the document complex to Petrograd; so the documents remained in Tver, Bezhetsk and Rzhev in an unsystematic form and undescribed form, without being provided with the satisfactory storage conditions. The article describes the actions of the Tver gubarkhbyuro to search for the documents and organize their acceptance for state storage. In the research process, the composition of the existing document complex was analyzed: in addition to the documents of the military organizations from the territories left by the Russian army, the documents of the Russian Empire civil organizations that operated on the territory of modern Belarus, Lithuania and Poland were evacuated. The documents were provisionally combined into a complex on the territorial principle as the documents of the organizations operating in the Kovno and Vilna provinces.

The article also attempts to trace the fate of the documents received for state storage. In 1921, part of the funds of the institutions of the former Russian Empire operating on the territory of the Kovno Province was transferred to the Lithuanian Government. That complex consisted of the documents of civil organizations, whereas the documents of military units and military organizations remained in the archives of Tver until 1926.

Keywords: archives, archival documents, Tver Provincial Archive Bureau, documents of military organizations, World War I, documents of the Russian Empire

For citation: Leontieva, O.G. (2021), "Organization of work of the Tver Provincial Archive Bureau with the documents of the military organizations evacuated to Tver in 1914–1917", *History and Archives*, no. 2, pp. 105–113, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-105-113

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. по территории Российской империи вместе с воинскими подразделениями перемещались и документы, созданные этими подразделениями. В 1914–1917 гг. в Тверь попали документы некоторых воинских частей и военных организаций, которые остались в городе и после Октябрьских событий 1917 г. Таким образом, в Твери сложился комплекс документов, эвакуированных с территории современных Литвы и Польши при изменении линии фронта и отступлении российских войск. Комплекс включал документы более чем 50 организаций и учреждений. Помимо документов воинских частей и военных организаций в Тверь были эвакуированы документы гражданских учреждений Российской империи из Виленской и Ковенской губерний. В течение нескольких лет документы были не востребованы, а их местонахождение неизвестно.

В сентябре 1919 г. в Тверской губернии было создано губернское архивное бюро (губархбюро, губархив), которое приступило к сбору документов и созданию единого губернского архивного фонда¹. Вопрос о розыске документов армейских подразделений Российской империи возник несколько раньше. В августе 1919 г. на запрос Главного управления архивным делом (Главархив) исполняющий обязанности уполномоченного Главархива по Тверской области И.А. Виноградов сообщил, что в отделе утилизации Тверского уездного военкомата были найдены документы воинских подразделений. При обследовании были обнаружены дела 68-го Бородинского полка, 67-го Тарутинского полка (1914–1916 гг.) и 9-го пехотного Первой Московской дивизии полка (1918 г.) в количестве 10–20 связок. Кроме того, 10 запечатанных ящиков с военно-историческими материалами за 1914–1918 гг.² были обнаружены на вещевом складе военкомата. Место поступления документов установить не удалось.

¹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

² ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–9 об.

В сентябре 1919 г. вновь назначенный уполномоченным Главархива РСФСР в Тверской области В.П. Олисов организовал прием части документов военных фронтовых учреждений в губернский архив. По акту из вещевого склада губернского военкомата было передано в губархив 13 ящиков с документами и несколько книг. При приеме документов было отмечено, что печати сорваны, ящики разломаны, документы перепутаны. На дальнейшее хранение документы были направлены в Путевой дворец (г. Тверь), здание которого было передано под нужды советских учреждений. На складе оставалось свыше 100 ящиков с документами, для вывоза которых потребовалось бы не менее 10 подвод и 10–15 человек³. Документы хранились в неразобранном и неописанном виде.

В губернский архив были приняты документы 10 организаций, эвакуированные в Тверь в 1917 г. Это документы управления Ковенской крепостной артиллерии, Первого конно-артиллерийского дивизиона, батареи конной артиллерии генерала Ермолова, корпусного коменданта 19-го армейского корпуса, управления интенданта 19-го армейского корпуса, штаба 19-го армейского корпуса, 68-го Бородинского полка, Первого осадного инженерного парка, Ломжинской крепостной артиллерии, Восьмого гренадерского московского полка.

Судя по продолжавшейся переписке губархбюро с губерnskим военкоматом, документы были приняты на хранение не в полном объеме. 17 октября В.П. Олисов отправил письмо⁴ с просьбой сообщить дополнительную информацию о документах Восьмого гренадерского московского полка, в котором он служил достаточно долгое время старшим писарем [Сорина 2000, с. 122] и, несомненно, знал о состоянии делопроизводства полка перед эвакуацией документов в Тверь. К сожалению, ясного ответа В.П. Олисов не получил, о чем свидетельствует карандашная пометка о возможной отправке документов в Москву.

В это же время по запросу Главархива РСФСР тверское губархбюро провело розыск места хранения документов воинских подразделений Северного фронта. С этой целью были обследованы фонды бывшего Тверского юнкерского кавалерийского училища, тверских губернского и уездного военных комиссариатов, губернского и уездного по воинской повинности присутствий⁵. Поиск не дал результатов.

В ноябре 1919 г. губархив вернулся к вопросу о документах, оставленных на вещевом складе Тверского губернского военкомата,

³ Там же. Л. 11–12, 16–17.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 9–9 об.

и попросил сообщить объемы оставленных документов. К сожалению, точное количество ящиков в ответе начальника склада указано не было; но в январе 1920 г. начальник склада сообщил, что документы собраны в одном месте и готовы к передаче в губархив⁶.

Несмотря на заявление тверского военкомата о возможности передать документы и отчет архивиста А.И. Шапулина от 29 января 1920 г. о готовности принять эти документы⁷, передача документов состоялась только в марте 1920 г. Документы были перевезены в здание Путевого дворца на 17 подводах. Количество поступивших дел не было известно, поскольку документы были не разобраны. В результате привезли 50 ящиков документов и 10 подвод дел без упаковки. Установили, что документы были эвакуированы из Ковенской крепости. Документы были разгружены в коридорах Путевого дворца и «сброшены без порядка»⁸. Требовалось описать документы, составить описи дел, но людей не хватало.

В декабре 1920 г. из мобилизационного отдела губернского военкомата поступило сообщение о находившихся на хранении двух пудах военно-топографических карт. Документы были приняты на хранение в тверские хранилища в апреле 1921 г.⁹

Благодаря усилиям, предпринятым тверским губархбюро по розыску бесхозных дел, в феврале 1921 г. стало известно, что в тверском транспортном отделе, в сарае обнаружены документы, сваленные в груду. Полностью принадлежность дел определить не удалось, но несколько учреждений все же было выявлено. Это были учреждения Российской империи, функционировавшие в Виленской и Ковенской губерниях¹⁰. Комплекс документов был эвакуирован из г. Вильна во время военных действий 1914–1917 гг.

Первоначально речь шла о делах 23 учреждений весом 900 пудов, но при приеме документов в хранилища губархива и их частичном разборе оказалось, что весь комплекс включает документы 59 военных и гражданских организаций общим весом 1000 пудов¹¹.

В отдельную группу были выделены документы 13 воинских подразделений: 28-й пехотной дивизии, 112-го пехотного Уральского полка, 120-го Серпуховского пехотного полка, 97-го пехотного Лифляндского полка, 98, 102, 105 и 106-го пехотных полков, 5-й стрелковой бригады, 101-го Пермского полка 26-й пехотной

⁶ Там же. Л. 27–28, 52.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же. Л. 144.

⁹ Там же. Л. 197.

¹⁰ Там же. Л. 254–255.

¹¹ Там же. Л. 253.

дивизии, 2-го саперного батальона, Бобруйского артиллерийского склада, 3-го железнодорожного батальона¹².

Среди документов гражданских учреждений Российской империи были выявлены документы судов, больниц, землеустроительных и финансовых организаций, функционировавших в Виленской и Ковенской губерниях. Например, дела Виленской контрольной палаты, Виленского уездного суда, станowych приставов Виленского уезда, Дисненской городской больницы, Ковенского чертежного отделения, Литовского епархиального учительского совета, Шавельского уездного попечителя о детских приютах и др. Среди документов были документы и военных учреждений – Ковенской крепостной жандармской команды, Гродненской крепостной воздухоплавательной роты¹³.

Заведующий тверским губархбюро В.П. Олисов 28 апреля 1921 г. направляет в Главархив письмо¹⁴ с информацией о комплексе дел, образовавшемся в результате эвакуации документов в Тверь во время войны. Часть этого комплекса составляют документы царской России, действовавшие на территориях, вошедших в состав вновь созданного Литовского государства. Не получив ответа из Главархива, В.П. Олисов направляет следующее письмо, в котором ставит вопрос о возможности передачи документов в Литву. Уже 18 мая 1921 г. в тверское губархбюро приходит телеграмма, подписанная В.В. Адоратским, о передаче документов литовскому правительству в кратчайшие сроки¹⁵.

При подготовке документов к передаче литовскому правительству документы были частично упорядочены. Передача документов на основании решения комиссии по мирному договору между Литвой и Россией состоялась 7 июля 1921 г.¹⁶ На передаче документов присутствовали с литовской стороны О. Кошкинас и К. Пекелис, со стороны тверского губисполкома – Б.Ф. Гофман и Л.М. Афонский. К сожалению, должности действующих лиц не были указаны в акте приема-передачи документов литовской стороне. Всего было передано 143 ящика, 84 тюка в мешках документов весом 1442 пуда 20 фунтов. Были переданы документы более 30 учреждений:

- Ковенской губ. Землеустроительной комиссии;
- Ковенской, Роснонской, Шавельской, Поневежской, Новоалександровской, Тельшевской, Вильномирской уездных землеустроительных комиссий;

¹² Там же. Д. 27. Л. 33 об.

¹³ Там же. Л. 33–33 об.

¹⁴ Там же. Д. 3. Л. 255.

¹⁵ Там же. Л. 258.

¹⁶ Там же. Л. 304.

- реквизиционных комиссий Ковенской губернии;
- Веленской контрольной палаты и подведомственных учреждений;
- Шавельского уездного предводителя дворянства;
- Шавельской дворянской опеки;
- Шавельского уездного по воинским делам присутствия;
- Шавельского уездного комитета попечительства о народной трезвости;
- Шавельского уездного комитета общественного призрения;
- Шавельского уездного попечительства детских приютов;
- Шавельского уездного временного комитета по устройству мест заключения;
- агропромышленного отдела Ковенской губ. землеустроительной комиссии.

Кроме вышеуказанных документов представителю литовского правительства из г. Бежецка Тверской губернии переданы дела и книги волостных правлений и земских начальников Новоалександровского и Тельшевского уездов Ковенской губернии.

В 1923 г. выявлены и перевезены в Тверь документы воинских подразделений времен Первой мировой войны из Ржева и Бежецка. В Ржеве речь шла о документах воинских учреждений, реформированных в 1918 г.¹⁷ На хранение в Тверь было передано около 3000 дел.

Можно предположить, что к 1923 г. завершился период выявления документов и сбора их «под одной крышей». Теперь перед губархбюро стояла задача описания и учета этих документов. По данным отчетов Тверского губархбюро, к апрелю 1923 г. на хранении в Твери оставались документы 19 воинских подразделений времен Первой мировой войны за 1914–1917 гг. объемом 20 000 дел, в том числе документы управления Ковенской крепостной артиллерии, Первого конно-артиллерийского дивизиона, штаба 19-го армейского корпуса и пр.¹⁸

Кроме того, на хранении в Твери оставались документы ряда гражданских организаций периода Российской империи, действовавших на территории Виленской и Ковенской губерний. Например, документы Виленской контрольной палаты за 1910–1917 гг. объемом 15 000 дел¹⁹. Большинство документов измерялось пудами.

¹⁷ Там же. Д. 49. Л. 21.

¹⁸ Там же. Л. 21–22.

¹⁹ Там же.

Среди этого комплекса документов указаны и документы начальника дорожных армий Северного фронта за 1917–1919 гг. объемом 5000 дел²⁰, которые не были обнаружены в 1919 г.

Сохранились сведения, что в ноябре 1923 г. разобрано 515 дел и 1055 книг военных учреждений дореволюционной России: штаб и комендант 19-го армейского корпуса, управление Ковенской крепостной артиллерии пр. Если сравнивать с пудами, о которых шла речь при приеме документов, то невольно возникает вопрос о соответствии принятых и упорядоченных дел. Актов о выделении к уничтожению документов этой тематической группы не было обнаружено.

Основная работа по описанию документов приходится на 1924–1925 гг. Следует отметить, что к этому времени к комплексу военных учреждений и частей Первой мировой войны добавляются документы частей Красной армии [Леонтьева 2017, с. 79–81].

К сожалению, проследить судьбу документов первоначального комплекса документов пока не удалось. Остались лишь отрывочные сведения. Например, в 1924 г. документы Управления Ковенской крепостной артиллерии и Первого авиапарка были приняты для учета и описания, но сведений об объеме документов и их внесении в учетную карточку не имеется. Можно предположить, что документы были все-таки выделены к уничтожению или погибли при переезде губархива из здания Путевого дворца в другие помещения. Возможно, документы поступили в Московское областное архивное управление (МОАУ) в 1931–1934 гг. из Калининского отделения МОАУ как непрофильные.

Литература

- Леонтьева 2017 – Леонтьева О.Г. Архивы Тверской губернии в 1919–1929 гг.: формирование губернской архивной модели // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 4. С. 72–82. (Серия: История.)
- Сорина 2000 – Сорина Л.М. Первый руководитель архивной службы Тверской области – Вениамин Павлович Олисов // К истокам: Архивные сюжеты: сборник статей. Тверь: Лилия-Принт, 2000. С. 121–131.

References

- Leontieva, O.G. (2017), “Archives of the Tver Province in 1919–1929. Formation of the Provincial archival Model”, in *Vestnik Tverskogo gosydarstvennogo universiteta. Serija Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History], no. 4, pp. 72–82.

²⁰ Там же. Л. 22.

Sorina, L.M. (2000), “The first head of the archive service of the Tver region – Veniamin Pavlovich Olisov”, in *K istokam. Archivnye sjuzhety: sbornik statei* [On the sources. Archive stories. A collection of articles], Liliya-Print, Tver, Russia, pp. 121–131.

Информация об авторе

Ольга Г. Леонтьева, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; Leonteva.OG@tversu.ru

Information about the author

Olga G. Leontieva, Cand. of Sci. (History), Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zheljabova St., Tver, Russia, 170100; Leonteva.OG@tversu.ru

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой

Ольга С. Суржик

*Московский областной архивный центр,
Москва, Россия, olga-surzik@yandex.ru*

Аннотация. В статье отражено осмысление К.П. Победоносцевым событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он подметил духовное разделение общества в условиях вызовов военного времени. В основе его лежала христианская совесть личности либо ее духовная пассивность. Война 1877–1878 гг. разделила русское общество на искренних деятелей, готовых пожертвовать своей жизнью, имуществом, временем, формальной репутацией ради веры, царя, отечества, страждущих ближних, и на тех, кто предпочел облечься в своекорыстие и скепсис, прикрывшись равнодушием и инструкциями. Чем больше формализации в деятельности должностного лица, тем более вреда и менее эффективности. Фаворитизму и воровству подобный порядок не вредил. Чем меньше работы за совесть, ради любви к ближнему и исполнения своего долга перед Богом, тем больше необходимость в страхе перед наказанием. С другой стороны, чем более деятельность должностного лица формализована, тем больше страх ответственности при проявлении инициативы. В общественной деятельности военного времени мыслитель также видел разделение на скромных подвижников и шумных демонстративных личностей, которые, действуя напоказ, больше вредили делу. С другой стороны, по мнению К.П. Победоносцева, война пробудила многие спавшие в народной среде силы.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, Е.Ф. Тютчева, Русско-турецкая война, Красный Крест, благотворительность

Для цитирования: Суржик О.С. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой // История и архивы. 2021. № 2. С. 114–125. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

The Russian-Turkish war of 1877–1878 in the letters of K.P. Pobedonostsev to E.F. Tyutcheva

Olga S. Surzhik

*Moscow Regional Archive Center, Moscow, Russia,
olga-surzhik@yandex.ru*

Annotation. The article reflects K.P. Pobedonostsev's understanding of the events of the Russian-Turkish war of 1877–1878. He noticed the spiritual division of the society in the face of wartime challenges. It was based on the Christian conscience of the individual, or its spiritual passivity. The war of 1877–1878 divided the Russian society into sincere figures who were ready to sacrifice their lives, property, time, and formal reputation for the sake of faith, the Tsar, the Fatherland, the suffering neighbors, and into those who preferred to put on self-interest and skepticism, and hide behind indifference and instructions. The more formalized an official's activities are, the more harmful and less effective they are. Favoritism and theft were not harmed by this order. The less work you do for your conscience, for the sake of loving your neighbor and fulfilling your duty to God, the greater the need for fear of punishment. On the other hand, the more formalized an official's activities are, the greater the fear of responsibility when taking the initiative. In the social activities of wartime, the thinker also saw a division into modest ascetics and noisy demonstrative personalities, who, acting for show, were more harmful to the cause. On the other hand, according to K.P. Pobedonostsev, the war had awakened many forces that were sleeping in the people's environment.

Keywords: K.P. Pobedonostsev, E.F. Tyutcheva, Russian-Turkish war, Red Cross, charity

For citation: Surzhik, O.S. (2021), "Russian-Turkish war of 1877–1878 in the letters of K.P. Pobedonostsev to the E.F. Tyutcheva", *History and Archives*, no. 2, pp. 114–125, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-114-125

Константин Петрович Победоносцев вошел в историю как обер-прокурор Святейшего Синода, государственный и церковный деятель, правовед, наставник и советник двух последних самодержцев, распространитель церковно-приходского просвещения, защитник православной веры, церковности, самодержавной монархии, ученый и благотворитель. Как человек осведомленный, деятельный и неравнодушный, он остро реагировал на события современности [Суржик 2012, с. 33–236]. Переписка с Е.Ф. Тютчевой с 1866 по 1882 г., из которой опубликована лишь незначительная часть, представляет собой интереснейший источник. Письма, как правило,

передавались нарочным, поскольку корреспонденция Победоносцева подвергались перлюстрации, выписки из нее сохранились в фондах ГА РФ. При отсутствии угрозы попадания писем в чужие руки Победоносцев повествовал о событиях и их осмыслении очень подробно и откровенно. Эпистолярные источники 1876–1878 гг. отражают события надвигавшейся и идущей Русско-турецкой войны.

Осенью 1876 г. Победоносцев отмечал разногласия и разрозненность в русской среде в Сербии, в то время как англичане устраивали там свои военные и санитарные отряды. Его огорчали дряблость воли, осуждение искреннего патриотизма в высшем обществе:

Сколько видишь людей, относящихся ко всему делу с какою-то иронией, с каким-то злорадством скептической мысли, неверующей в дело, которое пущено в ход. А затем еще – сколько равнодушных сибаритов так называемой цивилизации, которые презрительно смотрят на все народное движение, и ничего не делая сами, все и всех осуждают¹.

Осудить легче, чем сделать. Этим осуждающий отгораживается от проблемы, уклоняется от ответственности. Тогда деятельность человека совестливого, трудолюбивого и ответственного, привыкшего думать не столько о своей выгоде, сколько о деле, становится невыносимой. Поэтому Победоносцев жаловался, что изнемогает от «многообразных трудов» и «нравственной ноши» ввиду отсутствия разделения труда. Умеющий делать что-либо, делает все. «Какие только дела на меня не сваливаются нежданно-негаданно. А иной раз и сам берешь, потому что душа не терпит»².

В тревожном предчувствии войны Константин Петрович писал: «Помилуй нас и управи нас, Боже! Пошли нам, Боже, то единство духа, мысли и решения, которого недостает у нас»³. Через четыре дня после объявления войны, 16 апреля, Победоносцев отмечал подъем патриотизма в «московской» и народной среде и «кислое» насмешливое равнодушие правящей верхушки: «Кончилось недоумение – война объявлена, война загорелась. Совершилось нечто священное и торжественное, но душа не покойна»⁴.

Сведения с театра военных действий были скудны и доходили медленно. Нередко источником информации для Победоносцева служили английские газеты, журналистка О.А. Новикова периодически присылала «новости из Англии», в том числе брошюру

¹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 11. Л. 39–39 об.

² Там же. Л. 49–49 об.

³ Там же. Д. 12. Л. 15 об.

⁴ Там же. Л. 16.

Мак-Ивера, которую Константин Петрович опубликовал⁵. В июле 1877 г. он писал об отсутствии верных сведений с фронта и о дурных слухах из Болгарии – «турки бьют нас». Он признавался, что «со времени Крымской Кампании... не испытывал такого волнения и стеснения духа»⁶.

В начале июня 1877 г. мыслитель в письмах к Тютчевой критиковал не только и не столько западных «друзей», сколько прозападные либерально настроенные силы и индифферентную массу высшего общества, которая примыкала к противникам власти при военных неудачах. «Вокруг слышно такое шипение врагов наших, столько затаенной злобы, столько ненависти противу всего русского, столько крупного и мелкого своекорыстия. И чувствуешь, что стоит нам пошатнуться, как все это на нас бросится»⁷. При этом находилось немало британцев, сочувствовавших славянам, осуждающих лицемерную политику своего правительства, равнодушие ко злу и невинному страданию. Победоносцев в сентябре 1876 г. сообщал своей корреспондентке об англичанине, приехавшем в Россию «прямо с большого славянского митинга» и привезшем брошюру «очень горячо и благородно написанную маститым ветераном британской политики» Уильямом Гладстоном. Автор уполномочил своего соотечественника издать ее в русском переводе и «продавать в пользу славян». Помощь в издании изъявили желание оказать Т.И. Филиппов и Славянский комитет. «Разумеется, для ускорения работы значительная доля ее пала на меня, и я только что окончил перевод половины: другую половину переводит проф[ессор] Бестужев-Рюмин, и, по всей вероятности, сегодня же она поступит в печать»⁸. Речь идет о брошюре «Болгарские ужасы и восточный вопрос»⁹.

Письма с мест военных действий и рассказы приезжающих только усиливали беспокойство Константина Петровича, вызванное преимущественно политикой власти, ее духовной пассивностью. «Наша внутренняя политика в последние годы истомила мою душу: ужасно подумать, что и в военном деле оказываются те же явления – обычай действовать на авось, нелепое представление о том, что все само собою делается по приказу, отсутствие всякой меры в расчетах и желаниях, равнодушие в выборе деятелей, рутинная

⁵ См.: *Мак-Ивер*. Впечатления сербской войны. СПб.: Тип. князя В.В. Оболенского, 1876. 32 с.

⁶ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 33–33 об.

⁹ См.: [Гладстон У.Ю.]. Болгарские ужасы и восточный вопрос. СПб., 1876. 48 с.

и формальность»¹⁰. Особую трагичность эти обстоятельства приобретали в свете народного патриотизма: «Поднимаются полки, уходят новобранцы, плачут женщины и дети, молодежь рвется на войну, и думаешь: Боже, что ожидает их! На днях единственный сын Н.А. Милютина, студент, оставляет семью и идет рядовым на войну. Что за люди у нас, что за чудный народ. О, когда бы только умели вести их!»¹¹

Дамы высшего общества принимали активное участие в благотворительной деятельности, организуя склады для нужд фронта. Их действия отчасти компенсировали недостатки работы военно-медицинского ведомства. Е.Ф. Тютчева также планировала подобную деятельность совместно с Дурново. Победоносцев одобрял ее начинание: «Благое дело, вы сумеете повести его, потому что умеете держать хозяйственный порядок»¹². Константин Петрович критиковал превращение благотворительности в моду, когда во главу угла ставится не помощь ближним, а показ дорогих нарядов:

Съезжаются девицы на работу, надевают фартучки с крестом, иные из них очень добросовестны и просты, но довольно и белоручек, которые забавляются. Делайте у себя дело проще и скромнее – шмели так не у места в пчелином улье... И... как теперь противны становятся нынешние дамские туалеты – эти платья по 1000 р[ублей] каждое. Неужели по случаю войны не потянет хоть лучших женщин к исправлению ужасного обычая – роскоши? Неужели не выделится здоровое зерно нового женского общества, показать пример простоты, скромности, благоразумия? Мне противно видеть, как барышня в таком платье рассуждает о бедных или собирает пожертвования. Разве это не вопиющая ложь? Разве это не живой образ лицемерия?¹³

Победоносцев отмечал отсутствие правильной организации дамской благотворительной деятельности в госпиталях, где вместо помощи раненым происходила демонстрация собственной персоны:

Дамы целыми толпами нахлынули в палаты – каждая хочет сама говорить, сама раздать, что принесла, и приносит иногда сущий пустяк. Вместо того чтобы все сносить в общий запас, к сестрам, и расходовать в порядке, раздают по кусочкам – кому недостает, те в претензии. Больных перебунтовали – они стали капризны и непослушны и обвиняют больничный персонал в утайке. (Одна дама, напр[имер], принесла фунт

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 28–28 об.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 28 об. – 29.

¹² Там же. Л. 16–16 об.

¹³ Там же. Л. 16 об. – 17.

чаю и 4 лимона и потом объявила во всех палатах на 250 чел[овек]: я вам того принесла; другая то же сделала, принесла 5 фунтов винограда)... Итак, пусть у вас в госпиталях избегают дамских нашествий¹⁴.

Дамы царской фамилии также принимали деятельное участие в деле помощи фронту. В Царском Селе работала цесаревна, которую Константин Петрович застал «посреди кройки и шитья» вместе с дюжиной царскосельских дам. Его супруга, Екатерина Александровна, работала на складе у Эдиты Раден. Дом Победоносцева также превратился в «фабрику бинтов», что стало возможным в результате продажи книг, изданных Константином Петровичем. Эдита Раден же непрестанно истощала силы «в борьбе с равнодушием одних, с канцелярским обычаем других, с застарелыми привычками оттягивать всякое дело, которое надо делать сейчас же»¹⁵.

В письме от 31 марта 1877 г. содержатся сведения о намерении сестры Е.А. Победоносцевой, Софии Александровны Энгельгардт, которая, «несмотря на отговоры... поступила в Георгиевскую общину сестер милосердия. Она способная и работает там исправно в уходе за больными, и на войну собирается ехать»¹⁶. С тех пор Победоносцевы постоянно тревожились за нее: «Она делает святое дело, но молодая девушка 23 лет, сам третий в числе таких же, и где, в Габрове, у самых Балкан!»¹⁷ Ситуация усугублялась «безурядицей» в Красном Кресте. Сестры милосердия, «рассеянные в разных углах», были оставлены организацией на собственное обеспечение и нередко страдали от голода, нужды и отсутствия одежды. В январе 1878 г. по «равнодушию и неурядице властей»¹⁸ Сонечка едва не погибла. Она ходила за Балканы со Скобелевым без теплой обуви, в дырявых башмаках, зашитых солдатом. Отправленная родными шуба, обувь и другие вещи, которые сама императрица взялась доставить, не дошли до нее. Когда посылали посылки для других сестер милосердия, о ней забыли. В итоге от трудов и лишений Сонечка слегла с тифом, ее выходила подруга. На фоне равнодушия властей подвиг солдат и сестер милосердия выступает еще ярче.

К.П. Победоносцев выражал радость по поводу Шипкинского дела, критикуя ошибки и самоуверенность командования:

Самая Шипкинская история смущает душу: только чудом удержались мы, только бравая грудь нашего несравненного, чудного солдата

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 43 об. – 44.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Д. 13. Л. 1–2.

вынесла страшный, подавляющий погром. А начальственного ума нет, как нет. На позиции такой важности, на позиции, которая, как оказывается, не только не неприступна, но весьма затруднительна для обороны, оставляют 3000 человек против большой армии, знают за несколько дней, что Сулейман готовит нападение, и не шлют подкреплений; занимают одну высоту во фланге и забывают занять другую, которая господствует и над нею и надо всею дорогой от Габрова до Шипки¹⁹.

С особой теплотой и состраданием Константин Петрович писал о раненых. «Красный Крест делает свое дело, и без него было бы очень плохо раненым на руках военно-медицинского ведомства, где, не говоря уже о злоупотреблениях, все стиснуто рамкою положения, которого изменить нельзя, и оттого раненые остаются по суткам и более без пищи»²⁰. По свидетельству Победоносцева, деятельность Красного Креста облегчала участь раненых там, где было необходимо быстрое принятие решения в нестандартной ситуации, не предусмотренной инструкциями. Соблюдение формальностей чиновниками военно-медицинского ведомства, «стиснутых рамками», приводило к тому, что раненые могли быть лишены самого необходимого. О том же сообщал Победоносцев в письмах наследнику Александру Александровичу, подчеркивая эффективность действий Красного Креста и преступную халатность чиновников военного ведомства²¹.

Помимо заботы о раненых Красный Крест занимался распространением литературы через склады, которыми заведовали дамы. Солдатам передавались книги, преимущественно назидательного и духовного содержания. Именно такая литература пользовалась спросом. Победоносцев реализовывал издаваемую им книжную продукцию в пользу благотворительных складов. «В пользу моск[овского] склада я готов отдать сколько угодно, если б нашелся искушенный человек, чтобы пускать книжки в продажу. Ив[ану] Сергеевичу я передал для склада 1000 экз[емпляров], и он поручил их на продажу книгопродавцу Живорёву. Я разослал книжки по разным губерниям и вообще раздаю охотно в распоряжение разных складов, только не все умеют распространять их»²². Константин Петрович просил Екатерину Федоровну узнать, «не нужно ли в московских госпиталях раздать... книжку, для чтения раненым и больным, которые, говорят, иногда нуждаются в книгах для чте-

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 30.

²⁰ Там же. Л. 31–31 об.

²¹ См.: *Победоносцев К.П. Письма Победоносцева Александру III*. Т. 1. М., 1925. С. 96–99.

²² ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 31 об.

ния. У меня довольно ее в запасе. Я уже много разослал по разным губерниям, хотя не много еще собрал денег; в типографии остается до 4000 экземпляров»²³.

К.П. Победоносцев всегда ценил в людях решительность в деле, исполнение своего долга, а лица, уходящие от ответственности, прячась за инструкции, вызывали его острую критику. Так, в момент обвинения Александра Агеевича Абазы в растрате, выслушав объяснения, он встал на сторону деятеля и даже отправил материал о нем в «Московские ведомости»:

Им издержано больше, чем предполагалось по смете и допущены разные неисправности; но оказалось, вместе с тем, что он должен был действовать в чрезвычайных обстоя[ель]ствах, и что к первоначальному району его, на который простиралась смета, присоединился впоследствии новый, до самых Ясс, и на него легло дело непредвиденное и не входившее в первые предположения, но дело громадное и первое²⁴ необходимости, т. е. эвакуация раненых в Яссах в громадных массах – дело, лежавшее на Военном Минист[ерстве], только Военное Мин[истерство] ровно²⁵ ничего не приготовило, и если бы Красный Крест не принял его на себя, то ужасы эвакуации были бы вдесятеро ужаснее. В таких обстоятельствах невозможно вменять человеку в вину некоторые неисправности, более формальные, нежели существенные, тем более что не без вины была и Исполнительная Комиссия Главного Управления, которая сама, видя предполагаемые расходы, не остановила их вовремя²⁶.

По свидетельству Софии Энгельгардт, осенью 1877 г. работавшей сестрой милосердия одна почти на тысячу солдат в госпитале, раненых среди них почти нет, умирают от болезней и обморожений, то есть от холода и сырости при отсутствии теплой одежды. От нравственной и физической усталости у врачей опускались руки. Ежедневно в Габрово привозили по 200 человек, многие умирали в течение двух часов, многих приходилось ампутировать. При этом София Александровна не могла надивиться терпению и благодушию солдат, испытывавших тяжелейшие страдания:

Они все такие несчастные – кто без ног, кто без руки – все до единого ампутированные. Они меня любили, и я чуть-чуть не разревелась, прощаясь с ними. Но там, при докторам, было совестно, а, пришедши домой, горько-горько заплакала. Что-то с ними теперь будет, куда

²³ Там же. Л. 38 об. – 39.

²⁴ Так в подлиннике. – О. С.

²⁵ Подчеркнуто автором. – О. С.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 58 об. – 59.

они денутся! Что меня удивляет, это их постоянная веселость; они не заботятся о том, что с ними будет, чем будут жить. Дала я им каждому по кисету, по Евангелию, по трубочке, перекрестила их, простила – глаза наполнились слезами, и я отошла. Они же все повторяли: «Прощай, сестрица, прощай, роденькая, век тебя не забудем, кисетики эти сохраним навсегда, и трогать их не станем, а то запачкаем. Утешь тебя Господь, как ты нас утешила... Одно наше спасение – Красный Крест: без него мы совсем бы пропали»²⁷.

Неформальная деятельность оказывалась эффективнее деятельности, ограниченной инструкциями, и как дело менее стесненное инструкциями, и как дело любви к ближним, творимое не за страх, а за совесть. То же самое о раненых и недостатке обеспечения писал К.П. Победоносцев цесаревичу Александру Александровичу²⁸.

Положение раненых ухудшилось с наступлением зимы, когда опьяненное известиями о победах и уставшее от тревожного ожидания общество предпочло забыть о проблемах армии. «Чичерин пишет страшные слова о положении... заболевающих солдат, лишенных всего, полураздетых. Воят: помогите теперь, теперь именно. А здесь – торжествующие триумфаторы уверяют, что ничего не нужно, и все принимают такой вид, как будто все уже кончено, и заботиться не о чем»²⁹, – писал Константин Петрович Екатерине Федоровне 16 декабря 1877 г. Ту же проблему он поднимал в письме наследнику³⁰.

6 сентября 1877 г. мыслитель писал о вновь закипевшем на Шипке бое: «Опять атака и массы убитых и раненых. Как ужасно! А главное, спрашиваешь – где исход из этого?.. И видишь ряд безумных ошибок, и мысль раздражается... Испытываешь такое же чувство, как в час тяжелой опасной болезни близкого человека»³¹. Принимая близко к сердцу происходящее, К.П. Победоносцев недоумевал по поводу открытия театров и устройства развлечений в высшем обществе, жаловался на необходимость выезжать на обеды и вечера, «в пустоте и праздном слове» участвовать в фантасмагориях, а по утрам – заседаниях, «фантасмагориях другого рода». «Надо всем этим – всегда, без перерыва, жгучая забота об исходе родного, священного дела, которым мы теперь живем и движемся»³². Он избегал

²⁷ Там же. Л. 60.

²⁸ См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 76–79, 91–94, 108–109.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 67 об.

³⁰ См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 108–109.

³¹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 43–43 об.

³² Там же. Л. 70.

говорить об этом деле с духовно чуждыми людьми, чтобы уклониться от праздных равнодушных расспросов. При этом Константин Петрович отмечал, что среди всех бед войны и беспорядка «сколько спавших, раскисших сил пробудилось»³³.

В письмах государственного деятеля к Е.Ф. Тютчевой содержится резкая критика политики Александра II: «Государь, по-видимому, впал в пассивное состояние – решится ли он пойти вопреки себе, взять метлу в руки, вымести прежних, взять новых людей? Во всю жизнь свою он как бы по природе – боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что на ничтожестве легче было ему успокаиваться»³⁴. После взятия Плевны Победоносцев негодовал: «Государь уехал из армии, осыпав наградами ослов³⁵ и негодных людей, и оставив осла³⁶ командовать армией и держать в руках судьбы ее и судьбы России... Склады Вел[иких] Княгинь превратились в сборное место дам, ищущих знатного помещения... Добрый человек – в нем сердце сказывается, но как горько в такие минуты не находить в нем самого драгоценного – воли сознательной, твердой, решительной»³⁷. Константин Петрович писал цесаревичу Александру Александровичу об ошибках «главного военного начальства», о недовольстве великими князьями Константином Николаевичем и Николаем Николаевичем, отправлении последним солдат на верную смерть, о фаворитизме и неисполнении приказов в армии³⁸. Кроме того, он отмечал, что Турция не стеснялась никакими международными соглашениями, им подвозили запасы, снаряды и орудия со всех сторон. Константин Николаевич запретил преследовать военную контрабанду, чтобы «не раздражать дипломатию». Е.Ф. Тютчевой К.П. Победоносцев сообщал о жалобах цесаревича на информационную изоляцию, ему ничего не сообщали о намерениях государя, а только о том, что касалось военных распоряжений по его отряду. Константин Петрович подозревал интриги против Александра Александровича на квартире главнокомандующего, цесаревна разделяла его точку зрения. При этом Победоносцев утверждал, что цесаревич не падает духом, сохраняя упование на Бога, и в своей армии любим. В начале ноября 1877 г. Константин Петрович писал об ожидании скорого падения Плевны и предвкушении окончания войны, дипломаты же «потирают себе руки и рассчитывают

³³ Там же. Л. 57 об.

³⁴ Там же. Л. 47.

³⁵ Подчеркнуто автором. – О. С.

³⁶ Подчеркнуто автором. – О. С.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 66–66 об.

³⁸ См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 52–73, 92–94.

уже мирные условия»³⁹. 22 ноября 1877 г. он выражал беспокойство, «чем прорвется Плевенский нарыв» и судьбой цесаревича, если «осман бросится в его сторону». В письмах этого периода нередко возникает образ тумана. 28 ноября 1877 г. Победоносцев писал по поводу взятия Плевны:

Вечер водворится плачь, и завтра радость! Перспектива открывалась ужасная – турки стояли, в духе победы, за 18 верст от Тырнова. А у нас еще в Тырнове Сонечка. Бедная жена моя видела ужасы ночью и просыпалась с криком. Известия приостановились, и, по-видимому, можно было ожидать очень дурных последствий. И вдруг – сегодня в 8½ час[ов] вечера Тимашев присылает телеграмму – Плевна взят[а], Осман у нас в руках. Русское сердце сейчас подсказало, что это случилось на Знамение Божией Матери: теперь двойной будет праздник в России на этот день⁴⁰.

Но после плевненской радости «наступило раздумье». «Вокруг стоит вся эта фаланга демонов, ищущих наброситься на нас, едва мы спотыкнемся, особенно английский бес... Как нам выйти на широту изо всех сетей, которые на нас отовсюду раскинуты»⁴¹. Политик опасался, что происки дипломатии разрушат русский успех, купленный такой дорогой ценой. Те же опасения Победоносцев высказывал и в письмах наследнику⁴². В феврале 1878 г. он делился с единомышленницей своей болью: «Горько видеть эту ложь, которая против нас воздвигается... Меня возмущает в этих англичанах это отсутствие внутренней правды и господство хищнических инстинктов, которые они называют британскими интересами»⁴³. Победоносцев критиковал англичан за использование слов-заместителей, слов-манипуляторов, манипуляцию сознанием.

Таким образом, в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой представлена не столько хроника событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сколько их осмысление. Понимая власть как служение, нераздельное с ответственностью, видя искренний подъем патриотизма в народной среде и «московской» славянофильской части общества, он недоумевал по поводу равнодушия и насмешек во властных кругах и прозападной части элиты. И если верхние слои русского общества придерживались прозападных позиций либо оставались равнодушными, то среди англичан находились сочув-

³⁹ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 12. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Л. 63–63 об.

⁴¹ Там же. Л. 63–63 об., 70.

⁴² См.: *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 96–99.

⁴³ ОР РГБ. Ф. 230. М 4408. Д. 13. Л. 4.

ствующие славянам люди. Война 1877–1878 гг. разделила русское общество на искренних деятелей, готовых пожертвовать своей жизнью, имуществом, временем, формальной репутацией ради веры, царя, отечества, страждущих ближних, и на тех, кто предпочел облечься в своекорыстие и скепсис, прикрывшись равнодушием и инструкциями. Чем больше формализации в деятельности должностного лица, тем более вреда и менее эффективности. Фаворитизму и воровству подобный порядок не вредил. Чем меньше работы за совесть, ради любви к ближнему и исполнения своего долга перед Богом, тем больше необходимости в страхе перед наказанием. С другой стороны, чем более деятельность должностного лица формализована, тем более страх ответственности при проявлении инициативы. В общественной деятельности мыслитель также видел разделение на скромных подвижников и шумных демонстративных личностей, которые, действуя напоказ, больше вредили делу. Таким образом, К.П. Победоносцев подметил духовное разделение общества в условиях вызовов военного времени, в основе которого лежала христианская совесть личности либо ее духовная пассивность. С другой стороны, по наблюдению мыслителя, война пробудила многие спавшие в народной среде силы.

Литература

Суржик 2012 – *Суржик О.С.* Проблемы пореформенной России в духовно-нравственной концепции К.П. Победоносцева: дис. ... канд. ист. наук; Российский университет дружбы народов. М., 2012. 266 с.

References

Surzhik, O.S. (2012), “*Problems of post-reform Russia in the spiritual and moral concept of K.P. Pobedonostsev*”, D. Sc. Thesis, RUDN University, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ольга С. Суржик, кандидат исторических наук, Московский областной архивный центр, г. Москва, Россия; 141241, Россия, Пушкино, ул. Пионерская, д. 15; olga-surzik@yandex.ru

Information about the author

Olga S. Surzhik, Cand. of Sci. (History), Moscow Regional Archive Center, Moscow, Russia; bld. 15, Pionerskaya St., Pushkino, Russia, 141241; olga-surzik@yandex.ru

По архивным следам французского художественного фильма про армян и Первую мировую войну «Андраник» (1928)

Марияна Пискова

*Юго-Западный университет им. Неофита Рильского,
Благоевград, Болгария, piskova@gmail.com*

Аннотация. Первый и пока единственный художественный фильм об Андранике Озаяне (1865–1927) снят летом 1928 г. в Болгарии. Кто обеспечил финансирование, кто создал фильм, почему именно в Болгарии, почему не показывали фильм в советской Армении... – это часть вопросов, на которые будем искать ответы. С этой целью и проведен поиск источников в архивах и музеях в Армении и Болгарии.

Самым богатым источником о нем является личный фонд армянского эмигранта в Париже Аршавира Шахатуни (1882–1957). После его смерти документы были переданы в Музей литературы и искусства им. Егише Чаренца в Ереване. Среди них особое место занимают биографические документы, документы о театральных ролях и ролях в кино, которые он исполнял, материалы о раннем кино и истории создания фильма «Андраник».

В Национальном архиве Армении хранятся документы, которые раскрывают участие Шахатуни в Первой мировой войне, а также в управлении Первой Армянской Республикой (1918–1920) в качестве коменданта и начальника города Эривана. Ценнейшим источником является сам художественный фильм «Андраник», который поступил в Государственный архив Армянской ССР в 1972 г. В этот период имя Андраника было под запретом: до конца 80-х гг. XX в. существовала цензура, и противоречивые оценки Андраника со стороны армян и азербайджанцев («герой» или «враг») «затушевывались».

Поэтому, по всей вероятности, фильм попал в Армению через Армянское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, которое было создано по решению ЦК КП Армянской ССР. Официальная деятельность общества была связана с культурными событиями за рубежом, но на самом деле общество искало информацию о политических эмигрантах.

В болгарских архивах находятся «следы» выступлений Шахатуни на театральных сценах, а также переписка с артистом Георгием Стаматовым (1893–1965), в которых содержатся ценные сведения об истории и процессе создания фильма.

Ключевые слова: Аршавир Шахатуни, художественный фильм «Андраник», архивные документы, Первая мировая война

Для цитирования: Пискова М. По архивным следам французского художественного фильма про армян и Первую мировую войну «Андраник» (1928) // История и архивы. 2021. № 2. С. 126–140. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-126-140

Tracing the archival sources of the French feature film “Andranik” about the Armenians in the First World War (1928)

Mariyana Piskova

*“Neofit Rilski” South-West University,
Blagoevgrad, Bulgaria, piskova@gmail.com*

Abstract. The first and still the only film about Andranik Ozanian (1865–1927) was shot during the summer of 1928 in Bulgaria. Who financed and created the movie, why did the director Archavir Chakhatouny (1882–1957) choose Bulgaria for the scenes in the open, why wasn't the film shown in Soviet Armenia and how did it get to Yerevan – those are part of the questions the paper will try to answer. To that end the author searched for the archival documents in the archives and museums of Armenia and Bulgaria. The richest source is the personal fund of the Armenian emigrant in Paris Arshavir Shakhhatuni (1882–1957). After his death, the documents were transferred to the Yeghishe Charents Museum of Literature and Arts in Yerevan. Among them, a special place is occupied by biographical documents, documents about theatrical roles and roles in cinema, which he performed, materials about early cinema and the history of the creation of the film “Andranik”.

The National Archives of Armenia keeps the documents which detail the participation of Chakhatouny in the First World War and in the government of the First Armenian Republic (1918–1920) as the commandant and chief of police of Yerevan. The most valuable source is the film “Andranik” which was received by the State Archives of the Armenian Soviet Socialist Republic (ASSR) in 1972. During the period, the name of Andranik was banned until the end of the 80s of the 20th century. There was censorship and contradicting assessments of Andranik by Armenians and Azerbaijanis (“hero” or “enemy”) were “concealed”.

For this reason, the film might have got into Armenia through the Armenian Society for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries, founded by the resolution of the Communist Party of the ASSR. The official activity of the Society was related to the cultural events abroad but in fact it was used to gather information about the political emigrants.

In the Bulgarian archives one may find the archive “traces” of Chakhatouny’s performances on the Bulgarian theatrical scenes and also his correspondence with the actor Georgi Stamatov (1893–1965), that documents contain the valuable data on the history of the film creation.

Thanks to the archives, the film ‘Andranik’ can be seen and the story of its creation and distribution in the past century can be reproduced.

Keywords: Archavir Chakhatouny, feature film “Andranik”, archival documents, First World War

For citation: Piskova, M. (2021), “Tracing the archival sources of the French feature film ‘Andranik’ about the Armenians in the First World War (1928)”, *History and Archives*, no. 2, pp. 126–140, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-126-140

В армянской (советской) историографии фильм «Андраник» (1928) принимали за армянский, который был создан на парижской киностудии. Статья Сабира Ризаева о Шахатуни и его фильме «Андраник» впервые в 1976 г. на армянском языке нарушила молчание в Советской Армении [Ризаев 1976, с. 54–60]. С сокращениями этот текст вышел и на русском языке в 2009 г. в сборнике «Сабир Ризаев. Избранные работы о театре и кино» [Ризаев 2009, с. 169–172].

В 2004 г. в книге, посвященной армянам в мировом кино, Арцви Бахчинян продолжил рассказ о фильме и Шахатуни на армянском языке [Bakhchinian 2004]. Сокращенная версия на русском языке вышла в 2012 г. в специализированном журнале о русской культуре за рубежом «Иные берега» [Бахчинян 2012, с. 24–28]. В ней Аршавир Шахатуни определяется как один из неутомимых актеров армянского театра, занявший в 1910–1920-х гг. выдающееся место и в русском, и во французском кино [Бахчинян 2012, с. 24]. Фильм определяется как страница «из истории самообороны армян против Османской империи», а не биографический рассказ о жизни армянского полководца Андраника (скорее любовно-приключенческий) [Бахчинян 2012, с. 27–28].

Что касается книги Карена Калантара «Очерки истории армянского кино», то фильм «Андраник» присутствует только во введении, так как он создан за рубежом, несмотря на то, что является отзвуком армянской жизни и национально-освободительной борьбы армянского народа [Калантар 2004, с. 5–6].

Поскольку фильм «Андраник» снят в Болгарии в 1928 г., это событие нашло широкое отражение в газетах и журналах в конце

20-х гг. XX в. В них фильм определяли иногда как армянский¹, или армяно-болгарский², а иногда как болгарский³. Имя Шахатуни часто встречалось в рекламах и программах о театральных постановках, а также в фильмах с участием Шахатуни⁴.

В болгарской историографии фильм «Андраник» впервые рассматривается в книге Костадина Костова «Балканские войны (1912–1913) в мировом кино». В ней на основе публикаций во французских и болгарских газетах и журналах 20-х гг. XX в., автор определяет фильм как французско-армянский [Костов 2006, с. 144]. Он допускает ошибку, что фильм посвящен Балканской, а не Первой мировой войне. В книге опубликован вариант сценария фильма, а также перевод статьи о фильме из французского журнала «Cinemazine» с 27 июля 1928 г. [Костов 2006, с. 251–252].

В статье, где рассматриваются европейские контакты раннего болгарского кино, Александр Янакиев отмечает, что фильм «Андраник» французский и связан с борьбой за независимость Армении [Янакиев 2007, с. 17]. Однако Янакиев, как и К. Костов, не знал, что фильм сохранен.

Скудность информации о фильме в советской историографии неслучайна. Фильм не упоминается, с одной стороны, потому что его создал политический эмигрант, участвовавший в управлении Первой Армянской Республикой (1918–1920) и являвшийся членом правящей партии Дашнакцутюн⁵. С другой стороны, фильм «Андраник» был запрещен цензурой из-за имени Андраника, которое было в забвении⁶ [Аганян 1997, с. 5–8].

¹ Стефков В. Културните завоевания на кинематографа // В-к Юг, бр. 3246 от 27 октомври 1929 г. С. 2.

² В-к Юг, бр. 1839 от 18 май 1928 г.

³ Сп. «Нашето кино», бр. 31 от 1928, бр. 108 от 28 юни 1928 г.; бр. 118 от 1 февруари 1929 г., в-к Юг от 18 май 1928 г.

⁴ Ингилизова Й. Кинематографът в Бургас 1895–1944: Културно-исторически очерк, 1999. 135 с.; Иванов В. Майстори на сцената. София, 1975. С. 128; Чендов Г. Когато Русе беше Русчук: страници из културния и обществения живот на Русе през миналия век. София, 1985. С. 149.

⁵ Партия «Дашнакцутюн» создана в 1890 г., и ее первоначальная программа предусматривала автономию Западной (Турецкой) Армении. В 1917 г. партия играла свою роль в создании и управлении Первой Армянской Республикой до конца 1920 г., когда установилась советская власть в Армении. С 1921 г. партия была запрещена, а ее члены подвергались преследованию.

⁶ Арутюнян А.О. Андраник Озаян. Документы и материалы. Ереван: Главное архивное управление при Совете Министров Республики Армения, 1991. С. 5–19.

Кто Андраник?

Андраник Озаян родился 25 февраля 1865 г. в Шапин-Карачисар (Западная Армения, ныне Турция). Весьма известен как полководец, генерал (паша), болгарский офицер в Балканской войне 1912–1913 гг.

В болгарском Государственном военно-историческом архиве хранятся документы, связанные с участием Андраника в Балканской войне в составе Армянской добровольческой роты. Среди них – приказ о награждении военным орденом «За храбрость» II степени⁷. Ценнейшим источником не только об Андранике, но также и о ходе войны является Дневник военных действий Второй роты 12-й дружины (23 октября 1912 г. – 10 июля 1913 г.)⁸.

После Балканской войны Андраник жил в Болгарии, недалеко от города Варны, а когда началась Первая мировая война, он вернулся в Армению и возглавил Армянскую добровольческую дружину в составе Русской армии. Весной 1919 г. генерал Андраник распустил отряд и эмигрировал через Тифлис и Батуми во Францию, а затем в Англию и США, где умер 31 августа 1927 г.

В советской историографии до начала 90-х гг. XX в. имя Андраника было скорее забыто. Если все-таки о нем что-то писали, то определяли его как «авантюриста», «английского шпиона». Армянские авторы пытались провозгласить его «национальным героем», а азербайджанские – «армянским националистом», «разбойником».

Кто Аршавир Шахатуни?

Аршавир Шахатуни родился 5(17) февраля 1882 г. в Александрополе (ныне Гюмри в Восточной Армении), в то время в составе Российской империи.

Детство Аршавира прошло в Закавказье, где его отец Вагаршак (Иван) Шахатуни (1843–1892) был старшим помощником начальника Александропольского уезда и Новобаязетского уезда и губернатором Гандзака (ныне Гянджа в Азербайджане). Отец Аршавира был также основателем Вагаршападского театра.

Среди домашних учителей Аршавира был и отец выдающегося артиста и режиссера Амо Бекназаряна (1891–1965). Шахатуни учился в частной русской школе. В 1898 г. окончил Эриванскую мужскую гимназию и поступил в Тифлисское Михайловское военное училище. Но военную карьеру Шахатуни скоро поменял на

⁷ Государственный военно-исторический архив (ДВИА). Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 340 об.

⁸ ДВИА. Ф. 437. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 49–99.

театральную и начал выступать в армянском драматическом кружке в Баку, в Тифлисе, а также в русской театральной труппе. Гастролировал в Москве, Петербурге, Ростове, Екатеринодаре.

Летом 1912 г., во время успешных гастролей по Северному Кавказу, в Пятигорске произошла судьбоносная встреча Шахатуни с представителем кинофирмы «А. Ханжонков и Ко» Акопом Узуняном. Шахатуни принял предложение сниматься в кино. Последовали главные роли для него – Казбич в фильме «Бэла» (1913), Шамиль в «Покорении Кавказа» (1913). Он снимался также в фильмах «Ревность», «Буря», «Шубы Венеры», «Хаз-Булат», «Измаил-Бей» и «Беглец» [Ризаев 2009, с. 162]. Шахатуни стал одним из видных представителей раннего русского кинематографа.

Получив возможность жить в Москве и благодаря работе в кино, он поступил в студию Художественного театра, где изучал систему Станиславского, сблизился с Вахтанговым [Ризаев 2009, с. 163].

Но Первая мировая война прервала его блестящую театральную и кинокарьеру, и артист Шахатуни вернулся в Армению для участия в войне. Был поручиком 8-го Кавказского стрелкового полка, а потом адъютантом генерала от инфантерии Петра Огановского (1851–1917). Во время войны он и встретился с легендарным Андраником. В своих воспоминаниях Шахатуни пишет скудно о войне, и на их основе невозможно установить все сражения, в которых он участвовал. Даже его опубликованное воспоминание «Сардарapatское героическое сражение и покушение на Арам-пашу»⁹ не касается Сардарapatской битвы. Из официальной документации, хранящейся в Национальном архиве Армении, можно установить прежде всего награды и повышения в чинах Шахатуни. И этим в основном исчерпывается информация об его участии на фронтах войны.

Комендант и начальник города Эривани

Однако сохранные архивы позволяют воссоздать относительно полную картину о более ответственных обязанностях, которые выполнял Шахатуни в тылу войны. По приказу Кавказского военного округа 27 июня 1917 г. он был назначен комендантом Эривани. С 10 ноября 1918 г. поручик Шахатуни утвержден повторно на этой должности, но уже в Первой Армянской Республике. А через полгода приказом № 233 министра внутренних дел комендант и уже капитан Шахатуни назначен и начальником города¹⁰. Сложно было выполнять эти две должности одновременно, управлять городом, притом во время и непосредственно после войны. Если к этому

⁹ Национальный архив Армении (НАА). Ф. 201. Оп. 2. Д. 465. Л. 1–2.

¹⁰ Центральный государственный архив (ЦДА). Ф. 1513К. Оп. 3. Ед. хр. 3.

добавить и обстоятельство, что управление городом осуществлялось в только созданной независимой республике, ситуация становится еще сложнее. На основе документов из Национального архива Армении можно установить, какие усилия полагал Шахатуни для успешного решения продовольственных и беженских проблем. Они свидетельствуют о качествах и умении Шахатуни. Но несмотря на его успехи, когда в декабре 1920 г. Красная армия вступила в Ереван и власть перешла в руки большевистского революционного комитета, Шахатуни и все остальные члены партии «Дашнакцутюн», участвовавшие в управлении независимой республикой, были вынуждены покинуть родину. Они не сочли для себя возможным остаться в Советской Республике Армении, и началась их эмигрантская жизнь.

Первой остановкой по пути эмигранта Шахатуни стали Константинополь и сцена Армянского театра. После Константинополя с марта 1922 г. по ноябрь 1924 г. он жил в Болгарии. Для Шахатуни этот период значил много не только из-за профессиональных успехов на театральных сценах в Пловдиве, Русе, Варне, Софии. В Болгарии он встретил на сцене артиста Георгия (Жоржа) Стаматова (1893–1965), ставшего ему другом. В Центральном государственном архиве Болгарии сохранена переписка между ними, в которой отражается не только дружба, но и их общая деятельность в театрах и в кино – совместные усилия по обеспечению участия болгарской армии в фильме «Андраник», попытки показать фильм в Болгарии и в других странах¹¹.

Болгарию Шахатуни покинул по воле своей супруги Нины Шахатуни. Она уехала ранее и ожидала его в Париже. Вак как сам он рассказывает об этом в биографическом воспоминании:

Было ноябрьское утро, когда я спустился с поезда и вступил в этот огромный город... Что мог бы я сделать в этом огромном городе? Кто меня здесь знает? И я решил на следующий же день возвратиться в Болгарию, где я имел огромный успех, где два года и восемь месяцев я играл на моей любимой сцене. Где все, начиная от Царя до последнего крестьянина, знали мое имя... Где горы и реки были похожи на бесценную мою родину... Где язык их почти что родной для меня (русский).

Однако жена моя стала меня уговаривать, что для моего таланта и моих способностей нужно другое поприще, и правда, что Париж бурлив как море, но одна из волн сможет выбросить меня на берега, и я смогу посвятить себя международному искусству. Она меня уговорила, и я остался в Париже...¹²

¹¹ Центральный государственный архив (ЦДА). Ф. 1513К. Оп. 3. Ед. хр. 3.

¹² Музей литературы и искусства (МЛИ). Ереван. Ф. Шахатуни. Д. 81.

Но тоска по Болгарии не покидала его. Своему другу Жоржу Стаматову он писал:

Но все же, милый мой, я скучаю по Болгарию, очень и очень! Если бы я имел возможность, я бы вернулся, а ну их к черту! Мы восточные люди, и давай нам нашу тихую мирную жизнь с каруцами...¹³

Париж

Шахатуни приехал в Париж в ноябре 1924 г., через пару дней после того, как Франция восстановила дипломатические отношения с Советским Союзом. Через день после прибытия он пишет Жоржу Стаматову:

Дорогой и милый Жора! Вот и я в Париже!! Вчера утром в 9 часов прибыл в Париж и... уже... пишу!..

...Мы с Ниной побывали у некоторых наших друзей из России. Можно тебе сказать, что здесь много, очень много из России...

То, что я видел за один день, меня уже так поразило, что я обалдел... что Вена, Тифлис, даже Москва! Париж это волшебство... улицы! Театры!..¹⁴

В Париже Шахатуни встретился с известными русскими кинематографистами, представителями «русского зарубежья» (эмигранты после 1917 г.) Иваном Мозжухиным (1889–1939) и Виктором Туржанским (1891–1976). С их помощью он познакомился с французскими авангардистами, попал в центр европейского кинематографа 1920-х гг. Сблизился с известными кинодеятелями, среди которых Рене Клер (1898–1981), Жюльен Дювивье (1896–1967), Жан Эпштейн (1897–1953), Абель Ганс (1889–1981), Жермен Дюлак (1882–1942). Шахатуни участвовал более чем в 20 фильмах, исполняя главные и второстепенные роли: «Мишель Строгов» (1926, режиссер Виктор Туржанский); «Человек “Испано”» (1927, режиссер Жюльен Дювивье); «Наполеон» (1927, режиссер Абель Ганс); «Белый дьявол» (1930, режиссер Александр Волков); «Владелица Ливанского замка» (1934, режиссер Жан Эпштейн).

Шахатуни писал:

В سینема мой дебют был блестящим. Вчера прибывший незнакомец, сегодня стал сердцем, кинозвездой. Во всех газетах появлялось мое имя...¹⁵

¹³ ЦДА. Ф. 1513К. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 35–36.

¹⁵ МЛИ. Ф. Шахатуни. Д. 81. Л. 4.

Мечта Шахатуни

И именно в тот момент, когда его приглашали участвовать в фильмах во Франции, Германии, Италии, он вдруг отказался сниматься и решил сделать бессмертным имя Андраника – создать фильм о нем.

Какие проблемы возникали и как был снят фильм «Андраник», рассказывает сам Шахатуни. В его личном фонде в Музее литературы и искусства им. Егише Чаренца в Ереване сохранена рукопись (31 страница), которая посвящена процессу создания фильма. Самая большая часть текста связана с проблемами финансирования фильма и с людьми, которые не только не содействовали, а скорее всего мешали и сплетничали. Вопреки их сопротивлению, Шахатуни успел встретиться с Арменаком Хамбарцумяном, который, по его словам, «был большим патриотом»¹⁶. Поверив в Шахатуни и в то, что фильм «Андраник» – это «великое национальное дело» и что «его имя должно прославить среди армянского народа всего мира», ювелир А. Хамбарцумян решил обеспечить финансирование. Специально для фильма «Андраник» он создал киностудию «Армена-фильм» (с капиталом 200 000 франков) по адресу: Париж, 53, Faubourg, Montmartre¹⁷. Согласно договору

Хамбарцумян, Севаджиян и Шахатуни составляют общество, с основным капиталом в 200 000 франков. Шахатуни вместо этого капитала приносит без оплаты свою работу, т. е. сценарий, исполнение ролей, режиссуру. Шахатуни не получает никакой оплаты. Шахатуни подписывает сейчас, что 200 000 должен Хамбарцумяну и Севаджияну. И в случае прибыли, доход делится на 3 равные части: Шахатуни, Севаджиян и Хамбарцумян¹⁸.

Вопреки совету своего адвоката подумать Шахатуни подписал договор.

В июне 1928 г. вместе со съемочной группой он из Франции «уехал в Болгарию радостный и счастливый» для создания фильма. Там пришлось делать все одному, без помощника, в течение 30 дней, без перерыва, без отдыха, гадая, завтра солнце будет или нет, и самое главное и ужасное – не иметь аппарата, чтобы по вечерам посмотреть результаты дневной работы, действительно ли кадр вышел или ничего не воспроизведено... Он был и режиссером, и сценаристом, сыграл две роли – Андраника и отца

¹⁶ Там же. Д. 85. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 9–12.

¹⁸ Там же. Л. 15.

Андраника, менял грим и учил играть жителей деревни на дикой горе Шипка¹⁹.

Мало того, нашлись люди, которые, по словам Шахатуни,

двумя анонимными письмами обратились к начальнику болгарской полиции, что якобы я коммунист и вместо фильма привез в Болгарию пропагандистские фильмы. Начальник полиции с усмешкой передал мне эти две мерзкие анонимные письма. Значит, отсюда уже можно представить мои бессонные ночи, мою усталость, мои страдания и мучения и работу, и не удивительно, что мои волосы за это время поседели²⁰.

После возвращения в Париж Шахатуни начал, но не успел закончить монтаж картины, так как из-за напряженной работы он заболел и попал в больницу, где лечился более двух месяцев. В это время он переживал:

Но разве я был спокойный? Конечно, нет. Мои мысли снова и снова были там... где в железных ящиках, в бобинах лент лежал «Андраник» и где мертво лежали его боевые друзья. Армянские крестьяне, красивые болгарские горы и сады на реке Дунай, лунные прекрасные ночи, страдания армянских сирот... снежные вершины Эрзурума... послание Андраника, и все это передавалось мне, мне хотелось будить их, привести в движение, оживить их и показать всему миру нашу жизнь, наше право на жизнь, несправедливое отношение к нашему народу и нашу мощь²¹.

Несмотря на тяжелую болезнь, до конца 1928 г. Шахатуни успел закончить монтаж фильма. В письме Жоржу Стаматову от 24 декабря 1928 г. он пишет:

«Андраник» вышел прекрасный фильм. Ты увидишь и не узнаешь и будешь в восторге... Фильм готов, предстоит наложить музыку чтобы иметь здесь премьеру²².

Вступительные слова в начале фильма, которые принадлежат самому Шахатуни, подчеркивают: «Этот фильм посвящается памяти Андраника, отражает некоторые моменты его героической жизни, всецело отданной народу». Кинокритики и киноис-

¹⁹ Там же. Л.16.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 21.

²² ЦДА. Ф. 1513К. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 13.

торики обоснованно отмечали, что «фильм “Андраник” не был задуман как хроника жизни самого Андраника» [Ризаев 2009, с. 168]. Французские справочники определяют фильм как историческую фикцию.

В начале 1929 г. состоялась парижская премьера. В свое время фильм показывали и во Франции, и в других европейских странах, а также в США... Но в Советской Армении в 20–30-х гг. прошлого века фильм не показывали, как и в последующие десятилетия, из-за цензуры. Имя Андраника было под запретом. До конца 1980-х гг. запрещались книги, даже романы о нем. Вопрос оценки его жизни и деятельности порождал противоречия, так как для армян Андраник был национальным героем, примером самопожертвования и нравственности, а для азербайджанцев – врагом их предков [Симонян 2016, с. 3].

Но все-таки в это время фильм «Андраник» попал в архивы Армении. Возникают вопросы: почему, когда и кто привез фильм из Парижа в Ереван?

Судя по акту, подписанному начальником Архивного управления при Совете Министров Армянской ССР А.О. Арутюняном, фильм «Андраник» попал в архив Армянской ССР в 1972 г. В акте утверждается строгий режим хранения фильма в особых фондах Государственного центрального архива кинофотофонодокументов Армянской ССР. Что касается использования фильма, то без письменного распоряжения начальника Архивного управления не разрешалось директору кинофотофоноархива Кочаряну предоставлять право пользования кому-либо даже в пределах здания архива. Образцы фильма должны храниться в особых фондах и под особым контролем.

В акте нет информации о том, кто и как привез фильм. Известно только, что в архив поступил негатив, состоящий из пяти частей. В лаборатории Архивного управления фильм был восстановлен, переснят, переведен на армянский язык. В результате получилось два образца позитива (каждый по 6 частей длиной 1650 м) и один образец негатива, также из 6 частей, 1650 м. Этим исчерпывается публичная информация о фильме, которая отражена в официальном акте 1972 г.

По всей вероятности, фильм «Андраник» поступил в Архивное управление через Армянское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (АОКС). Общество организовано по решению ЦК Коммунистической партии Армянской ССР от 12 сентября 1944 г. И хотя официально деятельность общества была связана с зарубежными армянскими обществами и культурными мероприятиями за границей, на самом деле оно выполняло функции по наблюдению за эмигрантами. В архивном фонде

Общества²³ находится много справок об эмигрантах, их принадлежности к партии «Дашнакцутюн». Так, например, в отчете о деятельности за 1945 г. содержится следующая оценка Шахатуни: «Аршавир (Ашо) Шахатуни. Бывший дашнак, ныне беспартийный, известный актер, автор недавно написанной пьесы “Родина зовет”, где он призывает зарубежных армян переселиться в Советскую Армению»²⁴.

Архивные «следы» фильма

Без сомнения, фильм «Андраник» является ценнейшим источником. Но, кроме фильма, сохранено немало разнообразных архивных документов, отражающих процесс создания и историю фильма «Андраник».

Самая большая часть из них находится в Ереване и сосредоточена в личном фонде Шахатуни в Музее литературы и искусства им. Егише Чаренца. Документы поступали в дар в два этапа. Первое поступление состоялось в 1966 г., но тогда никто не отметил, кто принес документы. Второе поступление состоит из 24 документов, и в учетной книге музея отмечено, что 5 апреля 1977 г. документы принесли женщина с фамилиями Шахатуни и Дарбинян²⁵. По всей вероятности, это третья супруга Аршавира Шахатуни²⁶. Ее имя встречается в акте о смерти Шахатуни, выданном в Париже 6 апреля 1957 г., где упоминается, что акт составлен в присутствии второй супруги Анны Ярловой.

Фонд Шахатуни в Музее литературы и искусства состоит из 1006 единиц хранения. Они обработаны в соответствии с правилами музея, и каждая единица хранения имеет самостоятельный заголовок. Документы весьма разнообразные – среди них биографические, автобиографические документы, воспоминания Шахатуни и его родственников, письма, фотодокументы и альбомы. Сохранены также газеты и журналы, статьи о Шахатуни, афиши и рекламные

²³ НАА. Ф. 709. Армянское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (1944–1975). В пяти инвентарных описях находится 1322 единицы хранения.

²⁴ НАА. Ф. 709. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 19.

²⁵ По всей вероятности, это Агаси или Азгануш Дарбинян из Парижа, которые являются дарителями произведений искусств в Государственной картинной галерее Армении.

²⁶ Первой супругой Шахатуни была Виктория Абовян (внучка писателя Хачатура Абовяна). Разошлись в 1910 г. Вторая – Нина Мелик-Агамаян. Она была супругой Аршавира Шахатуни с 1917-го до своей смерти в 1950 г. в Париже.

материалы. В фонде находятся также сформированные в досье документы о фильмах, в которых участвовал Шхатуни: «Наполеон», «Белый дьявол», «Андраник» и т. д.

В Национальном архиве Армении сохраняется официальная документация, которая позволяет уточнить биографию Шхатуни, а также его участие в войне и в управлении Первой Армянской Республикой. Особенно ценным является документ, который впервые позволил уточнить день и год рождения Шхатуни. Это свидетельство о том, что Шхатуни сдавал при Эриванской гимназии с 15 мая по 6 июня 1898 г. экзамен для лиц, желающих поступить на военную службу вольноопределяющимся второго разряда²⁷. В этом официальном документе Эриванской гимназии указан день рождения Шхатуни – 5 февраля 1882 г. Без сомнения, это точно указанная дата. В остальных биографических документах и воспоминаниях как год рождения значился 1885 г. Но, по всей вероятности, это ошибка, так как моложе 16 лет вряд ли Шхатуни мог бы поступить на военную службу.

Официальная документация, связанная с участием Шхатуни в Первой мировой войне и в управлении Первой Республикой Армения в 1918–1920 гг., сохранена в фондах Национального архива Армении. Среди них фонды: Совета Министров Республики Армения 1917–1921 гг. (ф. 199); Министерства внешней политики Первой Республики 1918–1920 гг. (ф. 200); Министерства внутренних дел Дашнакского правительства (ф. 201); Главного военно-санитарного управления Военного министерства Республики Армения (ф. 204); Министерства юстиции Первой Республики Армения 1918–1920 гг. (ф. 206); Министерства иностранных дел Армянской Республики (ф. 326); коллекция документальных материалов об участии армянских добровольческих дружин и регулярных воинских частей на Кавказском фронте во время Первой мировой войны – 1914–1920 гг. (ф. 1267).

Другие архивные документы в Национальном архиве Армении, связанные с Шхатуни, находятся в фондах Эриванской мужской гимназии (ф. 511); Комитета по приему и устройству зарубежных армян при Совете Министров Армянской ССР (ф. 362); Армянского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ф. 709) и др.

В болгарских архивах самая большая часть документов, связанных с Шхатуни, сосредоточена в Центральном государственном

²⁷ НАА. Ф. 511. Оп. 3. Ед. хр. 975. Л. 22–22 об. Без сомнения, наиважнейшим источником является художественный фильм «Андраник», который в 1972 г. был перевезен из Парижа в Государственный архив Армянской ССР.

архиве Болгарии в личном фонде его друга Георгия Стаматова – фотографии, корреспонденция между ними (ф. 1513К). Отдельные документы об участии Шахатуни в театральных постановках находятся в личных фондах театральных деятелей.

Заключение

Архивные «следы» жизни и деятельности Шахатуни и его фильм «Андраник» – весьма разнообразные виды документов, разнородные по своему происхождению, составу, оригинальности. На их основе начался рассказ, но, без сомнения, это лишь первая страница истории фильма «Андраник».

Интерес к фильму будут проявлять исследователи как с точки зрения истории кино, искусствознания, так и с точки зрения истории. И в этом отношении архивы будут раскрывать спрятанные в своих документах тайны.

Благодарности

Статья является частью проекта “Knowledge exchange and academic cultures in the humanities. Europe and the Black Sea Region, late 18th – 21st centuries” (KEAC-BSR). Проект в рамках: European Union’s Horizon 2020 research and innovation programme, project number: MSCA-RISE 734645.

Acknowledgements

This research is supported by the EU project “Knowledge exchange and academic cultures in the humanities. Europe and the Black Sea Region, late 18th – 21st centuries” (KEAC-BSR), funded by the European Commission, project number: MSCA-RISE 734645.

Литература

- Аганян 1997 – Аганян Ц.П. Андраник и его эпоха. М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения, 1997. 454 с.
- Бахчинян 2012 – Бахчинян А. О нем мечтали женщины и ему завидовали мужчины: Бурная жизнь армянского актера Ашо Шахатуни // Иные берега: Журнал о русской культуре за рубежом. 2012. № 1 (25). С. 24–28.
- Калантар 2004 – Калантар К. Очерки истории армянского кино. Ч. 1. Ереван: НАИРИ, 2004. 216 с.
- Костов 2006 – Костов К. Балканските войни в световното кино. Пловдив: Веда Словена, 2006. С. 144–151; 251–254.
- Ризаев 1976 – Ризаев С. Шахатуни на екране // Советакан арвест. 1976. № 6. С. 54–60.

- Ризаев 2009 – *Ризаев С.* Избранные работы о театре и кино / Сост. и ред. В. Навасардьян. Ереван: ACNALIS, 2009. С. 161–172.
- Симонян 2016 – *Симонян Гр.* Из истории «политического оправдания» полководца Андраника. Ереван: ЕГУ, 2016. 96 с.
- Янакиев 2007 – *Янакиев Ал.* Българското кино – европейски контакти // Искусствоведски четения. 2007. С. 13–25.
- Bakhchinyan 2004 – *Bakhchinyan A.* Armenians in World Cinema. Yerevan: Publishing House of Museum of Literature and Art, 2004. 504 p.

References

- Aganyan, Ts.P. (1997), *Andranik i yego epokha* [Andranik and his Epoch], Izdatel'stvo: Mezhdunarodnyi Gumanitarnyi Fond Armenovedeniya, Moscow, Russia.
- Bakhchinyan, A. (2012), "The women dreamt about him, men envy him. The stormy life of Armenian artist Asho Chakhatouny", *Inyye berega. Zhurnal o russkoy kul'ture za rubezhom*, no. 1 (25), pp. 24–28.
- Kalantar, K. (2004), *Ocherki istorii armyanskogo kino* [Essays on history of Armenian cinema], NAIRI, Yerevan, Armenia.
- Kostov, K. (2006), *Balkanskite voyni (1912 – 1913) v svetovnoto kino* [Balkan wars (1912–1913) in world cinema], Veda Slovena, Plovdiv, Bulgaria.
- Rizayev, S. (1976), "Chakathouny on the screen", *Sovetskoye iskusstvo*, 1976, № 6, pp. 54–60.
- Rizayev, S. (2009), *Izbrannyye raboty o teatre i kino* [Selected texts about theatre and cinema, Yerevan, Armenia.
- Simonyan, G. (2016), *Iz istorii "politicheskogo opravdaniya" polkovodtsa Andranika* [From the history of the 'political rehabilitation' of the military commander Andranik], YeGU, Yerevan, Armenia.
- Yanakiyev, Al. (2007), "Bulgarian cinema – European contacts", *Izkustvovedski cheteniya*, pp. 13–25.
- Bakhchinyan, A. (2004), "Armenians in World Cinema", Publishing House of Museum of Literature and Art, Yerevan, Armenia.

Информация об авторе

Марияна Пискова, доктор, доцент, Юго-Западный университет им. Неофита Рильского, Благоевград, Болгария; Болгария, 2700, Благоевград, ул. Ив. Михайлов, д. 66; piskova@gmail.com

Information about the author

Mariyana Piskova, Dr., associate professor, South-West University Blagoevgrad "Neofit Rilski", Blagoevgrad, Bulgaria; bld. 66, Ivan Michailov St., 2700, Blagoevgrad, Bulgaria; piskova@gmail.com

Материалы коллекции
Героев Советского Союза в ЦГА Москвы:
участник Великой Отечественной войны
Л.А. Бутков

Сергей С. Войтиков

*Центральный государственный архив города Москвы,
Москва, Россия, svoyt@mail.ru*

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот документы (автобиография и воспоминания) из личного дела Героя Советского Союза Л.А. Буткова, отложившиеся в коллекции Героев Советского Союза (Центральный государственный архив города Москвы, ф. П-8682). Если автобиография представляет собой текст до крайности формализованный, то воспоминания, в которых упоминаются ненавистные автору «гансы» и «фрицы», написаны живым языком, отражающим впечатления тех рядовых бойцов, которые по большому счету и выиграли Великую Отечественную войну.

Звание Героя Советского Союза было присвоено командиру роты 164-го гвардейского стрелкового полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии 56-й армии гвардии старшему лейтенанту Л.А. Буткову 16 мая 1944 г. за отличие в Керченско-Эльтигенской операции. Рота первой высадилась на занятый неприятелем берег и удержала плацдарм, обеспечив успешную высадку всей дивизии. В ходе боя командир роты лично уничтожил станковый пулемет с расчетом и 11 солдат противника.

Документальная коллекция, в которой хранится дело Л.А. Буткова, была собрана после войны Институтом истории партии при МК и МГК ВКП(б) во главе с директором института Г.Д. Костомаровым.

Ключевые слова: Л.А. Бутков, Герой Советского Союза, документальная коллекция, Центральный государственный архив города Москвы

Для цитирования: Войтиков С.С. Материалы коллекции Героев Советского Союза в ЦГА Москвы: участник Великой Отечественной войны Л.А. Бутков // История и архивы. 2021. № 2. С. 141–151. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-141-151

Materials of the collection of Soviet Union Heroes (the Central State Archives of Moscow):

L.A. Butkov, the participant
of the Great Patriotic War

Sergei S. Voytikov

*Central State Archives of Moscow, Moscow, Russia,
svoyt@mail.ru*

Abstract. The work introduces into scientific circulation the documents (autobiography and memoirs) from the personal file of L.A. Butkov, the Soviet Union Hero; his dossier being deposited inside the collection of Soviet Union Heroes (the Central State Archives of Moscow, F. P-8682). If the autobiography is an extremely formalized text, the memoirs mentioning the author's hatred towards the Nazi invaders are written in easy language, reflecting the impressions of those ordinary fighters who, to a large extent, won the Great Patriotic War.

The title of the Soviet Union Hero was awarded to the company commander of the 164th Guards Rifle Regiment of the 55th Guards Rifle Division of the 56th Guards Army senior lieutenant L.A. Butkov on May 16, 1944, for his distinction in the Kerch-Eltigen military operation. The company was the first to land on the shore occupied by the enemy and managed to hold the bridgehead, ensuring the successful landing of the entire division. During the battle, the company commander personally destroyed the machine gun with the gunners and 11 more enemy soldiers.

The documentary collection, which holds L.A. Butkov's file, was collected after the war by the Institute of Party History of the MC and MGK VKP(b), headed by the director of the Institute G.D. Kostomarov.

Keywords: L.A. Butkov, Soviet Union Hero, documentary collection, Central State Archives of Moscow

For citation: Voytikov, S.S. (2021), "Materials of the collection of Soviet Union Heroes (the Central State Archives of Moscow): L.A. Butkov, the participant of the Great Patriotic War", *History and Archives*, no. 2. pp. 141–151, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-141-151

Введение

Биографии Героев Советского Союза давно стали предметом публикаций исследователей и публицистов [Дайнес 2020, Морозов 2017]. В связи с важностью темы для изучения истории Великой Отечественной войны советского народа в целом и памяти о ее героях интерес к ней с годами не угасает, а напротив, становится все большим. Бесценным источником для реконструкции биогра-

фий Героев Советского Союза стала коллекция личных дел героев, собранная Институтом истории партии при МК и МГК ВКП(б) и находящаяся ныне на хранении в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы)¹. В частности в коллекции находится дело Л.А. Буткова, в котором в числе прочих содержится его краткая автобиография и яркие, написанные живым языком воспоминания о том боевом эпизоде, за который он и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Леонтию Анисифоровичу и посвящена настоящая статья.

Биография

Л.А. Бутков родился 22 июля 1907 г. в с. Заселье Херсонского уезда Херсонской губернии, до революции – батрак. Он был из тех крестьянских парней, кому советская власть дала все. С 1924 г. – на «культурном фронте», заведующий избой-читальней, затем на хозяйственной работе – заведующий инструментальной кладовой 34-го цеха Николаевских объединенных государственных заводов им. Марти и Бадина.

Во время наступления немцев на Николаев отдал распоряжение уничтожить на заводе все, что не удалось эвакуировать. 17 августа 1941 г., когда враг оккупировал город, начальник цеха собрал рабочих завода и создал партизанский отряд. На первом же собрании партизаны единогласно избрали Буткова своим командиром. Переправившись через Днепр, Леонтий Анисифорович благополучно вывел отряд к красноармейским частям. Здесь партизаны вместе с регулярными частями приняли бой за Каховку.

29 сентября 1941 г., находясь в разведке, Л.А. Бутков заметил приближение бронемашин и мотоцикла, открыл по ним огонь и захватил мотоцикл. 17 октября Бутков, будучи в разведке в районе ст. Удачная, встретился с конной разведкой противника. Незаметно подкравшись к немцам (их насчитывалось около полусотни), Бутков «открыл губительный огонь и уничтожил восемь конников»².

25 октября, выполняя задание по нарушению коммуникаций противника в районе Сталино – Горловка, Л.А. Бутков, оставленный командиром взвода, сумел выйти из окружения и вывести шесть бойцов, а также спасти пулемет.

12 ноября он принял участие в налете на с. Орлово-Ивановка. Л.А. Бутков одним из первых ворвался в село, вместе с товарищами захватил автомашину и взял в плен вражеского офицера.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682.

² Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=10696648&tab=navDetailDocument> (дата обращения 02.04.2020).

25 декабря в боях за с. Ново-Орловка Л.А. Бутков, действовавший на правом фланге, отрезал пути к отступлению фашистской пехоте, уничтожил лично огнем своего автомата 15 вражеских солдат-итальянцев³. Об этом боевом эпизоде впоследствии писали: «...трое советских разведчиков: Хотько, Лысенко и Бутков – в белых халатах, утопая в снегу», выполняли ответственное задание – «отрезать отход противнику»⁴. Задание было выполнено, за него 23 февраля 1942 г. красноармеец, автоматчик разведывательной роты Л.А. Бутков получил свою первую награду – медаль «За отвагу»⁵. В представлении к награждению командир разведывательной роты старший лейтенант Отчиченко и военком роты политрук Гетман написали 8 января 1942 г.: «Красноармеец Бутков – один из смелых и бесстрашных разведчиков нашей роты»⁶.

Через неделю Л.А. Бутков и 13 его бойцов получили новое ответственное задание, они уничтожили почти батальон гитлеровцев. Примерно в это же время Бутков стал кандидатом в члены ВКП(б).

20–21 февраля 1942 г. в бою за разъезд Выемка после выбытия из строя командира отдельной разведывательной роты 296-й стрелковой дивизии командир отделения Л.А. Бутков принял командование ротой на себя и смело повел бойцов на врага. Рота отбила ожесточенные контратаки противника, Л.А. Буткову удалось вывести из боя невредимой мотомеханизированную разведывательную роту и стрелковый батальон. Лично Леонтий Анисифорович уничтожил три пулеметные точки, забросал гранатами немецкий дзот и расстрелял прислугу противотанковой пушки, уничтожил из пулемета до 30 гитлеровцев. 16 мая гвардии старшего лейтенанта Л.А. Буткова наградили орденом Красной Звезды⁷.

В ходе освобождения Крыма Л.А. Бутков и его бойцы уничтожили офицерский батальон «Адольф Гитлер», который удерживал последний подступ к Новороссийску. В этот же день «орденоносец Бутков стал членом великой партии Ленина – Сталина»⁸. 1 ноября 1943 г., представляя Л.А. Буткова к награждению орденом Красного Знамени, командир 164-го гвардейского стрелкового полка полковник Наджабов констатировал: «В боях

³ Там же.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 165. Л. 5: Статья А. Минкиной «Не шадя жизни».

⁵ Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=10696648&tab=navDetailDocument> (дата обращения 02.04.2020).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 165. Л. 5.

по освобождению г. Новороссийска и Тамани от немецких оккупантов т. Бутков отличился смелыми и стремительными действиями своего подразделения, неоднократно в штурмовых атаках с врагом т. Бутков смело и храбро вступал в бой, увлекая за собой бойцов и командиров. Преодолевая сильного и коварного врага, т. Бутков добивался высокого морального подъема среди всего личного состава и тем самым добивался еще больших успехов в последующих боях»⁹.

Звание Героя Советского Союза было присвоено командиру роты 164-го гвардейского стрелкового полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии 56-й армии гвардии старшему лейтенанту Л.А. Буткову 16 мая 1944 г. за отличие в Керченско-Эльтигенской операции. Рота первой высадилась на занятый неприятелем берег и удержала плацдарм, обеспечив успешную высадку всей дивизии. В ходе боя командир роты лично уничтожил станковый пулемет с расчетом и 11 солдат противника.

«Храбрость, бесстрашие, презрение к смерти – вот характерные черты героя Буткова, – писала корреспондент А. Минкина, взявшая у бойца интервью в 1944 г., на завершающем этапе освобождения Крымской земли. – Он всегда готов на самопожертвование – высшее проявление духовной силы человека, готов без колебаний отдать свою жизнь за товарищей, принеся ее в жертву во имя победы над врагом. Он научился побеждать страх, внушил себе, что “солдат идет в бой не умирать, а жить”. Такие люди войдут в историю как герои, которые своей беззаветной преданностью Родине помогли уничтожить фашистскую гадину»¹⁰.

Впоследствии, 12 декабря 1945 г., Л.А. Бутков написал воспоминания о своем подвиге для Института истории партии при МК и МГК ВКП(б). Воспоминания эти передают и дух той героической эпохи, и настрой самого Героя:

...Темна непроглядная ноябрьская ночь. Вокруг тишина, [которая нарушается] шумом прибойной волны. То перерезает непроглядную темноту ночи прожектор противника, который стоит на противоположном берегу Керченского пролива.

Я за неделю раньше получил задание форсировать Керченский пролив, с косы Чушка на с. Опасное, и, овладев плацдармом Опасным, [удерживать его до подхода поддерживающих частей], а самому продвигаться за село четыре с лишком километра, высота 102,0 – занять ее и восстановить Красное Знамя.

⁹ Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=10696648&tab=navDetailDocument> (дата обращения 02.04.2020).

¹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 165. Л. 5.

Получив задание от генерал-майора т. Аршинцева, я повторил его и хотел уже уходить, как в этот момент заместитель командира дивизии полковник т. Штанев, похлопав меня по плечу, сказал: «Не спеши, т. Бутков! Перед такой операцией я хочу тебя сфотографировать». Это так было сказано тепло и приятно, что я невольно подумал: «Полковник т. Штанев шутит». А все же иду за ним к штабу, где нас уже ждал фотограф.

«Минутку... Я не понимаю, в чем дело, товарищ полковник. Всех командиров фотографировать будете или только меня?» – «Да, только тебя, т. к. ты первый будешь брать плацдарм. Да ты садись и о других не беспокойся». Что ж, делать нечего, нужно садиться, когда приказывает старший начальник. Не успел я присесть, как фотограф заявляет: «Готово». И теперь ко мне подходит полковник, протягивает мне свою руку и говорит: «Ну, Бутков, поздравляю вас с успехом, и сейчас зайдите ко мне, я выдам вам знамя, которое вы должны будете ставить на высоте 120,0».

При вручении мне Красного Знамени полковник т. Штанев сказал: «Тов. Бутков, вам как лучшему командиру, как коммунисту доверяет командование соединения самое серьезное и самое ответственное и наряду с этим самое почетное задание. Я надеюсь, что вы не опозорите традиций своей дивизии и [оправдаете] доверие партии. И еще не забывайте, что на вас будет смотреть вся необъятная наша Родина. И что за этой операцией следит сам т. Сталин. Надеюсь, что Родина вас не забудет и вознаградит вас за это по заслугам».

Приняв знамя, я поблагодарил за доверие ко мне и дал клятву защищать Родину до последней капли крови, до последнего дыхания.

Товарищи, нельзя описать пером, нельзя передать словами той радости, того счастья, что я переживал в этот момент, и [какое у полковника было выражение лица]. Клянусь вам, товарищи, что я не хотел огорчить полковника Штанева и себя. Но не только это я сказал. Полковник взял меня в свои объятия, и мы плакали так, как расстается отец с сыном. И это было так, ибо только русский народ находит в борьбе за Родину родных и близких лишь только потому, что русский народ, и вообще многонациональный наш народ, борется за одни интересы.

На этом мы разошлись и до взятия плацдарма не виделись.

Прихожу к себе в подразделение, собираю партсобрание и ставлю в известность все подразделение, что нам выпало счастье первыми форсировать Керченский пролив и держать плацдарм пока не перебросят все подразделение. И, кроме того, нам еще самая почетнейшая задача поставлена – поставить вот это Красное Знамя, которое я держу, на высоте 120,0.

Бойцы и командиры бросились все ко мне. И каждый из них хотел подержать в своих руках это драгоценное, это почетное Красное Знамя.

И здесь же, под развевающимся на ветру Красным Знаменем, все поклялись занять плацдарм на Керченском полуострове и [водрузить] знамя – знамя Победы – на всем Крымском полуострове. И сейчас же мы приступили к подготовке. Все занимались энергично, с большим подъемом духа, и каждый хотел как можно лучше [продемонстрировать свое] умение без поражения преодолеть водный рубеж в 7,5 км.

Каждый из нас знал, что преодоление такого водного пространства, как Керченский пролив, – это нелегкая задача. Но и каждый гордился тем, что он будет первым.

Ну вот и пришло уже долгожданное число – 2 ноября 1943 г., которое мы, кажется, так долго ждали.

2 ноября 1943 г. начинаем погрузку на корабли «охотник».

Начинает наша артиллерия подготовку. Но море беспокойно, волны бросают наши корабли как щепки. А противник тоже не спит. Проектора противника шарят по кромке горизонта, ища для себя жертву, как хищный зверь.

Наша артиллерия дала такой артогонь, когда мы дали сигнал, что уже подходим к берегу, что противник и прожектор свой бросил, и, вероятно, догадался, что мы форсируем пролив, начал обстреливать его.

«Но вот, вот земля!» – начинают шуметь мои ребятаки.

И вот в это время нас обнаруживает противник и накрывает нас шквальным огнем... Но... милые! Назад уже идти поздно, да и незачем: позади противника уже нет. Нам нужно идти только вперед и вперед. Гнать, уничтожать [его] и очищать нашу родную землю, наших людей, наши фабрики, заводы, колхозы, совхозы.

Подхожу к капитану корабля и говорю: «Давай, друг, полный вперед, чтобы ребятам моим скорей выйти на берег». Но, увы, нас не пускают на берег.

Что ж, подаю команду открыть со всех видов оружия огонь и начинаю выгружаться в воду, а пулеметам прикрывать, а два станковых пулемета беру с собой, а два пулемета – прикрывать.

Бросаюсь первым в воду – мне по шее.

Но бросается за мной старшина Федотов, ростом мал – и совсем погрузился в воду. Давай я его выручать, хорошо хотя бы, что ночь была темная, а то бы фрицы с нас рассмеялись, и было с чего смеяться.

Как никогда, нужно было соображать каждый шаг и скорей захватить хотя бы маленький кусочек земли.

Хорошо, что капитан корабля быстро сообразил и дал задний [ход], а потом полный вперед и... посыпали мои ребятки в воду.

А мы со старшиной Федотовым и ручным пулеметчиком Аняняном уже очищаем берег. Да... малость позабыл о самом основном человеке – санинструкторе Лене Фелевой. Это с нами был еще четвертый человек со своей знаменитой сумкой, с которой [она] никог-

да не расставалась, [она] никогда не оставалась, а, напротив, – всегда шла в первых рядах.

Ну вот, еще одна-две минуты, и мы занимаем первый дом.

Посылаю Лену обратно на берег, чтобы быстрее спешили и дабы не могли затемно сбиться с пути.

Вот возле меня уже станковый пулемет, и мы занимаем еще два дома.

И так, пока мы заняли еще пять домов, мои ребятки уже все со мной.

И я решаю смелый маневр: оставляю здесь станковый пулемет и несколько автоматчиков, а сам с остальными пробираюсь по огородам, захожу с другого фланга и давай гнать фрицев на станковый пулемет. Но фрицы, бросая все свои пожитки, давай драпать на село Еникале.

К 4 ч 3 ноября 1943 г. с. Опасное стало безопасным, поскольку в нем уже ни одного фрица не было, если не считать 27 гансов, которых мы взяли в плен специально лишь для того, чтобы мы глазели в воду, и [они] доставали нам боеприпасы, которые мы бросили с кораблей со специально придельными раньше поплавками, которые обозначали нам, где какие боеприпасы.

И как только с. Опасное было очищено от фрицев, мы стремительно бросились на высоту 120,0, но враг упорно защищал эту высоту, и мне со своими ребятами пришлось бросить попытку взять ее в лоб.

Мне пришлось с маленькой группкой людей хитрить и проводить быстрые, опасные и ошеломляющие врага маневры, что враг думал: нас здесь целая армия. Правда, нас было всего-навсего 60 человек, но у нас были и минометы, и пушки, и противотанковые ружья, четыре станковых пулемета, семь ручных пулеметов.

Итак, мы отошли назад к с. Опасное, оставив одну группу у с. Опасное, а с другой группой обошел с. Еникале и этим отрезал путь на с. Джанкой, и [мы] ударили с двух сторон по врагу, и, не дав ему опомниться, мы захватили много трофеев, продовольственные склады, а что еще характерно – фрицы вылавливали наши керченские сельди, что так славятся, и аккуратно их засаливали в бочки, которых мы захватили несколько сот, но кушать им не удалось, потому что эти сельди наши и никому больше они не принадлежат, как нам.

Итак, очистив от противника с. Еникале, мы здесь соединились и ударили на с. Джанкой, которое находилось в тылу высоты.

Правда, в с. Джанкой мы без боя захватили до 60 фрицев и этим очистили с. Джанкой. Начинает совсем светать, но здесь опять, на наше счастье, пал очень густой туман, который скрывал нашу отважную горсть людей – смельчаков.

Казалось, что за нас стоит сейчас сама природа.

И мы с тыла бросились на высоту с криками «ура, за Родину, за Сталина!». Охватив высоту с тыла подковой, шаг за шагом мы продвигались

все выше и выше. Но вдруг на самой вершине получился взрыв, как оказалось, это наш знаменитый санинструктор Лена Фелева набрала в свою заветную сумку гранат, пробралась к блиндажу фрицев на высоте, где находились наблюдательный и корректировочный пункты, забросала их гранатами.

За Леной Фелевой забрался и самый храбрый и самый сильный пулеметчик – Ананьян.

В конечном итоге высота 120,0 наша, над ней уже реет Красное Знамя – знамя Победы.

На высоте мы захватили продовольственный склад, кухню фундаментальную, библиотеку и ряд других трофеев.

Вот я передаю по фрицевскому радио, что высота наша – и навсегда наша. И сразу мы увидели на горизонте корабли, которые шли к нам на подмогу, с большой земли на малую.

Но к 10 ч туман поднялся и противник стал приходить в себя после ошеломляющей его ночи и стал идти в атаку.

Но мы успели уже закрепиться.

Хорошо поставлены пулеметы: разили противника, не дав ему подняться.

В 10 [ч] я был ранен в ногу разрывной пулей, которая разорвала мне, противная, всю нижнюю часть голени и нога моя стала бездействовать.

Но покидать свой пост я не могу, поскольку я выполняю задание Родины.

Противник бешено рвется к высоте: цепь за цепью.

У нас не хватает патронов, но гранат еще непочатый край: у нас их было на каждого товарища по восемь штук.

Противник бросается в пятый раз в контратаку. Я приказал оставить каждому бойцу по пять патронов, а остальные отдать на станковый пулемет, у которого я стоял сам.

Вот опять фрицы прут стеной, тяжелые, как свиньи. Отдаю приказ: приготовить гранаты и не бросать до тех пор, пока противник не подойдет на гранатный бросок.

А сам по-пластунски вылез на фланг со станковым пулеметом и устроился там, чтобы ни один фриц не подошел к моим ребятам и, вообще, чтобы он никуда не ушел.

Вот фрицы в 50 м, в 40 м, и одна моя работа взрывает фрицевский строй, гранаты решают свое заветное дело, а мой «максим» взял заключительное слово, тики-тик-тики-так, так и было, так и есть, таки-так.

Отбив пять контратак (имеется в виду – после пяти неудачных контратак. – С. В.), фрицы уже не пошли в атаку, но нам не давали спокойно сидеть. Они нам четыре раза срезали древко под Знаменем, но знаменитый наш санинструктор, быстро приколачивала его к доске, и Знамя наше опять реяло на высоте и показывало путь

нашим товарищам на большой земле. Пробыли мы на высоте до 18 ч, пока не прибыли наши товарищи нам на смену. В 18.30 меня уже несли на носилках, устроенных из винтовок, в санбат, который уже был на нашем берегу.

А когда меня несли, я увидел своего генерала Аршимцева и полковника т. Штанева, которые стояли рядом на своем КП.

Полковник т. Штанев проводил меня в санбат и там поздравил меня с победой и с наивысшей наградой – присвоением мне звания Героя Советского Союза. Так я стал Героем Советского Союза.

Герой Советского Союза *Бутков Л.А.*¹¹

В конце февраля 1945 г. Л.А. Буткову довелось выступать в новом качестве – комендантом польской станции Познань-Центральная. В условиях штатного некомплекта комендатуры он сумел организовать задержание 1003 человек (в том числе 250 явных нарушителей печально знаменитого приказа № 225) и 83 дезертиров. За хорошую работу 30 июня 1945 г. Л.А. Бутков был награжден орденом Отечественной войны II степени¹².

16 октября 1945 г. гвардии капитана Л.А. Буткова наградили медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹³.

9 июля 1946 г. Л.А. Бутков заполнил автобиографию для Института истории партии при МК и МГК ВКП(б), в которой кратко рассказал об основных фактах своей жизни:

...Родился в 1907 г., 22 июля в Николаевской области, Баштанского района с. Бармашово, в семье батрака, Буткова Анисифора Тимофеевича. Отец до революции работал в г. Херсоне на пивоваренном заводе, в Билика, а потом в Бармашове у собственника Блинцова Родиона на мельнице, в качестве мельника. После революции эта мельница перешла в общество, и отец остался на ней работать по 1928 г. При коллективизации отец первый вступил в колхоз. В 1930 г., 13 мая, – умер. Мать свою я не знаю, т.к. она умерла в 1913 г.

Свою трудовую деятельность начал с 1916 г., у помещика Лакутина С.П., пастухом.

После революции работал батраком по найму в кулацких хозяйствах. С 1924 г. по 1928 г. зав. избой-читальней. С 1928 г. по 1935 г. завскладом в тюрьме г. Николаева. С 1935 г. по 1941 г. г. Николаев, завод Андре Марти, зав. инструментальной кладовой 34-го цеха. С 20 августа

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 165. Л. 10–21.

¹² Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=10696648&tab=navDetailDocument> (дата обращения 02.04.2020).

¹³ Там же.

[19]41 г. по 18 октября [19]45 г. в рядах РККА, добровольно, с рядового бойца до командира батальона. 16 мая [19]44 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Кроме этого, награды: ордена – Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды; медали – «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

В настоящее время я не работаю, как пенсионер – на пенсии. Девять раз ранен, два раза контужен.

Герой Советского Союза *Л. Бутков*¹⁴

Л.А. Бутков проживал после войны в Николаеве, а затем переехал в столицу СССР. Скончался он в 1975 г.

Литература

Дайнес 2020 – *Дайнес В.О.* Дважды Герои Советского Союза. М.: Вече, 2020. 476 с.

Морозов 2017 – *Морозов М.Э.* Герои подводного флота. М.: Центрполиграф, 2017. 317 с.

References

Daines, V.O. (2020), *Dvazhdy Geroi Sovetskogo Soyuzu* [Double Heroes of the Soviet Union], Veche, Moscow, Russia.

Morozov, M.E. (2017), *Geroi podvodnogo flota* [Heroes of the Submarine Fleet], Veche, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей С. Войтиков, кандидат исторических наук, Центральный государственный архив города Москвы, Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 80; svoyt@mail.ru

Information about the author

Sergei S.Voytikov, Cand. of Sci. (History), Central State Archives of Moscow, Moscow, Russia; bld. 80, Profsoyusnaja St., Moscow, Russia, 117393; svoyt@mail.ru

¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Л.Г. Сулова

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.06.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1194

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06